

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Пьер Антонетти

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ФЛОРЕНЦИИ ВО ВРЕМЕНА ДАНТЕ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Пьер Антонетти

Pierre Antonetti
LA VIE QUOTIDIENNE
À FLORENCE AU TEMPS
DE DANTE

HACHETTE

ЖИЗНЬ ФЛОРЕНЦИИ ВО ВРЕМЕНА ДАНТЕ

МОСКВА · МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ · 2004

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4
А 72

Предисловие и перевод с французского
В. Д. БАЛАКИНА

Художественное оформление
С. ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre.

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги).

Ouvrage réalisé avec le soutien
du Ministère des affaires étrangères français.

Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции.

Перевод осуществлен по изданию:
Pierre Antonetti. La vie quotidienne à Florence au temps de Dante.
Paris, Hachette, 1992.

- © Hachette, 1992
- © Балакин В. Д., вступительная статья, перевод, 2004
- © Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2004
- © «Палимпсест», 2004

ISBN 5-235-02626-8

«Прекрасна Италия — и по дарам природы, и по созданиям истории. Она богата благами роскошного климата и плодородной почвы, украшена чудными картинами южного, неповторимо своеобразного, то величественного, то изящно-тонкого пейзажа... От веков античности (греко-римской цивилизации) до новейших времен она являлась носителем высокой культуры...»^{*} Далеко не каждому посчастливилось собственными глазами видеть эту замечательную страну, но едва ли кому-то захочется поспорить с русским историком, словами которого — подлинным признанием в любви к Италии — мне хотелось бы начать предисловие к переводу книги его французского коллеги об одном из самых замечательных ее городов — Флоренции. Одного названия книги, пожалуй, достаточно, чтобы рука потянулась к ней. В сочетании же с именем величайшего и до сих пор не до конца понятого итальянца рождается интрига: Флоренция времен Данте?!

Флоренция, или, как ее называли в старину, Фьоренца, что значит «Цветущая», расположена в одной из самых живописных областей Италии — Тоскане, раскинувшейся в самом центре полуострова, с запада омываемой Тирренским морем, с востока ограниченной Апеннинскими горами,

^{*} Гревс И. М. Кровавая свадьба Буондельмонте: Жизнь итальянского города в XIII веке. Л., 1925. С. 7.

пологими уступами перетекающими в долину. Холмистая местность тут и там пересечена речками и речушками, впадающими в реку Арно — главный поток Тосканы, несущий свои воды в Тирренское море. Эта основная водная артерия области, обычно спокойная, в периоды бурных разливов становится грозной, несет разрушения и даже гибель прибрежным жителям. Недалеко от того места, где Арно, покинув горные кручи, резко меняет северное направление на западное, и расположилась по обоим его берегам Флоренция.

Когда история молчит, на помощь приходит легенда. Данте и его современники выводили происхождение родного города, с одной стороны, непосредственно от «матери городов итальянских» — Рима, Вечного города, а с другой — от этрусского поселения Фезулы, существующего и по сей день в качестве флорентийского предместья Фьезоле. Впрочем, как установили археологи, еще в X веке до н. э. на месте современной Флоренции существовало поселение культуры Вилланова, обитатели которого умели обрабатывать железо*. С VIII века здесь появились племена этрусков, или тусков, давшие название этой области Италии (в античности и Средние века Тоскана называлась Этрурией, или Тусцией). Этруски долго господствовали не только в Центральной, но также в Северной и Южной Италии. Они, как правило, не селились по берегам рек, предпочитали более безопасные вершины холмов, остерегаясь не столько наводнений, сколько людей. На одном из таких холмов и возникли Фезулы, обеспечившие свою безопасность стеной из больших каменных плит. Ее остатки до сих пор являются туристической достопримечательностью. Город богател за счет торговли. Не утратил он своего значения и после того, как в IV веке до н. э. Этрурия была покорена римлянами. Около 200 года до н. э. фезуланцы построили на берегу Арно гавань, вскоре ставшую центром оживлен-

* Федорова Е. В. Знаменитые города Италии: Рим. Флоренция. Венеция. М., 1985. С. 203.

ной торговли. «Нижние Фезулы», возможно, уже тогда были прозваны римлянами Флоренцией — в честь хозяйственного процветания края.

Однако «этрусская Флоренция» просуществовала недолго. В начале I века до н. э. Фезулы приняли участие в восстании италийских городов против Рима, потерпели поражение и подверглись жестокому наказанию — разрушению по приказу диктатора Суллы (впрочем, горные Фезулы, старый город, римляне пощадили). Но недолго берег Арно оставался незаселенным. В 59 году до н. э. по распоряжению Юлия Цезаря сюда была выведена колония римских граждан. На правом, низком берегу реки, чуть западнее уничтоженной фезуланской гавани, основали новый город, официальным наименованием которого стало: *Colonia Julia Florentia* — «Цветущая колония Юлия [Цезаря]». Эпитет *Florentia* и по сей день, вот уже более двух тысяч лет, остается его названием. Правильный квадрат римской колонии (новому городу придали строгую квадратную планировку военного лагеря с протяженностью каждой стороны около 500 метров) без труда прослеживается на плане разросшегося города: видны линия городских стен, места четырех ворот посередине каждой стороны квадрата и направление соединяющих их главных улиц, пересекавшихся под прямым углом в центре города, где располагалась главная площадь — форум (теперь здесь находится площадь Республики).

Во времена Римской империи Флоренция ничем не выделялась среди городов Италии, экономически процветавших, благоустроенных и пользовавшихся правом самоуправления. Она стояла на одной из оживленных дорог, которые вели из Рима во все стороны обширной державы, на Виа Кассиа, соединявшей столицу с Северной Италией. Уже в римские времена через Арно был переброшен мост в том месте, где сейчас находится построенный во времена Данте Понте Веккьо — Старый мост. Вероятно, во II — III веках во Флоренции появились христиане, это были греческие и восточные купцы и странники. В начале IV века город стал резиденцией епископа.

Конец античного периода в истории Флоренции ознаменовался жестокими потрясениями, связанными с нашествием варваров. По преданию, город особенно сильно пострадал от племени лангобардов («длиннобородых»), захватившего в VI веке Италию и отличавшегося непримиримой ненавистью к любым проявлениям древнеримской цивилизации. На какое-то время жизнь во Флоренции замерла, и город начал возрождаться лишь благодаря Карлу Великому, праздновавшему в нем Рождество 786 года. Можно сказать, что с этого праздника, собственно, и началась средневековая история Флоренции.

«Повседневная жизнь» — предельно широкий аспект для рассмотрения, включающий в себя практически все: экономику, политику, религию, культуру, быт. Именно такой всеохватной и получилась книга Пьера Антонетти, хотя автор неоднократно предупреждает читателей, что им предлагается не политическая история Флоренции, а история «повседневности», то есть преимущественно бытовая сторона жизни города. Рассказ о политических событиях действительно сведен до того минимума, без которого просто было бы невозможно понять повседневную жизнь флорентийцев. Впрочем, Антонетти, насколько можно судить по другим его работам*, к политической истории питает меньший интерес, нежели к истории культуры и общества.

И все-таки почему автор решил изобразить повседневную жизнь Флоренции именно во времена Данте? Ведь этот период не был ни наиболее блистательным, ни самым героическим в истории города: последовавшая за ним эпоха гуманизма и Ренессанса бесспорно и по праву признается более славной. Разумеется, выбор автора продиктован прежде всего личностью Данте: интересно узнать, в какой обста-

* В полной мере это проявилось и в книге, специально посвященной истории Флоренции: *Antonetti P. L'Histoire de Florence*. Paris, 1976. Стоит отметить, что плодотворная идея взять Данте в качестве проводника по Флоренции той эпохи пришла в голову не одному только Антонетти и, возможно, даже не ему первому. См.: *Barbadoro B. Firenze di Dante*. Firenze, 1965.

новке жил и творил великий итальянский поэт. Даже, казалось бы, заурядный период в истории Флоренции предстанет перед читателями в ином свете, если связать его с такой знаковой фигурой. Однако важнее другое: эпоха Данте интересна тем, что она была переходной, рубежной между уходящим в прошлое Средневековьем и нарождавшимся Новым временем. Антонетти в своей книге хорошо показал, что в этот период, несколько расширительно именуемый «эпохой Данте» (захватывая несколько десятилетий до рождения поэта и столько же после его изгнания из родного города), Флоренция превратилась из заурядного, во всех смыслах второстепенного города в динамично развивающийся центр промышленности и торговли, в колыбель раннего капитализма.

Личность Данте — это личность человека на рубеже эпох: во многом он человек Средневековья, предчувствующий наступление новых времен — «Новой жизни», как он назвал автобиографическую повесть в прозе и стихах. Много сказано о «зашифрованности» его произведений, их двойном и тройном смысле (не случайны многочисленные пространные комментарии к ним). Общим местом стала характеристика Данте как «хвалителя былых времен». В этом качестве он проявляет себя в своем самом значительном произведении — «Божественной комедии», противопоставляя «добрые старые времена» новым порядкам, с которыми он не в силах примириться. Отсюда политический консерватизм Данте, его приверженность идее Священной Римской империи, с которой он связывал надежду на установление в Италии мира и порядка. Антонетти, на наш взгляд, слишком прямолинейно оценивает политические воззрения Данте как ретроградные и характеризует его политическую программу как музейный хлам. Необходимо учитывать, по крайней мере, следующее: Данте, как и другим его современникам, приходилось выбирать не между хорошим и лучшим, а меньшее из зол. С чем легче было примириться: с твердым порядком, установленным в Италии германским правителем, носившим титул римского императора, или с непре-

рывными междоусобными войнами, уносившими тысячи жизней и губившими создания рук человеческих? На этот вопрос каждый отвечает по-своему.

Что такое Священная Римская империя*, в приверженности которой был столь непоколебим Данте? Имеет ли она отношение к Древней Римской империи? Самое непосредственное. Столицу некогда существовавшей Римской империи не зря прозвали Вечным городом: на протяжении веков казалось, что он был всегда и будет существовать вечно. Так относились и к империи. Хотя древняя римская держава рухнула под натиском варваров, ее традиция продолжала жить. Собственно, погибло не все государство, а только его западная часть — Западная Римская империя. Восточная же часть империи выстояла и под названием Византия просуществовала еще без малого тысячу лет. Авторитет византийского императора признавался и на Западе, где германскими племенами были созданы так называемые варварские королевства.

Одно из них, Франкское королевство, при короле Карле Великом усилилось настолько, что своим могуществом стало напоминать Римскую империю. Тогда и возникла мысль возродить ее. В этом особенно были заинтересованы папы римские, нуждавшиеся в императоре — защитнике церкви от внутренних и внешних врагов. На Рождество 800 года в церкви Святого Петра в Риме папа Лев III увенчал голову Карла Великого императорской короной. И сам Карл, и папа думали, что восстановили Римскую империю в целом, включая ее восточную часть. Однако Византия не признала новоявленного императора. Так появились две империи, каждая из которых считала себя наследницей державы Константина Великого, первого христианского государя.

Заинтересованным читателям, желающим получить более полный объем сведений по этому вопросу, могу порекомендовать дополнительную литературу: *Балакин В. Д.* Происхождение Священной Римской империи // Вопросы истории. 1998. № 10; *Он же.* Средневековая Римская империя: идея и реальность // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 2. М., 2000; *Он же.* Итальянская политика империи Оттонов. М., 2000.

Воссозданная Карлом Великим империя, названная по его имени Каролингской, оказалась недолговечной. Вскоре после его смерти центральная власть ослабела, начались феодальные смуты и борьба за господство. Все кончилось тем, что три его внука в 843 году поделили империю между собой, положив начало существованию Германии, Италии, Франции и других государств современной Европы. Несмотря на раздел, империя формально сохранялась, и старший из братьев носил титул императора, не обладая никакой властью вне доставшегося ему удела. Императорская корона и впредь передавалась по наследству, но авторитет и владения императоров, не выходявшие за пределы Северной Италии, неудержимо убывали, пока и вовсе не сошли на нет. В начале X века эта корона оказалась никому не нужна. Империя опять угасла.

В Германии тогда правил король Генрих I по прозвищу Птицелов. Он сумел укрепить центральную власть и навести порядок в стране, за что подданные уважали его и называли императором. Правда, короноваться императорской короной в Риме он не успел. Мечту о возрождении Римской империи унаследовал вместе с королевством его сын Оттон I, которому и удалось осуществить задуманное: в воскресенье 2 февраля 962 года, в великий праздник Сретения Господня, в римской церкви Святого Петра он был торжественно увенчан императорской короной. Церемония коронации возвещала о возрождении Римской империи, к названию которой позднее добавили эпитет Священная.

Хотя воссозданная им империя была гораздо меньше Древней Римской и даже Каролингской империи, она просуществовала очень долго. В ее состав кроме самой Германии, короли которой были впредь императорами, входили также треть современной Италии, часть Франции и Бельгии, Австрия, Швейцария, Нидерланды и области западных славян. Это было многонациональное государство. Поскольку немцы составляли в нем большинство и играли главенствующую роль, а империя называлась Римской, ре-

шили исправить это несоответствие. В конце XV века к ее названию добавили еще два слова, и получилось очень длинное наименование — Священная Римская империя германской нации. Таково было официальное название, использовавшееся в документах, а в обыденной жизни государство называли Германией или просто Империей, и всем было ясно, о какой империи идет речь.

Императорская власть не давалась немецким королям просто так. Каждый из них во главе большого войска отправлялся в Италию за короной. Иногда хватало простой демонстрации силы, но зачастую приходилось усмирять противников в кровопролитной борьбе. Сам Оттон I около девяти лет провел в Италии, утверждая там свое господство. В Южной Италии немцам пришлось, кроме того, столкнуться с византийцами, издавна владевшими этой землей, и вторгавшимися туда арабами, или, как их тогда называли, сарацинами. Оттон II, сын основателя Священной Римской империи, потерпел от них в одной из битв сокрушительное поражение. Ему самому чудом удалось спастись — верхом на коне и в плавь по морю. Пострашнее сарацин оказался другой враг — эпидемии, косившие жителей севера, непривычных к жаркому климату Италии. Эта участь постигла и Оттона II: избежав смерти от оружия сарацин, он в возрасте всего 28 лет пал жертвой заразной болезни и был похоронен в Риме. Никто ни в Италии, ни в Германии не воспользовался безвременной кончиной императора для перемены власти. Восстали только славяне, жившие по берегам Балтийского моря и реки Эльбы. Они были покорены еще Генрихом Птицеловом и Оттоном I, и теперь возвратили себе свободу и независимость. Только спустя почти 200 лет немцы опять подчинят их, и теперь уже навсегда.

В свое время Оттон I, дабы уладить отношения с Византией и добиться от нее признания своей империи, женил сына-наследника на византийской царевне Феофано. Это была красивая и просвещенная девушка, принесшая в Германию высокую византийскую культуру и ученость. Единственного сына от

этого брака назвали тоже Оттоном. Когда эпидемия унесла жизнь отца, ему не было и трех лет, однако созданный дедом порядок был столь прочен, что и младенца признали королем. Сначала за него правили мать и бабка, а когда Оттону III исполнилось 15 лет, он взял в свои руки бразды правления. Благодаря матери, он получил блестящее образование, в совершенстве владел древнегреческим и латинским языками, был сведущ в философии и других науках. Обретя в Риме императорскую корону, он поставил перед собой великую цель: воссоединить свою империю с Византией, а затем объединить всю Европу в составе христианской Римской империи. Но судьба не была к нему благосклонна. Едва приступив к исполнению замысла, Оттон III умер в возрасте неполных 22 лет, не оставив потомства.

В Священной Римской империи были два высших авторитета — сам император и папа римский. Они постоянно боролись за верховенство. Сильные императоры, как Оттон I, выходили из этой борьбы победителями. Оттон I защищал церковь, но при этом подчинил ее своей воле и поставил на службу интересам империи. Самовластно распоряжаясь делами церкви, он по своему усмотрению назначал и смещал епископов и аббатов. И даже самого папу римского не могли избрать без его согласия. Но бывало и по-другому. В середине XI века на германском престоле оказался малолетний король Генрих IV из новой королевской династии — Салической, или Франконской. Почувствовав, что властная рука ослабела, феодалы, не только светские, но и духовные, считавшиеся опорой короля, вышли из подчинения. В то же самое время в католической церкви проводились реформы, чтобы укрепить ее авторитет в народе. Для этого надо было прекратить обмирщение церкви, то есть падение нравов среди духовенства и подчинение ее светской власти. Эти преобразования осуществлялись под руководством папы Григория VII.

Между ним и повзрослевшим Генрихом IV, решившим вернуть королевской власти ее права, разгорел-

ся конфликт, известный как борьба за инвеституру, то есть за право назначать епископов и аббатов. Кто обладал этим правом, тот контролировал церковь и имел важный источник доходов. Ни одна из сторон в этом споре не хотела уступать. Генрих IV созвал синод — съезд верного ему духовенства, на котором заявили о смещении папы римского. Но прошли те времена, когда король Германии распоряжался судьбами папского престола. Григорий VII отлучил Генриха IV от церкви, чем незамедлительно воспользовались его противники. Отлученного от церкви короля можно было не признавать. Феодалы потребовали от него примириться с папой, иначе они выберут нового правителя.

Не в силах подавить мятеж, Генрих IV уступил бунтовщикам. В условиях зимнего бездорожья он совершил труднейший переход через Альпы и прибыл с небольшой свитой (без военных отрядов, с которыми обычно приходили в Италию немецкие короли) к замку Каносса. Там, за мощными стенами нашел убежище Григорий VII. Трое суток король без еды и питья, в рубище раскаявшегося грешника на коленях умолял папу пустить его к себе. Наконец ворота замка открылись, и Генрих IV смиренно припал к ногам папы римского, целуя его бархатную туфлю. Наверное, Григорий VII понимал, что со стороны короля покаяние было лишь тактическим шагом. Прощая Генриха IV, он тоже делал тактический ход: дабы феодалы в Германии не возомнили слишком много о себе, пусть они получают назад нелюбимого короля, пусть в стране продолжаются раздоры — тем легче будет ему, папе, достигать своих целей.

Но на этот раз победителей не было — проиграли все. Вернувшись в Германию и кое-как водворив в стране порядок, Генрих IV снова пошел в Италию. На сей раз с ним было большое войско, предрешившее участь папы. Григорий VII бежал на юг Италии, где и умер спустя несколько лет, так и не увидев больше Рима. Но, отомстив папе, Генрих IV не смог победить в борьбе за инвеституру. Противостояние продолжалось еще много лет и закончилось тем,

что императоры лишились права назначать епископов и аббатов. Рухнула созданная Оттоном I система, при которой церковь служила главной опорой королевской власти. Центральная власть в Германии все больше ослабевает, страна вступает в период феодальной раздробленности.

В этой борьбе империи с папством союзницей Григория VII выступала Матильда, владелица Тосканского маркграфства, в состав которого входила и Флоренция. Прежде, в эпоху Оттонов, маркграфы Тосканские были верными союзниками императоров, а Матильда, увлеченная идеей реформы церкви, совершила поворот в этой ставшей уже традиционной политике. Не имея законных наследников, она завещала свое маркграфство Церковному государству — светскому владению римских пап, однако папская власть в тот период была столь слаба, что не сумела удержать завещанную огромную территорию. Маркграфство Тосканское распалось, и Флоренция, равно как и ряд других городов Тосканы, обрела статус вольной, самоуправляющейся городской коммуны. Власть взяли в свои руки горожане (пополаны), успешно отбивавшие атаки феодалов — как светских, так и духовных. Городом правила коллегия консулов, избиравшихся из числа наиболее авторитетных и богатых граждан. Флорентийцы разрушили окрестные замки, а их обитателей насильно переселили в город.

Можно было бы ожидать, что в период этого ослабления императорской власти пошатнется и Священная Римская империя. Ничуть не бывало. Европа уже не представляла себя без империи. Правители других стран не подчинялись власти императора, но и не требовали упразднить ее. Более того, императору оказывали знаки уважения и даже формально признавали его верховенство. Не спорили и о том, кому должна принадлежать императорская корона. Уже стало традицией, что короноваться в Рим прибывали немецкие короли. Бороться за императорскую корону не было смысла, поскольку она не давала реальных преимуществ. Поддерживали сложив-

шуюся традицию, полагая, что будет лучше, если продлится существование Священной Римской империи, сохранится заведенный порядок, освященный авторитетом церкви.

Тогда хоронить империю было рано, ей предстояло пережить героический период при императорах из династии Гогенштауфенов. Ее наиболее яркими представителями были Фридрих I Барбаросса, что значит Красная Борода, и его внук Фридрих II. Барбаросса получил свое прозвище от итальянцев, пораженных огненно рыжим цветом его бороды — именно она бросалась в глаза, не будучи скрытой боевыми доспехами. Барбаросса много лет провел в Италии, утверждая свою императорскую власть. У него было предостаточно врагов, от которых ему доводилось терпеть досадные поражения. И все же при нем империя была прочной, а сам он запомнился потомкам как сильный и справедливый правитель. И погиб он как рыцарь в Третьем крестовом походе.

Желая присоединить к империи Южную Италию, Барбаросса женил своего сына Генриха VI на королеве Сицилии Констанции. Однако тот, унаследовав императорскую корону и владения отца, после всего лишь семи лет правления умер в молодом возрасте, став жертвой очередной эпидемии. У его трехлетнего сына Фридриха почти не было надежды унаследовать отцовский престол. Когда через год умерла и мать, родственники отобрали у него и Сицилийское королевство.

Удивительна судьба этого человека. Потеряв из-за ранней смерти родителей права на престол, он нашел опекуна и воспитателя в лице папы римского Иннокентия III, одного из самых выдающихся деятелей средневековой Европы. С помощью того же папы он вернул себе Сицилийское и Германское королевства, а затем получил и императорскую корону. При Фридрихе II Священная Римская империя достигла своего наибольшего величия, олицетворением и живым воплощением которого был сам император. Его дворец на Сицилии, в городе Палермо, затмевал великолепием резиденцию любого европейского пра-

вителя. Однако внешний блеск империи маскировал ее внутреннее ослабление. Фридрих II совершил роковую ошибку, выпустив из рук власть в Германии, куда он лишь изредка навевывался. Там полновластными хозяевами стали князья. Все больше врагов появлялось у императора в Италии и других странах. Вскоре после его смерти пресеклась и династия Гогенштауфенов. Южную половину Италии захватили сначала французы, а затем испанцы, и она была навсегда потеряна для империи. Об этом очередном крушении императорской власти в Италии как факторе повседневной жизни Флоренции пишет и Антонетти, простодушно недоумевая, почему же не прекратились на Апеннинах кровавые распри — как будто итальянские города когда-то были едины в своей борьбе против иноземного императора.

Сама империя тогда, казалось, тоже погибла. Германия на 20 лет погрузилась в политические смуты. Феодалы не могли договориться, кто придет на смену вымершей династии. Наконец выбрали одного из своей среды — не из самых сильных, чтобы не был опасен князьям, привыкшим самовластно править в собственных владениях. В 1273 году новым немецким королем стал до того мало кому известный граф Рудольф Габсбург, ставший родоначальником одной из самых знаменитых европейских династий. Он оказался талантливым правителем. При нем в Германии воцарился порядок, какого давно не было. Народ любил и уважал Рудольфа I. И церковь видела в нем своего защитника, как когда-то в Карле Великом и Оттоне I. Папа римский предлагал Рудольфу I императорскую корону, однако тот не успел совершить традиционный поход в Рим для коронации, о чем горько сетовал Данте в своей «Божественной комедии», упрекая Рудольфа за то, что он пренебрег Италией, «садом» Священной Римской империи.

После смерти первого Габсбурга князья не желали видеть на престоле его сына. Он казался им слишком сильным правителем, способным положить конец княжеской вольнице. Они постарались не допустить, чтобы королевская власть в Германии

укрепилась и стала наследственной. Им было выгодно, чтобы представители разных династий боролись за престол и давали им все новые и новые привилегии.

Но и эти зависимые от князей короли претендовали на императорский титул. Во главе войска они совершали трудные походы в Рим. В Италии у них были сторонники, традиционно поддерживавшие императоров и называвшиеся гибеллинами — от Вайблинген, названия одного из родовых замков Гогенштауфенов. Их противники, выступавшие против того, чтобы немецкие короли в качестве императоров Священной Римской империи хозяйничали в Италии, назывались гвельфами — от Вельфов, одного из княжеских родов Германии, с представителями которого враждовали Гогенштауфены. Вся средневековая история Италии наполнена соперничеством этих группировок. Зачастую в одном городе гвельфы и гибеллины вели между собой беспощадную борьбу. Если одерживали верх одни, то горе было другим. Именно так обстояли дела и во Флоренции времен Данте. Антонетти в своей книге нарисовал яркую картину борьбы этих группировок, сопровождавшейся массовыми казнями побежденных противников, разрушением их домов, конфискациями и изгнаниями. Когда эта борьба, многие десятилетия продолжавшаяся с переменным успехом, наконец завершилась изгнанием из города аристократической группировки гибеллинов, среди гвельфов, выражавших интересы торгово-промышленного населения города, произошел раскол на белых и черных — на сторонников императора и его противников, стремившихся найти поддержку у папы римского! Белый гвельф Данте вместе со своими единомышленниками потерпел поражение и в 1302 году подвергся вечному изгнанию из родного города, а затем был заочно приговорен к сожжению на костре. Народно-республиканский принцип во Флоренции восторжествовал над аристократически-монархическим. Из книги Антонетти читатель узнает много интересного об этой флорентийской демократии.

Повседневная жизнь Флоренции в эпоху, названную автором, как мы уже отмечали, несколько расширительно «временами Данте», рассматривается столь подробно, что к сказанному, кажется, нечего добавить. Антонетти по-настоящему увлечен темой своего исследования, влюблен в славный город и его обитателей. Фамилия исследователя позволяет предположить наличие у него итальянских корней, и в таком случае как будто становится понятной его любовь к Флоренции и, шире, к Италии — «исторической родине». Однако на протяжении книги мы не раз убеждаемся, что имеем дело с настоящим патриотом Франции: Пьер Антонетти не упускает случая отметить, что тот или иной предмет обихода, та или иная мода или культурное веяние флорентийцами заимствованы из Франции. Делается это с такой милой непосредственностью, что не приходит в голову усомниться в обоснованности авторского суждения. Напротив, автор настолько увлекает своим рассказом, что незаметно для себя проникаешься его энтузиазмом и уже ничто во Флоренции не кажется чрезмерным. Любить так любить — без оглядки. Остается лишь пожелать, чтобы французский патриот и вместе с тем поклонник Италии нашел как можно больше единомышленников в России. Патриоту не противопоказано восхищаться красотой, где бы она ни встречалась, в любых ее проявлениях.

В. Д. Балакин

ИТАЛИЯ И ФЛОРЕНЦИЯ
ВРЕМЕН ДАНТЕ

Известны слова Меттерниха: «Италия — понятие географическое». Высказывание, в начале XIX века более злое, чем верное, применительно к эпохе Данте справедливо в полной мере. Италия, «имперский сад», по образному выражению поэта*, — раздробленная страна¹. На севере, двигаясь в западном направлении, мы встретим во главе настоящей колониальной империи Венецианскую республику, чья материковая территория все еще мала; Милан, перешедший из-под власти Делла Торре к Висконти, самый населенный и один из самых богатых городов-государств Италии; Геную, находящуюся на подъеме морскую республику, которая, избавившись после победы в морском сражении при Мелории в 1284 году от конкуренции со стороны Пизы, стала хозяйкой Корсики; несколько богатых городов, подчиненных власти знатных сеньоров — маркиза Салуццо, графов Тенда, веронских Скалигеров и др. Центральная Италия разделена между клонящейся к упадку, но удерживающей часть Сардинии Пизанской республикой, Флорентийской республикой, чья территория еще сравнительно невелика, а богатства уже весьма значительны, синьориями Пеполи в Бо-

* Данте А. Божественная комедия. Чистилище, VI, 104. Здесь и далее цитаты даются в переводе М. Лозинского. (Прим. пер.)

лонье, д'Эсте в Ферраре, Бонакольси в Мантуе, Монтефельтро в Урбино, Да Полента в Равенне, Малатеста в Римини, Манфреды в Фаэнце, Орделаффи в Форли, Каррара в Падуе... Добавим к ним города-государства Сиену, Ареццо, Лукку и другие, каждое — в кольце прочных стен, ревниво защищающее свои привилегии и независимость. В центре полуострова — Церковное государство (Папская область) со столицей в Риме, с 1309 года переставшее быть резиденцией пап, перенесенной в Авиньон, арена соперничества нескольких знатных родов (Колонна, Орсини и др.). Южнее — королевство, называющееся Сицилийским, но Сицилию, перешедшую под власть Арагонского дома, в 1282 году утратившее. В Неаполе правит французская по происхождению Анжуйская династия, ее представители в эпоху Данте — Карл I, Карл II и Роберт, покровители и господа (пусть и теоретически) итальянских гвельфов. Дальше на юг — Сицилия, из которой в результате восстания 1282 года («Сицилийская вечерня») изгнаны французы; обретя независимость от Неаполя, она находится под властью Арагонской династии, пользующейся поддержкой местной знати.

Крайняя политическая раздробленность дополняется чрезвычайной лингвистической пестротой. В своем трактате «О народном красноречии» Данте различает четырнадцать диалектов, в пределах одной провинции и даже города распадающихся, в свою очередь, на местные наречия. Ни один из диалектов еще не преобладает над другими, и Данте создает теорию «славного» народного языка, в котором тосканский диалект является не более привилегированным, чем остальные. Представления о преобладании того или иного региона у него отсутствуют. К тому же, по мнению Данте, Италия не может обрести единство вне границ Священной Римской империи, «садом» которой, по его словам, она является; столица империи — Божественным желанием избранный — Рим. Но мечта о восстановлении единства страны, которому поэт посвятил свой политический трактат «Монархия», рухнула в 1313 году со смертью императора Генриха VII.

Разрозненная географически и лингвистически Италия не знает и политического единства. Конечно, соперничество папы и императора после смерти в 1250 году Фридриха II утратило прежнюю энергию. Конечно, после избрания папой француза Климента V, перенесшего папскую резиденцию в Авиньон, «Рим больше не в Риме». И все-таки многие годы после смерти Фридриха II в каждом итальянском городе борются две группировки — гвельфы и гибеллины. Более того, гвельфы раскалываются на соперничающие партии — сначала в Пистойе, а затем во Флоренции, где белые гвельфы, враждующие с черными гвельфами, ведут братоубийственную войну, одной из самых знаменитых жертв которой станет Данте. Между тем новый чужак подчиняет своей власти почти половину Италии — французский принц Карл Анжуйский, брат Людовика Святого, признанный в 1263 году римлянами пожизненным сенатором и ставший арбитром в итальянской политике вплоть до своей смерти в 1285 году. В течение нескольких лет Карл Анжуйский, извлекая выгоды из поддержки папы Урбана IV, француза по происхождению, и его преемников, создает в Италии обширные владения, раскинувшиеся от долин Пьемонта на севере до Сицилии на юге. Победы, одержанные им над наследниками Фридриха II (Манфред разбит в 1266 году при Беневенто, Конрадин пленен в 1268 году у Тальякоццо), открывают ему ворота всех городов, где господствуют гвельфы, в том числе Флоренции. Поскольку с 1250 по 1276 год императорский престол остается вакантным, Карлу I, к тому времени королю Сицилии и римскому сенатору (папский престол тоже пустует — с 1268 по 1271 год), удается подчинить своей власти Милан, Турин и другие города Северной Италии, а также Пизу, Сиену и еще несколько городов в Центральной Италии. Гибеллины вынуждены полностью прекратить сопротивление. Они вновь поднимают голову в 1273 году, вдохновленные избранием импе-

* Точнее говоря, королем Германии; формально коронация Рудольфа I Габсбурга императорской короной, проводившаяся в Риме, так и не состоялась. (Прим. пер.)

ратора* Рудольфа Габсбурга. Против Карла I восстают Генуя, Ломбардия и Пьемонт (из которого он вынужден уйти), Милан, власть в котором переходит к представителю рода Висконти, Рим, где всю власть берет в свои руки папа Николай III. Но преждевременная смерть Николая III в 1280 году и избрание папой француза Мартина IV дают начало новому взлету Карла I: он станет королем Албании, королем Иерусалима и властителем Сардинии, правителем которой сделает своего сына Филиппа. Но впереди новое падение — как результат борьбы за Сицилию между ним и королем Арагона Педро III, считающим себя законным претендентом: он женат на дочери покойного сына Фридриха II Манфреда, разбитого в 1266 году при Беневенто Карлом Анжуйским. Знаменитое народное восстание 1282 года, «Сицилийская вечерня», изгоняет французов с Сицилии, отдав остров под власть короля Арагона. Таким образом, Сицилия окончательно потеряна для Анжуйского дома, но он тем не менее господствует на юге Апеннинского полуострова: Карлу I наследует его сын Карл II (1285—1309), Карлу II — Роберт (1309—1343), который будет, прямо или через заместников, управлять Флоренцией в первые десятилетия XIV века. Анжуйская династия остается на протяжении всего интересующего нас периода одной из наиболее могущественных политических сил Италии. Возглавляя гвельфов, она смогла объединить вокруг себя множество городов-государств Центральной Италии, включая Флоренцию.

Что касается императоров, то Италия в течение многих лет их не интересует, и Данте обращает горький упрек к Рудольфу Габсбургу и его сыну Альберту, императору в 1298—1308 годах:

И ты, Альберт немецкий, ты, который
Был должен утвердиться в стремених,
А дал ей одичать...

Приди, взгляни, как сетует твой Рим,
Вдова, в слезах зовущая супруга:
«Я Кесарем покинута моим!»

(Чистилище, VI, 97—99, 112—114)

Когда же Генрих VII Люксембург, в свою очередь, был избран императором и в 1310 году направился в Рим за императорской короной, ему оказали восторженный прием в Турине и Милане (здесь его коронуют «железной» короной лангобардов). Города же, где правят гвельфы, в их числе Флоренция, закрывают перед ним ворота или даже восстают против него. В Риме половина жителей — его противники. На обратном пути в Германию в 1313 году Генрих VII застигнут эпидемией малярии и умирает, оставив в глубокой печали Данте и всех, кто с энтузиазмом приветствовал его прибытие (Данте назвал его «новым Моисеем»). Так рухнула надежда Данте на возрождение Священной Римской империи, в которой, согласно концепции, подробно им разработанной в трактате «Монархия», Италия была бы садом, Рим — духовной столицей, папа, олицетворение одной из двух универсальных властей, пекся бы о духовном спасении человечества, а император вел бы его по пути земного процветания.

На самом деле, римским папам, кроме Бонифация VIII, дела не было до анахронических мечтаний Данте. Еще до того как обосноваться в Авиньоне под защитой французских королей, во власти которых они находились, являясь их подданными или, по крайней мере, согражданами, папы времен Данте, как правило, предпочитали покровительство Анжуйского двора в Неаполе. Это справедливо в отношении Гонория IV (1285—1287), Николая IV (1288—1292), Целестина V (1294), Бонифация VIII (1294—1303), Климента V (1305—1314) и Иоанна XXII (1316—1334). Вот почему Италия, покинутая императорами (за исключением Генриха VII) и с 1305 года — папами, предстает перед Данте в весьма неприглядном свете:

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!

(Чистилище, VI, 76—78)

В раздробленной Италии Флоренция, по Данте, — тот же тип города, разделившегося в самом себе. Действительно, на первый взгляд раздоры и расколы яв-

ляются неотъемлемым атрибутом политической жизни города. Сначала гвельфы против гибеллинов, потом — во времена Данте — черные гвельфы против гвельфов белых, кланы не перестают восставать друг против друга в кровавых схватках. Но за этим фасадом скрывается динамичный рост экономики, сделавший Флоренцию Данте одним из крупнейших торгово-промышленных и банковских центров средневекового Запада. Именно тогда, в конце XIII — начале XIV века, Флоренция достигает уровня своих ближайших (Пиза) или более отдаленных (Генуя, Венеция) конкурентов. По численности населения (около 100 тысяч человек), наряду с Миланом, Венецией и Генуей, она входит в четверку наиболее населенных городов Италии (в Париже живет немногим больше жителей, а в Лондоне — менее половины); по производственным показателям крупнейших цехов, среди которых Калимала и Лана, занимает ведущее место в Европе (несмотря на невыгодное географическое положение — в глубине итальянской территории, без выхода к морю и, как следствие, без флота). Не отстает Флорентийская республика по количеству и красоте общественных и частных сооружений; по достижениям писателей, художников и ученых, несмотря на отсутствие в городе полноценного университета; по масштабам деятельности купцов, торгующих по всему миру, особенно во Франции и Англии, где они занимают прочные позиции, вызывая восхищение и зависть; по роли банкиров в международных делах — без их услуг не могут обойтись ни папы, ни князья, ни короли (прежде всего английские).

В политическом отношении после победы Карла Анжуйского при Беневенто в 1266 году во Флоренции господствуют гвельфы. Чаша весов, в предшествующие десятилетия склонявшаяся то к гибеллинам, то к гвельфам, теперь остановлена — и надолго. Принадлежность к лагерю гвельфов вовсе не означает безоговорочной приверженности планам папы и их анжуйским союзникам в Неаполе. Это становится очевидным в 1301 году, когда часть правящей элиты города (в том числе и Данте) встает в оппозицию к Карлу Ан-

жуйскому, прибывшему, чтобы подчинить ее себе и папе Бонифацию VIII. Политический мир и мир деловой расколоты: белые и черные гвельфы находятся во враждебном противостоянии — ситуация, которую нельзя охарактеризовать иначе как «кризис партии»².

Действительно, одни (черные гвельфы) готовы вступить в союз со всеми, кто может содействовать их возвращению к власти; другие (белые гвельфы) выступают за политическую и экономическую независимость, допускающую формальный альянс с папством и неаполитанскими королями, но при условии неукоснительного соблюдения реальной автономии города. Эта политическая оппозиция обнаруживает традиционный антагонизм старинной аристократии и деловой верхушки бюргерства: первые не могут смириться с политической ситуацией, когда они отстранены от власти, вторые (в состав этой группировки вошло немало представителей старинных аристократических семей) опасаются возврата к власти тех, кто был отстранен от нее в 1293 году «Установлениями справедливости».

«Установления справедливости» (*Ordinamenti di giustizia*), с которыми связано имя Джано делла Белла, закрепили неудержимое возвышение деловых людей, защитили их от притеснений и насилия со стороны грандов (магнатов). Гранды отстранены от участия в важных органах управления и находятся в некотором смысле — благодаря поистине террористической юрисдикции — под наблюдением. Исключенные из всех важнейших советов, магнаты обязаны вносить коллективный залог; в случае отказа от внесения залога или участия в действиях, нарушающих общественный порядок (если их вина изобличена), их дома подлежат сносу и к ним применяются варварские наказания (отсечение руки за отказ уплатить денежный штраф). Чрезмерная жестокость этих норм вызывает ответную реакцию, в частности, Джано делла Белла вынужден в 1295 году отправиться в изгнание. Тогда же в «Установления справедливости» вносятся поправки: аристократам разрешено записываться в цех без обязательства заниматься соот-

ветствующей профессиональной деятельностью (так, Данте получил возможность записаться в цех медиков и аптекарей). При всем том «Установления» на протяжении почти полутора веков будут оставаться конституционной хартией Флоренции — вплоть до прихода к власти в 1434 году первого представителя рода Медичи.

Таким образом, Флоренция — это городская демократия; городом управляет Синьория в составе шести, а затем восьми приоров и одного гонфалоньера, избравшихся старшими цехами, а также, хотя и в меньшей мере, одним подеста с его советом и одним капитаном народа с его советом. Эти органы власти служат, как будет показано далее, противовесом друг другу. В целом это олигархия богачей (а не наследственная олигархия, как в Венеции), в которой сосуществуют родовая аристократия и нувориши из числа торговой буржуазии. Флорентийская олигархия неоднородна, что порождает напряженность, раскалывает общество, становится причиной потрясений. Противоречия приводят к событиям 1301 года, вызванным намерениями папы Бонифация VIII и Карла II Анжуйского, короля Неаполитанского, с одной стороны, и соперничеством семейных кланов — с другой. Одни (белые гвельфы) группируются вокруг семейства Черки, другие (черные гвельфы) — вокруг весьма колоритной фигуры Корсо Донати, жаждавшего реванша за тех, кто был отстранен от власти в 1293 году. Час пробил в начале ноября 1301 года. Под предводительством Донати черные гвельфы в течение недели терроризируют белых гвельфов — убивают, сжигают дома, отправляют в изгнание, пополняя тем самым ряды флорентийских изгнанников-гибеллинов. И все же их победа эфемерна: в 1308 году Корсо Донати, подвергшись преследованиям, предпочитает покончить жизнь самоубийством.

В тот год для изгнанников, гибеллинов и белых гвельфов, вспыхивает слабый лучик надежды: избран новый император, Генрих VII Люксембург, полный решимости прибыть в Италию, дабы короноваться и стать ее господином, по праву и фактически. Привет-

ствуемый Данте как освободитель, превозносимый гибеллинами как спаситель, император после первоначальных успехов видит, что Флоренция, несмотря на призывы, а затем и проклятия Данте в адрес «злокозненных флорентийцев»³, отвергает его, смеется над ним. Когда в 1313 году, возвращаясь из Италии в Германию, Генрих VII скоропостижно умрет, он оставит Италию, ясно осознающей: старая теория Священной Римской империи немцев, вопреки мнению Данте, — это просто пестрые лохмотья в музее Истории⁴.

Во Флоренции, избавленной от угроз со стороны императора и гибеллинов, правящий слой почел за благо призвать в защитники короля Роберта Неаполитанского, предложив ему власть в городе на пять лет⁵. Однако королевские заместители недостаточно энергично борются против могущественного соперника Флоренции старого кондотьера Угуччоне дела Фаджюола, повелителя Пизы и Лукки, убежденного гибеллина, разгромившего в 1315 году флорентийское войско при Монтекатини. Гибеллинская угроза усиливается при преемнике Угуччоне, молодом и честолюбивом Каструччо Кастракани, столь же талантливым военачальнике, сколь и беззастенчивом авантюристе. Король Роберт Неаполитанский, получивший в 1318 году титул «протектора, распорядителя и правителя» Флоренции, не может помешать Каструччо, пожизненному сеньору Лукки и повелителю Сан-Миниато и Пистойи, разгромить флорентийское войско при Альтопашио в 1325 году. Данте, умерший в 1321 году, уже не узнал об этом эпизоде истории родного города. Был бы он опечален этим известием? Не усмотрел бы он в этом новую кару городу, изгнавшему его двадцать лет назад? А может, несчастья Флоренции укрепили бы его ненависть к «неблагодарному народу», погрязшему, как полагал он, в алчности и гордыне? Последнее суждение, если оно и было высказано, несправедливое по отношению к городу, ярко блиставшему среди городов средневекового Запада, в которых осуществлялся синтез духовной деятельности и многообразных форм физического труда людей.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая

Домашнее убранство

Дом

Во Флоренции он такой же, как и в других средневековых городах. Убранство дома зависит от богатства его владельца. Между лачугами городской бедноты и дворцами аристократии или богатых горожан различия огромны¹. Однако дома среднего ремесленника и среднего купца различаются меньше. Контраст станет более ярким позднее, когда экономическое процветание породит новые запросы и разовьет потребности в бытовом комфорте. Во Флоренции же времен Данте, особенно в его молодые годы, нравы грубы, а запросы элементарны. Но они изменились по сравнению с XII веком — тем самым, к которому, начиная с Данте, обращены ностальгические сетования о прошедших временах.

Обзор дома бедноты не займет много времени. Примыкая непосредственно к городской стене или к развалинам какого-нибудь феодального замка, разрушенного в ходе гражданских войн, он, как правило, состоит из единственной комнаты — и кухни, и жилого помещения одновременно. Построенный из кирпича или чаще всего из дерева, крытый соломой, возведенный прямо на земле, без фундамента и подвала, он становится легкой добычей пожара, уничтожающего город. Примитивное пристанище, закоп-

ченное дымом от очага, расположенного посредине единственной комнаты, плохо освещенное через открытую дверь или единственное окно без стекла, этот дом — при всей его крайней бедности — лучше, чем подвал большого дома или комнатка за лавкой или мастерской — без воздуха и света, которой довольствуются чернорабочие и домашние слуги... не говоря уже о множестве нищих и их берлогах.

К счастью, в абсолютном большинстве случаев картина не столь безрадостна. Прежде всего жилища более просторны. Комнат, как правило, не одна, а две — кухня и жилое помещение. Пищу принимают, естественно, на кухне, зато в торжественных случаях стол накрывают именно в комнате: это парадное помещение, в нем собраны свидетельства богатства или, по крайней мере, достатка, в первую очередь мебель, которая остается редкостью и о которой пойдет речь впереди. Что касается кухни, то довольствуются минимальным количеством самых необходимых предметов. Опишем их.

Расположенная иногда поодаль или на верхнем этаже дома (причина будет вскоре понятна) кухня совсем проста. В центре, слегка возвышаясь над полом, — очаг. Дым выходит через щели в крыше или специально проделанное отверстие (дымоходы, устроенные у стены и снабженные кожухом, все еще редкость), как в крестьянских хижинах, которые можно было встретить в деревнях на Корсике в начале XX века. В углу — сточный желоб. Углубление в стене — шкаф для хранения хозяйственной утвари. Свет и воздух проникают через отверстие, зачастую единственное, которое, если кухня занимает первый этаж, нередко служит и входной дверью, а если она расположена на верхних этажах — окном. Окно, не застеклено, есть лишь деревянные ставни, поэтому оно, естественно, вместе со светом пропускает холод и сырость. Это изыск, если на окне помимо ставень натянуто *impannata* — полотно, пропитанное растительным маслом или скипидаром, пропускающее свет и удерживающее по мере возможности тепло. Ни о каких оконных стеклах во времена Данте не

знают. Когда они появятся, поначалу исключительно в домах богачей, им придадут форму ромбов или квадратов в свинцовой оправе. Найдется проповедник, который с высоты церковной кафедры станет гневно возмущаться этой предосудительной роскошью: за стекла и прочие излишества подобного рода, убежден он, постигла город Божья кара — катастрофический паводок на реке Арно в 1333 году.

Более просторна и комфортна главная комната. Квадратная или прямоугольная, эта комната, или зал, должна вмещать всю семью, давать приют во время ночного отдыха и служить местом праздничных обедов. Пол, как правило, из деревянных досок, иногда из кирпичей или, у более обеспеченных, из камня, в редких случаях — из мрамора. Потолок из широких или узких брусьев, которые, перекрещиваясь, образуют квадратные кессоны. Позднее, с распространением роскоши, брусья начнут украшать резьбой или живописью, геометрическим и растительным орнаментом, веселой расцветкой. Те же изменения коснутся стен, изначально голых. Позже в домах состоятельных людей их будут украшать фресками, на которых геометрические мотивы чередуются со сценами из сельской жизни и растительными мотивами. Еще позднее получит распространение обычай покрывать стены коврами. Во времена Данте, как и годы спустя, ковер — это ткань, прикрепленная к стене гвоздями, или просто фреска, украшающая всю стену или ее часть. мода развивалась постепенно. Поначалу довольствовались так называемыми *capoletti*, представлявшими собой, как видно из названия, кусок ткани, повешенной на стену в изголовье кровати. Потом в домах наиболее состоятельных горожан появились настенные ковры, крепившиеся гвоздями или крючьями. Ковры — более или менее большие, более или менее дорогие — вешали только по случаю торжественных приемов или по праздникам, после чего прятали в сундуки. Вместо ковров часто использовали декоративную роспись, создававшуюся специальными мастерами. Она не имела ничего общего с нашими обоями. Язык позволяет почувст-

воватъ разницу: по-итальянски различаютъ слова «настенный коверъ», «гобеленъ» (*tappezeria*, отъ того же корня, что и слово «коверъ» — *tappeto*) и настенное покрытие в современном смысле слова, *carta da parato*, собственно говоря, обои.

Если бедняки довольствуются единственной комнатой-залом, то богачи позволяютъ себѣ роскошь имѣть настоящий залъ для приемовъ, отдельный отъ жилой комнаты. Его называютъ *sala prima* или *sala madornale*, онъ служитъ исключительно для приема высокихъ гостей и торжественныхъ обедовъ. Однако еще долго какъ в Италіи, такъ и в другихъ странахъ близкихъ друзей принимали в жилой комнатѣ, даже князей и самихъ папъ (например, папу Бонифация VIII, когда онъ былъ проездомъ во Флоренціи), особенно холодными зимами: в ту пору самыя богатые апартаменты отапливались весьма посредственно.

Именно богачи первыми почувствовали потребность в каминахъ для обогрева помещений, в которые черезъ окна холодный воздухъ проникалъ беспрепятственно. Этотъ предметъ роскоши быстро завоевываетъ дома городской буржуазіи и дворцы аристократіи: вскоре в каждой комнатѣ у нихъ было по большому камину. Однако мода распространяется в XIV вѣкѣ постепенно, и Данте засталъ лишь самое начало этого процесса.

Такъ, в общихъ чертахъ, устроены жилища флорентинцевъ. Если мы перейдемъ къ настоящимъ дворцамъ, то картина окажется не столь простой. Дворецъ Даванцати, хотя его реставрировали и расширяли в последующіе столѣтія, даетъ достаточно точное представление об аристократическомъ жилищѣ эпохи, непосредственно следующей за той, что интересуетъ насъ. Построенный около 1330 года для семейства Давицци (къ Даванцати онъ перейдетъ лишь в XVI вѣкѣ), дворецъ служитъ моделью, къ которой пришли в концѣ эпохи Данте. Чтобы лучше понять эволюцію, наметившуюся еще при жизни поэта, следуетъ сравнить это сооруженіе съ дворцомъ Моцци. Последний, хотя и былъ подвергнутъ реставраціи, вполне репрезентативенъ какъ по времени возведенія, такъ и по гражданско-

му архитектурному стилю, известному Данте. Построенный, вероятно, после 1260 года, дворец считался во Флоренции одним из самых роскошных. Именно в нем останавливались сильные мира сего, в том числе папа Григорий X, посетивший город в 1273 году. Наряду с дворцами Фрескобалди, Спини и Джанфильяцци дворец Моцци своим суровым видом, которого ничуть не изменила реставрация, дает точное представление о доме-крепости той эпохи: он возвышается на цоколе из крупных, грубо обработанных блоков (знаменитый *bugnato rustico*, столь характерный для флорентийского стиля) и снабжен немногочисленными окнами, которые надежно защищены решетками. Первый этаж дома, в той его части, которая выходит на улицу, занят помещениями, предназначенными для лавок и мастерских, зачастую сдающихся внаем или для складов. Через единственные большие ворота попадают во внутренний двор, образованный корпусами дворца. Во двор выходят конюшни и склады для продовольствия или готовой ремесленной продукции (в подвалах хранятся растительное масло, вино, зерно, дрова и пр.). На второй этаж, позднее получивший название благородного, предназначенный для проживания семьи владельца, поднимаются по наружной деревянной или каменной лестнице (о которой дает верное представление лестница дворца Барджелло, построенного несколько позднее). Именно на этом этаже расположены большая парадная зала, тянущаяся по всей длине фасада, и спальни. На третьем этаже (во Флоренции более высокие дома строили редко) — комнаты прислуги, хлебные амбары и другие подсобные помещения: потолки здесь ниже, чем на благородном этаже, а свет проникает через сравнительно небольшие окошки. Здание венчает крытая каменная галерея (*ballatoio*) с зубцами и бойницами (такая, как в Палаццо Веккьо), которую чуть позже заменят выступающим карнизом, а в конце XV — начале XVI века — крытой лоджией.

Ни один из этих дворцов времен Данте не дошел до нас в первоначальном виде. Только дворец Даван-

цати, несколько более поздней постройки, может дать более или менее точное представление о том, как могли выглядеть эти сооружения. Остальные или построены значительно позже, или подверглись перестройке. Мы можем только представить себе знаменитый дворец Тосиньи (его называли просто «Дворцом»): на площади Меркато Веккьо, вознесший «на пятьдесят метров ввысь свой фасад, украшенный тонкими мраморными колоннами и увенчанный господствовавшей над городом башней высотой в семьдесят пять метров»².

В облике дворцов времен Данте — огромных или скромных — было много общего: дома-крепости, с цоколем из крупных каменных, грубо обработанных блоков, с маленькими, словно бойницы, окнами. Некоторыми второстепенными чертами они были близки домам зажиточных горожан: каменные лавки у фасада со стороны улицы для приема соседей в часы отдыха в конце трудового дня, а в теплое время года — после ужина. Общим с домами крупного попоп-ланства было и то, что фасады на уровне второго этажа имели выступы над узкими улицами, что позволяло расширить площадь внутренних помещений. Однако эти выступы (*sporti*) столь низко нависали над улицей, что позднее пришлось их запретить (в качестве примера остался один — на углу дворца, ныне занимаемого Французским институтом, на Пьяцца Ониссанти). Другие характерные второстепенные черты: большие кольца, вделанные в фасад на уровне первого этажа и служившие для привязывания коней, ослов и мулов, на которых прибывали посетители; крючья у окон второго этажа, предназначенные не для того, чтобы вешать противников (как часто говорят), а для другой, более прозаической цели: крепления дорогих ковров и драпировок по случаю общественных или семейных праздников, торжественных процессий, приемов иностранных государей или послов. Наконец, штыри, своего рода массивные гвозди, на которых крепились большие свечи или факелы, отличавшие патрицианские дома и служившие для освещения обычно темных в те времена улиц.

Дворцы аристократии, дома буржуазии, убогие лачуги простого народа — у них у всех были серьезные проблемы, общие для средневековых городов.

Первая проблема — вода. Ее брали из больших бочек, которые доставляли за счет города, или из общих колодцев (только дворцы аристократии имели в центре двора собственные колодцы). Лишь постепенно распространился обычай делать колодец на первом этаже большого здания, откуда вода с помощью подъемника подавалась на верхние этажи. Что касается использованной воды, то ее выливали в сток или прямо на улицу, откуда она текла до ближайшей водосточной канавы. Часто, следуя официально запрещенному, но широко распространённому обычаю, воду — к величайшему недовольству прохожих — просто выплескивали на улицу из окна.

Что касается уборных (в ходу был термин: *agiamento*, а также *cesso*, который употреблялся только в Тоскане), то специальную кабинку в толще стены начали устраивать лишь в эпоху дворца Даванцати (с 1330 года). Но большинство простых смертных довольствовались или первым же попавшимся укромным закутком на улице, или элементарным приспособлением, описанным Боккаччо³: две доски, положенные на два бруса над участком узкой улочки, отгороженным двумя стенками; регулярная очистка этой уборной вменялась в обязанность владельцу дома. Были ли во Флоренции, как в некоторых соседних городах (в Сан-Джиминьяно, например), общественные уборные? Документальных свидетельств о них нет. Зато известно, что в 1317 году флорентийские приоры объявили коммунальной собственностью бесхозное место, где жители имели обыкновение справлять нужду. Постановлением от 1325 года запрещалось устраивать частные уборные над более или менее значительными улицами и площадями — убедительное свидетельство, что прежде поступали именно так!

Наиболее характерный тип патрицианского дома, несомненно, дом-башня, само существование которого доказывает наличие в городе семейных

кланов⁴. Некоторые дома сохранились до наших дней (в городе Сан-Джиминьяно даже несколько таких башен изумительной красоты). Эти дома-башни (*casa-torre*), «гордые небоскребы», по образному выражению Ж. Ле Гоффа⁵, отвечают насущной потребности: служат семейному клану защитой от нападений со стороны других кланов. В эпоху, когда гражданская война является, можно сказать, перманентной, дом-башня служит убежищем и местом сбора членов клана (*consorteria*). Вместе с тем он удовлетворяет потребность города как такового: позволяет максимально эффективно использовать территорию внутри пояса городских укреплений, где пространства было мало, что вынуждает строить как можно более высокие дома. Дома-башни в Сан-Джиминьяно достигают высоты более 50 метров. Знаменитая башня Гаризенда в Болонье, которую, правда, недостроенную, видел Данте⁶, возносится на 48 метров. Во Флоренции по закону от 1250 года высота домов-башен была ограничена 50 саженьями, то есть примерно 29 метрами. Стоявшие отдельно, но чаще всего примыкавшие ко дворцу, дома-башни имели на первом этаже одну или две лоджии или мастерские и лавки. На верхних этажах было всего по одному или по два окна. Построенные из тесаного камня, они иногда сообщались с соседней башней или дворцом посредством съемного деревянного моста или балкона, о чем свидетельствуют сохранившиеся сегодня точки опоры в стенах. Дома-башни, формировавшие облик средневекового города, остаются свидетелями и каменными символами эпохи насилия и семейной солидарности.

Еще одним характерным элементом частной флорентийской архитектуры является лоджия. Она получила распространение во времена Данте как необходимое дополнение к любому дворцу, если только не была, как во дворце Бигалло (несколько более позднем по времени), учреждением конгрегации или, как во дворце Ланци, относящемся к концу XIV века, продолжением публичного дворца. Формы лоджии разнообразны. Иногда она была неотъемлемой час-

тью здания и, обратим внимание, располагалась на первом этаже, иногда отделялась от него улицей или небольшой площадью, как в более позднем дворце Ручеллаи, восстановленном недавно в первоначальном виде. Лоджия предназначалась для публичных и семейных праздников (крестины, свадьбы, семейные обеды, приемы знатных гостей) или просто для отдыха и бесед с друзьями и близкими. Ни одна из лоджий времен Данте не сохранилась, за исключением лоджии Фрескобальди, остатки которой можно видеть на одноименной площади. Лишь позднее лоджия переместится с первого этажа на последний и будет обращена во внутренний двор, как во дворце подеста (сейчас дворец Барджелло) и в больших дворцах эпохи Ренессанса (среди прочих дворцы Строчи и Медичи), или на улицу, например во дворцах Конди и Кокки-Серистори.

Мебель

В тесных помещениях обстановка соответствует простоте и грубости нравов. Мебели немного, она незамысловата и становится изысканнее лишь во дворцах патрициев и городских богачей. Но эта изысканность имеет свои границы, установленные законами против роскоши и дотошной цеховой регламентацией.

На кухне, в домах бедноты, как уже говорилось, нередко единственной или одной из двух комнат, мебель — это стол, иногда представлявший собой доску, положенную на козлы, которую убирают сразу после еды. Стулья отличаются все той же спартанской простотой (определение, применимое ко всей домашней обстановке); чаще всего это табуретки или (в домах наиболее бедных горожан) доски, положенные на подставки или вертикальные подпорки. Зато богачи имеют красивые столы из массивного дуба, иногда весьма тонкой работы, и стулья со спинками и ножками в форме Х, какими и в наши дни еще пользуются во Флоренции. Если собиралось много народа, то садились на сундуки, которые при

необходимости покрывали, сообразно достоинству гостей и достатку хозяина, тканями, коврами, мехами и даже подушками — верх роскоши, осуждавшейся проповедниками.

Вместо привычных для нас предметов обстановки — несколько досок, вставленных в стенную нишу, и несколько деревянных ларей (наподобие тех, что и сегодня можно увидеть в деревнях), где хранились провизия и предметы первой необходимости.

Для еды бедняки использовали простые деревянные миски, более состоятельные люди — настоящие керамические тарелки, иногда украшенные изображениями растений и животных. Были также ложки, чаще всего деревянные, ножи и, вопреки расхожему мнению, вилки, вошедшие в обиход и получившие широкое распространение как раз в интересующую нас эпоху. Эти столовые приборы, как можно видеть в собраниях дворца Даванцати, иногда делались из благородных материалов: тарелки, кубки и кувшины, сработанные из серебра и подчас украшенные эмалью, ложки, вилки и ножи, искусно выточенные из слоновой кости. Индивидуальные столовые салфетки — роскошь, во Франции получившая распространение значительно позднее, — использовались довольно широко, по крайней мере, в домах состоятельных флорентийцев; беднякам еще долго приходилось вытираться или своим носовым платком, или общей скатертью. У богачей были скатерти исключительно тонкой работы, не на каждый день, а приберегавшиеся для праздничных обедов или для приема знатных гостей. Хотя в народе еще долго сохранялся старый обычай есть вдвоем из одной миски, но правила хорошего тона уже предписывали мыть руки до и после еды (именно так ведут себя участники изысканных трапез в «Декамероне» Боккаччо).

Меблировка парадного зала ограничивается немногими предметами: большой тяжелый стол, настоящие кресла со спинками и подлокотниками, скамейки со спинками, сундуки, пара сервантов для дорогой посуды. На стенах — ковры, гобелены, обив-

ка, иногда картины с благочестивыми сюжетами; сиденья покрыты мехами или тканями ярких расцветок, часто привезенными из Франции. Пол устлан тростниковыми циновками (как в некоторых из дворцов, где разворачивается действие «Декамерона»), привезенными из Франции коврами или мехами.

Социальные различия наиболее явственны в спальней комнате. Самые бедные спят прямо на полу, постелив матрац, сукно или грубое покрывало; несколько более состоятельные — на матрацах, набитых сухими листьями или соломой и положенных прямо на пол или деревянные нары. Спят одетыми — полностью или почти, как спят в деревнях и в наши дни. Буржуа и аристократы почивают в настоящих кроватях, на тюфяках из тонкого драпа, набитых конским волосом, и на периных, под пуховыми одеялами. Кровать стоит на некотором возвышении в окружении сундуков для белья, составляющих единое целое с ее корпусом, над кроватью нависает матерчатый балдахин. В изголовье уже упоминавшийся коврик (*capoletto*), обычно из дорогой ткани (шелка или французской саржи), богато украшенный вышивкой или рисунками. На стенах обивка, ковры, гобелены, картины благочестивого содержания. Именно в этой комнате ощущается забота о красоте — мебель с зеркалами в изысканных рамах, ручные зеркальца в инкрустированной оправе из слоновой кости. Здесь и там корзины для хранения одежды, сундук с тяжелой металлической оковкой для особенно ценных вещей и семейного архива, шкаф для одежды или оружия (французское слово «*armoire*», шкаф, первоначально означало место, где держали оружие, *armes*), который могли располагать в толще стены и просто задегивать занавеской.

В конторах (*studio*) судей и нотариусов главный предмет обстановки — это небольшой переносной письменный прибор (*scrittoio*), служащий особым знаком их профессии. Они пользуются им вне дома там, где работают (на улице или рынке).

Во флорентийских дворцах никогда не бывало тепло, несмотря на большие каминны, потери тепла в

которых были огромны. Приходилось дополнительно использовать маленькие переносные жаровни (*scaldini*), на которых сжигали древесный уголь; иногда для обогрева матроны засовывали их под свои широкие юбки.

Наконец, в комнатах богачей можно было увидеть гребенки из слоновой кости, привезенные из Франции или изготовленные в Италии, иногда украшенные сценами из Священной истории или рыцарских романов, по моде, пришедшей из той же Франции.

Одежда

Данте, предаваясь воспоминаниям о «добрых старых временах», оставил незатейливый рассказ о том, как одевались обитатели Флоренции:

Флоренция, меж древних стен, бесменно
Ей подающих время терц и нон,
Жила спокойно, скромно и смиренно.

Не знала ни цепочек, ни корон,
Ни юбок с вышивкой, и поясочки
Не затмевали тех, кто обряжен...

На Беллинчоне Берти пояс был
Ременный с костью...
На Нерли и на Веккьо красовалась
Простая кожа, без затей гола...

(Рай, XV, 97—116)

Текст Данте не нуждается в комментариях, он хорошо показывает простые нравы древней Флоренции, которым поэт противопоставляет нравы тех времен, в кои довелось жить ему, — после произошедшего незадолго до его рождения, в середине XIII века, великого исторического переворота в обычаях города. Что сказал бы Данте, проживи он достаточно долго, чтобы увидеть второй переворот 40-х годов XIV века, когда Готье де Бриенн, герцог Афинский, занес во Флоренцию французские обычаи и моду? В этом отношении бесценны свидетельства хрониста Джованни Виллани, подтверждающие суждения Данте: «Во времена Первой народной конституции

(1250 год) и еще долгое время спустя граждане Флоренции, мужчины и женщины, одевались в грубый драп и носили кожаную одежду, не подбитую мехом, надевая на голову простой колпак, а на ноги — сандалии. И женщины носили простую, лишенную украшений обувь; наиболее обеспеченные из них надевали очень узкие юбки из плотного драпа ярко-красного цвета с поясом на старинный манер, манто, подбитое беличьим мехом, с капюшоном на голове; женщины победнее довольствовались грубым зеленым драпом из Камбрэ».

Этой простоте он противопоставляет вычурные моды, пришедшие из Франции вместе с герцогом Афинским.

Несколько упрощая, скажем, что во времена Данте мужчины носят своего рода длинную рубашку (*gonnella*), доходящую до лодыжек, свободно ниспадающую или же перетянутую на талии поясом. На эту рубашку с узкими рукавами надевают нечто вроде кафтана (*guarnacca, guarnaccia* или *gamurra*), шелкового для лета и шерстяного для зимы, с отверстиями спереди и широкими рукавами, часто (у богачей всегда) подбитого мехом. Поверх рубашки, а иногда и поверх кафтана — манто, простое или подбитое мехом, знаменитое *lucco*, столь типичное для флорентийской моды, с остrokонечным капюшоном, которое иногда заменяется по старинной моде хламидой. Если бедняки довольствовались грубой тканью, то богачи добывали тонкие сукна ярких расцветок, пестрые и полосатые, служившие внешним признаком социальных или профессиональных различий. Судьи и нотариусы носили красный драп, а рыцари — ярко-красный (пунцовый), иногда подбитый беличьим мехом. Однако те и другие надевали на ноги шоссы (*calze*), доходившие до середины бедер, с пришитыми к ним кожаными подошвами. Зимой носили сапоги (*stivali*) или кожаные башмаки (*calzari*), иногда с деревянной подошвой, украшенные или простые, как рассказывается в стихах Данте; их привозили из Франции или изготовляли во Флоренции. Бедняки надевали на босу

ногу простые сабо (*zoccoli*). Их голени оставались открытыми, поскольку, за отсутствием манто, короткие рубашки едва прикрывали бедра.

Флорентийские бедняки чаще всего ходили с непокрытой головой. Обеспеченные горожане и знать носили своего рода фригийский колпак, верхушка которого свешивалась набок, или тюрбан, хвост которого свисал до плеч или даже еще ниже (в более поздние времена он почти касался земли), или же, в дождливые и снежные дни, капюшон своего манто. Обычай требовал брить бороду (но борода не была редкостью) и коротко стричь волосы. Тем не менее модники отращивали длинные бороды и волосы.

Верхом элегантности в мужском костюме считались вышеупомянутые шоссы, особенно рельефно подчеркивавшие атрибуты мужского достоинства, — мода, распространившаяся в эпоху Ренессанса и вызывавшая гневные выступления проповедников.

Женская одежда не отличалась существенно от мужской. Богатые и бедные надевали нечто вроде юбки (*sottana* или *socca*), доходившей почти до земли. Сверху носили платье (*gonnella* или *gamurra*), цельно сшитое или застегивавшееся спереди, более или менее декольтированное, также доходившее почти до земли, шелковое летом и шерстяное зимой. Кафтан (*guarnacca* или *guarnaccia*), подобный мужскому, но только более тесный, пригнанный по фигуре, надевали по погоде — то без рукавов, то на меху. В холодное время года носили манто (*mantello*), подбитое мехом, которое самые закаленные надевали прямо на платье. Дома ходили в одном платье (иногда называвшееся *guarnello*), более коротком или открытом спереди, с пуговицами по всей его длине⁷.

Детали женского наряда многочисленны и живописны. В первую очередь привлекает внимание декольте, столь глубокое, что, по утверждению Данте, оставляет обнаженной грудь⁸ — очевидное преувеличение; однако справедливо то, что декольте особенно привлекало к себе внимание благодаря полу-

круглому вырезу, позволяющему видеть подмышки. За неимением настоящего бюстгальтера используются подушечки и корсет, придающие груди голубиновую форму. Но право быть особенно экстравагантными предоставлено головным уборам. Если женщины из бедных семей довольствуются накрахмаленными полотняными повязками, белыми у замужних и черными у вдов, то зажиточные бюргерши носят весьма пышные тюрбаны. Щеголихи ввели моду на высокие остроконечные шляпы (*infule*), украшенные длинной шелковой вуалью. Писком моды были длинные шлейфы (*strascico*) манто, длину которых специальный закон против роскоши ограничит одним метром! Каблуки у модниц столь высоки, а подошвы толсты, что проповедники высмеивают женщин, точно взобравшихся на ходули. В оправдание модниц напомним, что на улицах была непролазная грязь, а посреди мостовой едва ли не постоянно текли помои.

Больше всего заботятся о лице и волосах. В то время как Данте прославляет женщин «старого доброго времени», не знавших румян, его современницы макияжем не пренебрегают. Давно миновали времена, когда их удовлетворял крем, изготовленный из животного жира, смешанного с соком лимонной мяты. Вот несколько рецептов, относящихся к концу XVI века, но, вероятнее всего, более древних, чем текст:

«Для удаления пятен на лице: пять кусочков хлебного мякиша размачивать в течение пяти часов в пяти бокалах молока, после чего смесь поместить в перегонный аппарат; водой, полученной от перегонки и с добавлением небольшого количества буры, вымыть лицо и, не вытирая, дать ему просохнуть».

«Для удаления волос, чтобы они больше не росли: в негашеную известь добавить пять частей воды и оставить на три дня. Как только смесь высохнет, доба-

вить в нее шесть частей воды и одну часть мышьяка и выставить на солнце. Попробуйте полученное средство и слегка разбавьте его водой, если оно получилось слишком сильным, или добавьте извести, если оно покажется слишком слабым»⁹.

Волосы, пожалуй, требовали большей, чем лицо, заботы. Их мыли раз в неделю (по субботам, которые целиком или почти целиком посвящали уходу за телом и еженедельному отдыху, о чем можно судить, в частности, по «Декамерону» Боккаччо), тщательно расчесывали тонкими гребнями из слоновой кости, которые везли из Франции. Затем им придавали модный тогда цвет — светло-золотистый. Для этого волосы часами держали на солнце, надев на голову соломенную шляпу с удаленной тульей. Чтобы добиться лучшего результата, использовали специальное средство, изготовленное по следующему рецепту: «Розовый мед перегоняется в перегонном аппарате на медленном огне. Водой, полученной от перегонки, мыть лицо, а оставшейся массой золотистого цвета намазать волосы, предварительно вымытые и тщательно высушенные».

Не пренебрегали и пилингом — очищением кожи с помощью деревянной или стеклянной лопатки — работа, выполнявшаяся профессионалом, которого специально приглашали на дом. По канонам красоты требовались высокий лоб, очень тонкие высоко посаженные и выгнутые углом брови, белый, как лебединые перья, цвет кожи, золотисто-светлые волосы, пирамидой уложенные на макушке и поддерживавшиеся специальной сеткой для волос; использовались также накладные волосы со светлой косой.

А драгоценности? Несмотря на законы против роскоши, украшения были многочисленны и изысканны: кольца, браслеты, колье, диадемы, пояса, инкрустированные драгоценными камнями и жемчугом, — все тонкой работы в соответствии с ремесленными традициями, составлявшими — и составляющими до сих пор — славу флорентийских золо-

тых дел мастеров. Попытки обуздать с помощью законов против роскоши любителей дорогого удовольствия были тщетны. В 1330 году даже ввели должность муниципального чиновника, в сопровождении нотариуса ходившего по улицам в поисках нарушителей, модников-расточителей. Но не было предела находчивости флорентийцев, всякий раз дурачивших несчастного муниципала. Франко Саккетти, новеллист конца XIV века, оставил нам весьма забавные истории о неприятностях, постигавших не в меру усердного исполнителя постановлений. Увидев женщину, нарядившуюся в меха горносталя, ношение которых было исключительной привилегией судей и нотариусов, он решил составить протокол. Нотариус уже взялся было за перо, как женщина остановила его со словами: «Ничего не пишете, ведь это не горносталя, а *lattizzi*». — «А что такое *lattizzo*?» — спросил нотариус, не знавший смысла слова и обозначаемой им вещи. «Это баран», — ответила хитрая бестия¹⁰. Онемевший от удивления нотариус был полностью обезоружен столь необычной логикой. Хотя во времена Данте мода оставалась весьма незатейлива, тем не менее она уже становилась более изысканной: поэт возмущался «цепочками, венцами, поясами, дорожке той, что их носила»¹¹. Судьба уберегла его от лицемерия безумств моды последующих десятилетий.

Питание

Если роскошь в одежде была грешком флорентийцев, то в еде они отличались умеренностью, и в этом отношении Данте не имел повода упрекнуть своих современников. Как бедные, так и богатые за столом довольствовались малым, и пиры устраивались только по особым случаям, публичным или семейным — но с какой щедростью, с каким размахом! Ж. Ле Гофф верно подметил, что склонность к обильным пирам, переходящим границы разумного, с избытком мяса и напитков, служила психологической компенсацией, освобождением от гнету-

щего страха голода, вполне оправданного в Средние века¹². Голод был таким же неотъемлемым атрибутом средневекового мира, случался столь же часто и разил столь же безжалостно, как и страшные эпидемии, и непрерывные войны, внутренние и внешние. Историки подсчитали, что голод повторялся раз в четыре или пять лет: с 1276 по 1348 год шестнадцать раз!¹³ Правда, в те времена город менее, чем в наши дни, зависел от сельской округи, поскольку внутри его стен было множество огородов. Однако, помимо неизбежных перепадов климатических условий (засухи и наводнения), подробно обрисованных в книге Ш. де Ла Ронсьера¹⁴, беспрестанные военные действия опустошали окрестности (*contado*), откуда Флоренция получала продовольствие. Кроме того, город был вынужден завозить некоторые основные продукты питания (особенно зерновые) из других стран (Неаполитанского королевства, Прованса, Сицилии, Северной Италии, стран Востока), связи с которыми то и дело прерывались из-за превратностей внешней политики. Наконец, еще один неблагоприятный фактор, исключительный по тяжести последствий: продовольственное снабжение Флоренции, не являвшейся морской державой, зависело от флотов Генуи, Пизы, Неаполя и Венеции, которые часто были ее врагами. Поэтому флорентийцы, с одной стороны, учредили специальную службу продовольственного снабжения в составе шести магистратов (*Sei della biada*), отвечавших за создание необходимых запасов хлеба и других основных продуктов питания. С другой стороны, ввели исключительно жестокие меры наказания: смертная казнь для препятствующих подвозу хлеба или ненадлежащим образом складирующих его; большие денежные штрафы и тюремное заключение для тех, кто в голодный год организует вывоз хлеба. Таким образом, к вопросу продовольственного снабжения правительство города относилось со всей серьезностью: Ш. де Ла Ронсьер хорошо показал, что количество и качество питания было предметом особой заботы, эле-

ментом концепции хорошей жизни, естественной для одного из экономических центров средневекового Запада.

Исходя из этого, уместен вопрос: хорошо ли питались во Флоренции времен Данте? Ответить на него не просто. Исчерпывающие исследования, проведенные Ш. де Ла Ронсьером, к сожалению, относятся к более позднему периоду и потому нуждаются в уточнениях. Само собой разумеется, общий уровень жизни определяет качество питания. Однако, все взвесив, можно утверждать, что в нормальный период достигался пищевой баланс для большинства активного населения с учетом неизбежных различий между отдельными социальными слоями, а внутри одного социального слоя — между представителями различных профессий. Кроме нищих и безработных, никто не боялся умереть с голоду, даже в голодный год. И тем не менее часть населения жила в состоянии постоянного или временного (экономический кризис, неурожай, гражданские смуты, войны) неудовлетворительного питания и даже хронического недоедания, что влекло за собой функциональные нарушения в организме из-за нехватки основных питательных элементов (протеинов и углеводов).

Простой народ ест два раза в день. Утром между 9 и 10 часами — завтрак (*desinare*), вечером, на заходе солнца (летом чуть раньше) — обед (*cena*). Как правило, в день довольствуются одним приемом специально приготовленной пищи — по утрам, вечером доедают оставшееся от завтрака. Однако и утренняя трапеза скромна и однообразна: овощной суп, иногда с клецками, два раза в неделю (четверг и воскресенье) дополнительно к супу вареная говядина или жареное мясо (телятина или баранина). По пятницам и во время поста, который соблюдается неукоснительно, едят рыбу, обычно спинку копченого тунца (*tonnina*), с овощами — нутом или цветной капустой. Хлеба, основного продукта питания, съедают много, так что все остальные компоненты трапезы называют *companatico* — «сопутствующее хлебу».

Пьют простую воду или пикет — вино из виноградных выжимок. Хорошее вино мужчины пьют в компании, собравшись в таверне или остерии, перед вечерней трапезой или после нее. К повседневному меню по праздникам добавляются свинина, домашняя птица, дичь, фаршированная нежной морковью или другими ингредиентами. Чтобы все это осилить, потребляли перец в количествах, способных поразить воображение, зарабатывая тем самым болезни и сокращая себе жизнь.

Богачи — тогда, как и сейчас, — любили кулинарные излишества. Тот же Ж. Ле Гофф мастерски показал, что значила в средневековом менталитете застольная роскошь, как она, наряду с одеждой, выражала этику власти и репрезентации, объединяя тем самым аристократию и горожан¹⁵. Прежде всего, богачи питались три раза в день. К уже упомянутым трапезам, утреннему завтраку (*desinare*) и вечернему обеду (*cena*), они добавили полдник (*merenda*). Кроме того, роскошь стола служила важнейшим элементом роскоши как таковой: дорогие скатерти из тонкого полотна и соответствующие им салфетки, посуда, столовое серебро, кувшины для воды, дорогие графины, вилки, ножи и т.д. Решающее значение имели количество, разнообразие и изысканность блюд. Первое отличие трапезы богачей от еды бедняков — почти ежедневное потребление мяса. Второе — отборные и разнообразные вина, иногда привезенные из других областей Италии и даже из дальних краев. Третье — обилие дичи, добытой в собственных владениях или доставленной крестьянами и арендаторами. Четвертое — избыток специй и соли (государственная монополия, они слишком дороги для бедняков). Такова общая картина. Кроме того, трапезы богачей совершаются по тщательно разработанному ритуалу, для которого характерны мытье рук до и после еды, присутствие многочисленной прислуги, музыкантов, иногда шутов или странствующих жонглеров, обилие свечей, благовоний и т.д. Короче говоря, вечная помпезность «великого шутства» снобов и сильных мира сего.

Что же тогда говорить о праздничных обедах и особенно о свадебных пирах? Здесь теряли всякое чувство меры: регламент 1330 года вынужден ограничить трапезу двадцатью переменами блюд! Вот пример, хотя, строго говоря, и не относящийся к Флоренции времен Данте, однако и не слишком далекий от флорентийских обычаев:

«Что касается питания, то граждане Пьяченцы творят чудеса, особенно на свадьбах и банкетах. [...] Начать с того, что на столах у них отличные белые и красные вина и, что стоит особо отметить, всевозможные кондитерские изделия. На первую перемену блюд у них подают двух каплунов или каплуна и большой кусок мяса на человека. [...] Затем предлагают в большом количестве жаркое (каплуны, цыплята, фазаны, куропатки, зайцы, кабаны, косули и прочее, в зависимости от сезона). Потом подают сладкие пироги и сыры. Наконец, все моют руки и приступают к винам и кондитерским изделиям. Некоторые угощают гостей несладкими, а круглыми пирогами с яйцами, сыром и молоком с большим количеством сахара»¹⁶.

На самом деле чудеса, совершаемые жителями Пьяченцы, не представляют собой чего-то исключительного. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о пире, устроенном в июне 1466 года по случаю свадьбы сестры Лоренцо Великолепного, продолжавшемся три дня. Тогда две сотни приглашенных поглотили 260 каплунов, 500 гусей, 236 уток, 1500 цыплят, 470 голубей, залив все это 50 бочонками белого вина и 70 красного!¹⁷

Что касается питания населения Флоренции в целом, то благодаря Ш. де Ла Ронсьеру¹⁸ мы имеем предельно точное представление о том, что ели ее жители в XIV веке. Для уточнения этой картины применительно к эпохе Данте достаточно скорректировать в сторону уменьшения приведенные ниже циф-

ры, относящиеся к периоду, для которого были характерны более высокие запросы и лучшее качество жизни. В общих чертах дело обстоит так. Хлеб — основа питания (в среднем по килограмму в день на человека). Он хорошего качества и высокой питательной ценности. Удивительно много потребляют фруктов и овощей (в частности, 100 граммов бобов на человека в день). Еще больше удивляет количество мяса, съедаемого человеком в день (в среднем 100 граммов), не считая дичи и домашней птицы, а также речной, озерной и морской рыбы. Зато молока и меда, если не учитывать того, что идет на изготовление кондитерских изделий, потребляют мало. Специй, ввозимых с Востока (перец, корица, мускатный орех, гвоздика, имбирь) или выращенных в Италии (шафран, горчица, розмарин), напротив, едят много. Что до вина, то им, откровенно говоря, злоупотребляют: полтора литра в день на человека! Известны были также пиво (*cervisia*, ячменное пиво) и спиртосодержащие напитки, которые во Флоренции потреблялись в умеренных количествах: здесь не испытывают недостатка в хороших винах местного производства (тем не менее привозят и из-за границы), продающихся в тавернах, многочисленных и не страдающих от недостатка посетителей, как и в наши дни (в барах и пабах). Вину приписывают всевозможные достоинства, в том числе свойство «ускорять рост всех членов тела, которые, не будь вина, оставались бы маленькими и хилыми...» — так проповедовал в 1306 году брат Джордано да Ривальто (из книги Ла Ронсьера. Т. 1. С. 404). «Каждый год 1 ноября устраиваются праздники вина нового урожая, и *popolo minuto* (простой народ) радуется, что важным персонам запрещено по этому случаю пребывать в городе» (там же. Т. 1. С. 127). Ясно, что хорошие еда и напитки являются во Флоренции предметом особой заботы и что, несмотря на неурожай и эпидемии (правда, нередкие), большинство флорентийцев могут, когда лучше, когда хуже, удовлетворить свои потребности в достаточном и сбалансированном питании.

Глава вторая
Периоды жизни

День, месяц, год

В эпоху Данте отсчет времени ведется при помощи простой свечи с делениями, песочных часов (*arenario*), клепсидр (водяных часов) или солнечных часов (*meridiana*). О наступлении дня и ночи религиозные и гражданские сообщества оповещают колокола монастырей, церквей, городских учреждений. Они зовут на молитву и работу, свидетельствуют о радостных и горестных событиях в публичной и частной жизни, о пожарах, «беспорядках» и восстаниях, о созыве народных собраний, о канунах праздников — короче, обо всем, что образует коллективное время, в которое включено время индивидуальное, или, если употребить выражение Ж. Ле Гоффа, «время купца и время Церкви»¹. «Каждый звук, от позвякивания колокольчика до гула большого колокола, имел свой смысл» (Давидсон). У каждой колокольни — свое назначение. Колокол капеллы Делла Бадиа (до реконструкции 1330 года), располагавшейся в старом поясе городских укреплений, возвещал о третьем и девятом каноническом часе, иначе говоря, согласно старинному комментатору Данте, Якопо делла Лана, о начале и конце рабочего дня (мы еще вернемся к вопросу о распорядке рабочего дня, далекому от решения). Колокол Дворца приоров, весивший 5775 килограммов и требовавший усилий двенадцати человек, чтобы привести его в движение, пока некий хитроумный механизм не позволил обойтись силами лишь двух, подавал мирянам сигнал о пробуждении и начале рабочего дня. Колокол Дворца подеста (современный Барджелло), который называли «ла Монтанина» (он весил 3 тысячи килограммов), в военное время звонил о сборе и выступлении в поход городского войска. К ним следует добавить колокола капелл и церквей, наперебой, непрестанно выводившие над городом волнующую мелодию молитвы. Вот почему столь тщательно подбирали многочислен-

ных звонарей: иногда их приглашали из других мест, предоставляли жилье и питание, одевали в официальный мундир с гербом Флорентийской республики (колокол над красной лилией).

Ритм рабочего дня сильно отличается от нашего. Прежде всего, очень рано вставали. Не будем говорить о монастырях, где колокол в полночь созывает на заутреню, а через три часа — на утреню. Поговорим о мирянах. Они просыпаются в шесть часов утра, когда колокола звонят первый канонический час. Домочадцы встают и, наскоро умыв руки, лицо и шею, идут в церковь на молитву; особенно пунктуальны женщины: предводительствуемые матерью семейства или кормилицей, они обычно не пропускали ни одной службы.

Возвратившись из церкви, садятся за скромную трапезу. Мужчины тем временем уже ушли на работу, натошак, прихватив с собой легкий завтрак: городские конторы открываются на заре, в третий канонический час у них перерыв. Вопрос о начале рабочего дня чрезвычайно сложен. Принимая во внимание приведенное нами свидетельство Якопо делла Лана из его комментария к стихам Данте:

Флоренция, меж древних стен, бессменно
Ей подающих время терц и нон.

(Рай, XV, 97—98)

Терция (третий канонический час) была началом, а нона (девятый канонический час) окончанием рабочего дня. Но, как заметил А. Пезар, в таком случае «рабочий день был бы на удивление коротким»². К тому же, уточняет исследователь, Данте «ясно объясняет, почему колокола звонили не в девять утра и три часа дня, как сказали бы мы, а непосредственно до и после полудня» (Пир, IV, XXIII, 14—16)³. Если предположить, как поступают некоторые (в частности, Дж. Фазоли⁴), что перерыв в работе делали между третьим и девятым каноническим часами, то трудовой ритм прерывался бы в тот момент (середина второй половины дня), на который приходится пик трудовой активности. Речь определенно идет о корот-

ком перерыве, чтобы, к примеру, рабочие на стройке могли съесть свой скромный завтрак. Но вернемся к нашей терции. Именно в этот час в университетах начинались лекции, а студенты и профессора, как известно, никогда не любили подниматься очень рано... Предположим, что (тут мы вновь обратимся к тексту Якопо делла Лана) работу прекращали в девятом каноническом часу (примерно в три часа пополудни). Вполне вероятно, так и было зимой, по солнечному времени. Но мы знаем, что дневная работа продолжалась вплоть до захода солнца, когда колокола начинали звонить к вечерне (*Vespero*), около шести вечера. Как бы то ни было, это и есть время вечерней трапезы (*cena*), свидетельствующее об окончании дня: сразу после ужина ложатся спать — за исключением летней поры, когда проводят время на улице вплоть до сигнала, возвещающего тушение огня: все расходится по домам, препоручив город ночному дозору. Только таверны и публичные дома остаются открытыми до повечерия (*compieta*), примерно девяти часов вечера. Затем воцаряются тишина и ночной покой.

Таким образом, сутки (двенадцать ночных и двенадцать дневных часов) делятся по схеме канонических часов: заутреня, утренняя, первый, третий, шестой и девятый канонические часы, вечерня, повечерие. То же самое относится к различению дня и ночи, складывающихся из двенадцати часов от утренней зари до захода солнца и от захода солнца до утренней зари. Эта жесткая система, «время Церкви», или, иначе говоря, время молитв, не могла до бесконечности отвечать запросам общества, переживавшего бурное экономическое развитие. «Время купца» должно было поэтому сменить «время Церкви». Этот фундаментальный переход, замечательно описанный Ж. Ле Гоффом, совершается как раз в XIV веке: в Европе появляются механические часы, столь точные, что позволяют в любой момент отмерить продолжительность работы и ее рациональный ритм. Но так происходит лишь в городе, в том числе и во Флоренции, в деревне полевые работы все еще под-

чинялись солнечному времени и сезонным чередованиям света и темноты.

Если трудно прийти к единому мнению по вопросу о продолжительности рабочего дня, то значительно проще установить, как распределялась работа в течение недели, от одного воскресенья до другого. Нередко можно встретить утверждение, что тогда не было перерыва в работе в течение недели. Это заблуждение. Во Флоренции знали субботний отдых, точнее говоря, нечто вроде уикенда на английский манер: в субботу после полудня работа прекращалась. Боккаччо среди других авторов показывает нам героинь своего «Декамерона», собравшихся в субботу без кавалеров, чтобы помыть голову, заняться уборкой, навести чистоту там, где за неделю накопилось грязь. Исходя из этого, делают вывод, что женщины во Флоренции той эпохи на неделе не мылись и не занимались уборкой. Это маловероятно. В действительности Боккаччо говорит об основательной помывке с головы до пят и о генеральной уборке дома. Вместе с тем после обеда в субботу не работали и наемные работники большинства ремесленных цехов. Этот еженедельный отдых, начинавшийся, в зависимости от профессии работника, более или менее рано, мог достигать сорока часов. Между тем во многих случаях специальными распоряжениями частично отменялся даже воскресный отдых. Запрет относился к сапожникам, булочникам, цирюльникам и аптекарям.

Рассматривая годовой цикл, следует учитывать различие между гражданским и церковным годом. Литургический год начинается на Рождество. Гражданский год не имеет фиксированного начала, обязательного для всех стран; во Флоренции, как и во многих других итальянских и европейских городах и странах того времени, началом года считается Благовещение, 25 марта.

Месяцы, равно как и дни недели, сохранили свои латинские названия, лишь с той небольшой разницей, что воскресенье зачастую (а в церковной практике всегда) сопровождалось первым словом молит-

вы, читавшейся перед началом мессы. Например, первое воскресенье после Пасхи имело добавление *Quasimodo* — «Словно недавно (рожденные дети)».

Само собой разумеется, что во Флоренции эпохи Данте великий переход от «времени Церкви» ко «времени купца» еще не совершился. Даже если предположить, что приведенная выше аллюзия поэта касается механических часов (а это весьма сомнительно), все равно в течение еще нескольких десятилетий «время, связанное с природными ритмами, сельскохозяйственными работами и религиозной практикой, служило основой для отсчета времени вообще» (Ж. Ле Гофф)⁵.

Рождение и крещение

Как и в наши дни, рождение ребенка было важным событием в жизни семьи. Разница в том, что оно происходило гораздо чаще. Многодетные семьи в то время — обычное явление. Так, флорентийский хронист XIV века Горо Дати имел восемнадцать детей — цифра внушительная, но не исключительная. С одной стороны, Церковь учила, что многодетная семья угодна Богу; с другой — социально-экономическая необходимость понуждала к многодетности: в богатых семьях — для умножения числа людей, способных носить оружие; в бедных, особенно в деревне, — ради рабочих рук во время страды. Короче говоря, детей имели много и рождению их были рады.

Появление на свет ребенка — значительное событие, обставленное определенным ритуалом и находящееся под покровительством святой Анны, заступницы рожениц. Моралист XIV века рекомендует женщинам не уставать во время беременности, не пить неразбавленного водой вина, а в день родов находиться в окружении добрых акушерок и опытных кормилиц. Роженица проводит две или три недели в постели, рядом с матерью, сестрами и другими родственницами. Новорожденного тесно пеленают

крест-накрест, от плеча к пятке, как это изображено на барельефе из обожженной глины, выполненном Андреа делла Роббиа для фасада Ospedale della Madonna della Innoченти. Вскармливаемый, по мере возможности, материнской грудью или же препорученный крепкой молодой кормилице из деревни (*balia*), помещенный в колыбель (*la zana*), иногда простую плетеную корзину, но чаще всего изготовленную из дерева, украшенную рисунками и даже резьбой и поставленную на дугообразные полозья, младенец «должен содержаться в чистоте и тепле, так что следует часто менять пеленки и не давать ему в первый год жизни ничего, кроме материнской груди, а затем к материнскому молоку понемногу добавлять и другое питание» (Паоло да Чертальядо).

Обычаи крещения менялись. В течение долгого времени крестили только два раза в год: в Святую субботу и в субботу накануне Троицы. Потом вошло в практику крестить новорожденных в первые же дни после их рождения или, самое позднее, через неделю. Таинство крещения совершалось в баптистерии по обряду полного погружения, что не всегда было безопасно, о чем говорит и Данте:

Повсюду, и вдоль русла и по скатам,
Я увидал неисчислимый ряд
Округлых скважин в камне сероатом.

Они совсем такие же на взгляд,
Как те, в моем прекрасном Сан-Джованни,
Где таинство крещения творят.

Я, отрока спасая от страданий,
В недавний год одну из них разбил...

(Ад, XIX, 13—20)

Этот обряд полного погружения впоследствии был заменен окроплением или, точнее говоря, смачиванием лба водой. Примечательная деталь: крещение не регистрировалось, священники ограничивались тем, что бросали в одну из двух урн по бобу на каждого окрещенного, черный — для мальчиков, белый — для девочек. «Те же самые бобы служили для голосования в совете Республики: черный боб «за», белый боб

«против»... Надо полагать, что женщина во Флоренции XIV века засчитывалась как голос против»⁶.

Как выбирали имя новорожденному? Поручался ли выбор, как в других странах Запада, крестному отцу и крестной матери? Мы не можем сказать на сей счет ничего определенного. Известно лишь, что флорентийцы чаще всего нарекали своих новорожденных именами святых покровителей города: Джованни, Дзаноби, Якопо, Донато, Пьеро, Мария, Джованна, а также учредителей монашеских орденов — Франческо и Доменико. Немало имен навеяны физическими особенностями (Бруно, Неро, Бьянка), названиями цветов, драгоценных камней (Джемма) или свойствами (Биче, или наиболее известное Беатриче, служащее явным намеком, поскольку означает «приносящая счастье»). Очень часто использовались аббревиатуры: Пепо вместо Беппе, которое само является уменьшительно-ласкательным от Джузеппе; Чино от Ринуччино; Чекко от Франческо и т. д.

Благодаря моралистам мы хорошо информированы о воспитании младенца. Все они настаивают на необходимости хорошего питания. Один из них уточняет, что необходимо хорошо кормить мальчиков, чтобы они росли сильными, не давая при этом аналогичной рекомендации относительно девочек, ограничившись замечанием: «Не имеет значения, как их кормить, важно лишь, чтобы они не были слишком жирными и получали необходимое». Моралисты единодушны во мнении о необходимости постоянного присмотра за мальчиками, но еще больше за девочками. Однако они рекомендуют защищать в равной мере как мальчиков, так и девочек от внешних угроз (огонь, острые предметы, домашние животные), о чем мы еще будем говорить. Все они единодушны в признании необходимыми физических наказаний — разумеется, в интересах детей. «Когда ребенок, — поучает поэт Антонио Пуччи, — шалит, наставляй его словами и розгами; после семи лет наказывай его кнутом и кожаным ремнем. Когда же ему перевалит за пятнадцать, исполь-

зуй палку, бей его, пока не попросит прощения». Эти строгости относились к мальчикам. В раннем же детстве и мальчики, и девочки жили в окружении женщин — в своем доме или в доме кормилицы, в городе или в деревне. Это воспитание, свободное и вместе с тем суровое, наводит на мысль о врожденном неравенстве полов. Общество той эпохи — несомненно, общество мужчин. Этот вывод очевиден. Очевидны и отличия менталитета людей той эпохи и нашего времени: ребенок заперт дома, в своей комнате, иногда под самой крышей, в пространстве, находящемся под контролем женщин — со всеми неизбежными последствиями для его поведения во взрослой жизни.

Как и в наше время, у детей были игрушки — простые, которые сохранились в обиходе на протяжении столетий до наступления эры механических и электронных игрушек: тряпичные или деревянные куклы, деревянные лошадки, волчки, мячи или, вернее говоря, «тряпичные или кожаные шары, набитые шерстью или конским волосом»⁷. И детские сны конечно же были населены магами и чародеями, оборотнями и сказочными животными из бесконечно многообразного бестиария, образы которого возникают в первой песне «Божественной комедии»: «проворная и выющаяся рысь, вся в ярких пятнах пестрого узора», «лев с поднятой гривой», волчица, «чье худое тело, / Казалось, все алчбы в себе несет...» (Ад, I, 49—50).

Обручение, помолвка и брак

«Брак не был событием исключительно личным, семейным, частным, он являлся фактом социальным, поскольку семья составляла ячейку общества, и религиозным, поскольку Церковь, вопреки ширившейся практике отказов от супружества и разводов, не переставала признавать и защищать святость и нерасторжимость брака»⁸. Из этих общих предпосылок, действительных для всего средневе-

кового Запада, проистекают особенности брака во Флоренции.

Прежде всего следует разграничивать правовые нормы и реальные факты, а также различия между социальными группами. Так, по каноническому праву, свободное волеизъявление и взаимное согласие супругов являются необходимым условием для заключения брака, тогда как по ломбардскому праву «брак есть акт, в совершении которого женщина не принимает участия, ни фактически, ни юридически»⁹. Именно поэтому (хотя в большинстве случаев браки были желанными и готовились обеими семьями заблаговременно) не было недостатка в парнях и девушках как из бюргеров, так и из народа, фактически вступавших в брачные отношения без согласия родителей. Таких ситуаций немало в «Декамероне» Боккаччо, в частности, в знаменитой новелле о соловье, где юная Катерина захвачена врасплох, держа в левой руке «соловья» своего возлюбленного; добрый отец, заставший ее в таком положении, соглашается на брак (Декамерон, V, 4). В «Декамероне» же рассказана история о женихе, надевающем кольцо на палец своей избранницы и тем самым делающим ее своей женой без каких-либо формальных церемоний (там же, II, 3). Церковь узаконивала эти свободные союзы.

Тем не менее юридически и фактически требовалось, чтобы браки заключались с соблюдением освященных обычаем правил. Самым поразительным и шокирующим является юный возраст невесты. «В брак вступают в колыбели», — сокрушался Франко Саккетти, что, к счастью, было лишь изящным преувеличением. Но можно было встретить невест восьми, а женихов двенадцати лет. Именно в этом возрасте был Данте Алигьери, когда семьи договорились о его женитьбе на Джемме Донати. Стоит ли удивляться, что наш поэт никак не проявил своей любви к жене — ни разу не упомянул ее в произведениях, где говорил о возлюбленных. В конце концов был установлен законный возраст для вступления женщин в брак — двенадцать лет. В данном случае речь идет о

фактическом браке, о его, как говорили, «плотском совершении», а не просто о помолвке, которая нередко устраивалась семьями сразу после рождения детей. Идеальный возраст для новобрачной — четырнадцать лет. Девушка, которая к этому времени не выходила замуж, считалась старой девой. Для мужчин нижний предел брачного возраста установлен в восемнадцать лет, верхней границы не существует, так что можно было увидеть «старикашек», женившихся на совсем молоденьких девушках.

Другое общепринятое правило — использование услуг профессиональных сватов и свах. Посредники были двух видов. Одни, *sensale* (заметим попутно, что это слово в наши дни употребляется в значении «маклер»), брали на себя труд по установлению контактов между семьями, не вмешиваясь в дальнейший ход переговоров. Эстафету подхватывал другой посредник, *mezzano* (в наши дни это слово приобрело уничижительное, вульгарное значение — «сводня»), который организовывал переговоры двух семей. Эти переговоры затягивались подчас надолго: на кону стояли важные интересы. Например, совершению в 1312 году помолвки юного Адимари с юной Перуцци предшествовали шесть лет трудных согласований, так что пришлось вмешаться самому епископу Фьезольскому. Разумеется, здесь мы имеем дело с исключительным случаем, основанном на финансовых соображениях договаривающихся сторон. Но даже в самых простых ситуациях споры затягиваются, когда доходят до сути проблемы — приданого, без которого не может состояться брак ни в среде аристократии, ни в среде пополанства, крупного, среднего или мелкого. Достигнутое соглашение сразу же официально фиксируют в брачном договоре, который нотариально удостоверяется в присутствии многочисленных свидетелей, зачастую публично, на паперти церкви или на площади перед дворцом одного из двух семейств (как правило, жениха), а иногда и перед Дворцом приоров. Именно в ходе этой церемонии, *sposalizio* (позднее это слово приобрело значение «брачная церемония») или *mogliazzo* (сло-

во вышло из употребления), жених и невеста торжественно обмениваются кольцами; до этого момента они почти не знали друг друга, а подчас никогда не встречались (правда, такое случалось редко и быстро вышло из обычая). В богатых семьях жених дает два кольца — одно золотое, другое серебряное. Отцы двух семейств скрепляют торжественный договор рукопожатием (*impalmare*, поэтому выражение *impalmare una figlia* или *una donna* означает «выдать замуж»). Считается, что после этой церемонии жених и невеста (*sposi*, слово позднее приобрело значение «супруги», но первоначально применялось к обручившимся) окончательно связаны друг с другом брачными узами. Горе тому, кто захотел бы расторгнуть обручение. Печальный опыт был у юного Буондельмонте. Он обещал жениться на одной из дочерей Амидеи, но потом обручился с девушкой из семейства Донати. Амидеи решили кровью смыть нанесенное им оскорбление. Они отомстили жестоко. В день свадьбы с юной Донати на Буондельмонте напали у входа на Старый мост, он был убит у ног статуи древнего бога Марса. Именно это печальное происшествие, случившееся на Пасху 1215 года, флорентийские хронисты считают началом гражданской войны, терзавшей Флоренцию на протяжении нескольких поколений¹⁰. Данте, спустя столетие вспоминая об этом происшествии, без обиняков скажет, что ради спокойствия Флоренции было бы лучше, если бы юный Буондельмонте утонул в Эме в тот самый день, когда он впервые ехал во Флоренцию из своего замка (Рай, XVI, 140—147).

Собственно брачная церемония (*sposalizio*), как правило, происходила вскоре после обручения, в среднем от двух до двенадцати дней. Однако этот интервал мог растягиваться на годы, если жених и невеста были слишком молоды. В этот период жениху разрешались деликатные ухаживания за невестой в ее доме под неусыпным присмотром женщин из семьи его будущих родственников. Тем временем улаживались все формальности. Официально, в нотариальном порядке фиксировался размер приданого,

которое, хотя и было ограничено законом, могло достигать целого состояния. Данте возмущался этой практикой, вспоминая о добрых старых временах своего прапрадеда Каччагвиды, когда во Флоренции:

Отцов, рождаясь, не страшили дочери,
Затем что и приданое и срок
Не расходились дальше должной точки.

(Рай, XV, 103—105)

Как бы то ни было, забота о приданом важна для любой семьи. Нет приданого, нет и свадьбы. Выдать замуж несколько дочерей (случай вполне типичный) — какое финансовое кровопускание! Вот почему правители — их мудрость является не чем иным, как выражением их интересов, — пытаются обуздать это сумасшествие, происходящее вокруг приданого. Но тщетно — слишком сильно страстное желание блеснуть перед другими. Жених, со своей стороны, следуя старинному германскому обычаю, наутро после первой брачной ночи подносит супруге «утренний дар» (*Morgengabe*), соответствующий размеру ее приданого и в каком-то смысле уравновешивающий его.

Отметим несколько особенностей заключения брака.

В церкви не происходит ничего необычного по сравнению с нашими временами. За ее пределами — непривычного не больше, если не считать, что регламент флорентийской коммуны ограничивает число приглашенных сотней гостей (в следующем веке этот лимит будет увеличен согласно пожеланиям аристократии и крупной буржуазии, прибравших к своим рукам власть в городе, до двухсот человек). А вот продолжительность свадебных пиров не может не изумить. Начинают с пира в доме новобрачного или на площади перед его домом, в его личной лоджии. Первый пир будет продолжаться в следующем веке три дня. Затем переходят в дом новобрачной, где празднуют еще несколько дней (в эпоху Данте этот второй свадебный пир обычно происходил спустя восемь дней после первого, ког-

да новобрачная, возвратившись на несколько дней в дом своих родителей, окончательно поселялась в доме мужа).

Стоит особо рассказать о двух милых обычаях. Согласно первому из них новобрачная, можно сказать, не прикасается к еде, а в конце пира, когда пальцы ополаскивали в воде, она, дабы не загрязнить эту воду, тщательно вытирает руки салфеткой. Должен ли был этот обычай символизировать собой волнение, обычно охватывавшее юную девушку из хорошей семьи накануне перехода ее в новое качество — замужней женщины? Второй, еще более забавный обычай — это своего рода комедия, которую должна была разыграть новобрачная после свадебного пира, притворно изображая, что она боится своего супруга, о прибытии которого возвещают, перед тем как удалиться, ее родители.

Лишь после этого спектакля, смысл которого вполне очевиден, молодая вступает в брачные покои. Существовал ли во Флоренции обычай, древнеримский по своему происхождению, выставлять напоказ простыню с кровавым пятном, наглядное свидетельство девственности новобрачной? Трудно сказать, но я готов держать пари, что флорентийцы были слишком большими скептиками, чтобы подвергать себя подобному риску...

Смерть

Целый ряд новейших исследований¹¹ показал, что средневекового человека неотступно преследовала своего рода навязчивая мысль о смерти, ибо ее повседневное присутствие ощущали на себе и стар и млад.

Высока смертность младенцев, пришедших в мир, где им суждено прожить несколько дней: поэтому их стараются окрестить прямо в день рождения, дабы невинные души не умножали несметное число тех, кто не мог найти покоя в лимбе — преддверии рая. Незабываемый поэтический образ оставил нам Данте:

Там я, — среди младенцев, уязвленных
Зубами смерти в свете их зари,
Но от людской вины не отрешенных...

(Чистилище, VII, 31—34)

Сквозь тьму не плач до слуха доносился,
А только вздох взлетал со всех сторон
И в вековечном воздухе струился.

Он был безбольной скорбью порожден,
Которою казались объаты
Толпы младенцев, и мужей, и жен.

(Ад, IV, 25—30)

Смерть часто посещает рожениц, изнуренных повторявшимися одна за другой беременностями. Бесчисленные кончины приносят с собой голодные годы, случающиеся с угрожающей регулярностью. Сеют смерть непрерывные войны, гражданские и межгосударственные. Без счета косят людей эпидемии, систематически опустошающие Европу и являющиеся проповедникам в образах всадников из Апокалипсиса Иоанна Богослова. Многочисленны жертвы жестокого правосудия, пускающего в ход костры, виселицы и топоры палачей. Постоянным контрапунктом звучат проповеди церковников, неустанно напоминающих об ужасных мучениях в загробном мире, которые находят материальное воплощение на фресках церквей и кладбищенских часовен: пляски Смерти обретут навязчивую силу после страшной эпидемии чумы 1348 года. Наконец, как можно было избавиться от мысли о смерти в обществе, где средняя продолжительность жизни столь коротка — тридцать лет! Как не думать беспрестанно о «старухе с косою»: столетием позднее великий мистик Гуто увидит ее в самый разгар страшной «жатвы». И как не готовиться заранее к ее приходу?

Готовиться к смерти — и как можно лучше — заставляет вера в загробную жизнь с ее неизбежными карами и невыразимыми воздаяниями и осознание собственных грехов: роскоши, зависти, алчности, ростовщичества, гневливости, лжи — повседневных в обществе, жестоком к слабым и побежденным.

Из этого букета грехов выберем один, весьма пространенный во Флоренции, — ростовщичество. Ростовщиков (их во Флоренции множество), сколь бы суровому осуждению они ни подвергались со стороны Церкви (Ж. Ле Гофф отмечал, что теологи считали оскорблением для Бога их деятельность, заключающуюся в «торговле временем», принадлежащем только Ему одному¹²), все же принимают в ее лоно: они признаются в грехе на исповеди, составляют завещание, обявывая наследников раздать часть неправедно нажитого добра жертвам. Но страсть к деньгам столь неодолима, что зачастую, как только минет угроза, умирающий тут же аннулировал собственное великодушное распоряжение, откладывая на потом урегулирование своих отношений с Небесами и нашей святой матерью Церковью.

О завещаниях не стоило бы и говорить, если бы не та их особенность, что они в отличие от нашего времени почти всегда составляются *in articulo mortis* (при смерти), под влиянием исповедников, изводящих несчастного картинами ожидающих его мучений. Снова обратимся к Данте, чтобы увидеть, какие муки ждали ростовщиков:

Они все время то огонь летучий
Руками отстраняли, то песок.
Из глаз у них стремился скорбный ток;

Так чешутся собаки в полдень жгучий,
Оборонясь лапой или ртом
От блох, слепней и мух, насевших кучей.

(Ад, XVII, 46—51)

Примечательно, что ростовщики, имен которых поэт не называет, флорентийцы — все, за единственным исключением!

Другое существенное отличие от практики составления завещаний в наши дни заключается в обязательном присутствии рядом с нотариусом священника, чаще всего не одного. Известен случай, когда поименно перечислены семь священников — очевидно, из-за недоверия к этим «святым» отцам, которые к тому же контролировали друг друга. Что

касается содержания, то поражает число месс за упокой души грешного завещателя, значение, придававшееся раздаче милостыни бедным и заключенным (причина проявления особого внимания к последним будет объяснена позднее), и в особенности — количество и размеры отказов в пользу церквей, монастырей и нищенствующих монашеских орденов. Естественным во всем этом кажется лишь стремление искупить вину, порожденную жизнью, потраченной на стяжание богатств. Однако завещание, случалось, содержало шокирующую нас оговорку: некий смертельно раненный ростовщик оставляет внушительную сумму в 500 флоринов тому, кто отомстит за него!

Особенно отчетливо видны различия между эпохой Данте и нашим временем в распоряжениях, касавшихся прямого наследования. Движимое и недвижимое имущество наследуют только дети мужского пола. Дочери, если они уже вышли замуж, должны довольствоваться приданым; если они были на выданье — некоторой суммой, компенсирующей приданое. Вдова имеет право лишь на то, что покойный супруг соизволит оставить ей по завещанию, обычно постельные принадлежности, часть посуды и столового серебра, остальное отходило старшему сыну и дочерям. Неотчуждаемая доля вдовы — ее приданое и «утренний дар» новобрачного. Как правило (хотя это и необязательно), завещатель разрешает будущей вдове пользоваться доходом от дома, в котором она жила с ним.

Полны неожиданностями описания похорон. Покойного омывают теплой водой. Тело натирают, как принято в Западной Европе, миррой, алоэ и другими ароматическими травами. Однако я не могу с уверенностью сказать, практиковалось ли во Флоренции кипячение тела покойного, что делало возможным его транспортировку на большие расстояния от места, где человека настигла смерть. Омытое и умащенное тело рядового гражданина одевают в простые одежды, богатые облачения предназначены для служителей Церкви, знатных горожан, судей,

нотариусов и врачей. Усопшего, уложенного на подушки, накрывают драпом, нередко подбитым шелком. Его голову покрывают убором, называемым *zendado* (очень тонкий драп, лен или шелк). Затем, надев украшения, его кладут на стол или, что чаще, в деревянный гроб, купленный, как и свечи... у аптекаря! У богачей гроб ставили на деревянный катафалк (*arca*), украшенный хоругвью, щитами и надгробным покровом. У тела покойного, подготовленного к последнему путешествию, всю ночь бодрствовали родные, друзья, товарищи по ремеслу.

Проявления скорби чрезмерны. Этот обычай в некоторых странах Средиземноморья (например, на Корсике) отчасти сохранился до наших дней: громкие рыдания, которые подчас поручаются профессиональным плакальщицам (современные корсиканские *voceratrici*), вопли, причитания вдовы и детей усопшего, рвущих на себе волосы, царапающих лицо. Для друзей и близких — поминки, на которых мужчины и женщины сидят отдельно — первые в доме, а вторые вне его стен. Обычай, который можно наблюдать в некоторых странах Средиземноморья.

И, наконец, цвет траура: черный был обязателен для вдовы; близкие же родственники могли носить одежду просто темного или даже красного цвета (именно таким был знаменитый *perso*, черный с переходом в красный, который Данте определяет следующим образом: «Цвет, представляющий собою смешение пурпурного и черного, но черный при этом доминирует, откуда этот цвет и берет свое название») (Пир, IV, XX, 2).

Относительно похоронной процессии: попытки ограничить расходы на нее в законодательном порядке были тщетны. Как и свадьба, «похороны давали возможность продемонстрировать влияние и экономические возможности клана»¹³. На их организацию иногда тратили целое состояние: в 1353 году Аччайюоли израсходовали на похороны юного Лоренцо 5000 золотых флоринов! На родине Данте даже проводы покойника могли дать повод для про-

должения вендетты; вот почему городские власти специальным распоряжением запретили участвовать в похоронной церемонии некоему знатному человеку, враждебно настроенному по отношению к семье усопшего.

Место захоронения зависело от социального положения покойного: коммунальное кладбище (*camposanto*) для бедных, фамильный склеп для богатых. Однако сначала знать, а затем и крупное попопанство завели обычай хоронить умерших в фасадах и стенах церквей (например, в храмах Санта-Мария Новелла и Санта Кроче), в помещении самой церкви, в частности, под ступенями алтаря, и даже — в знак смирения — под папертью, дабы ноги верующих попирали прах усопшего. Так, два крупных храма, принадлежавших нищенствующим орденам (доминиканский Санта-Мария Новелла и францисканский Санта Кроче), стали излюбленным местом захоронения представителей знати, чем и объясняется тот факт, что значительно позднее церковь Санта Кроче превратилась в пантеон национальной славы. Даже баптистерии долгое время использовали как место захоронения. Глубинный смысл этого обычая невозможно объяснить тщеславием, желанием выставить напоказ украшенную гербом надгробную плиту или богатый саркофаг с преувеличенно хвалебными надписями и роскошными скульптурами. Он скорее связан с наивной и трогательной верой в то, что вечный покой легче обрести внутри или в непосредственной близости от Божьего храма, освященного молитвами и постоянным присутствием священников и монахов, молитвами родных и близких: в те времена верующие бывали в церкви часто, едва ли не ежедневно. Этим объясняется и запрет хоронить самоубийц на освященной земле кладбищ и церквей. Данте обрекает их на муки во втором поясе круга седьмого ада, где они вместе с расточителями заключены в ветви мертвых деревьев, кровоточащие, если их обломить (Ад, XIII).

Семья

В повседневной жизни Флоренции времен Данте семья является пристанищем и убежищем от постоянного насилия и опасностей. Только в этой основной социальной ячейке, в ее заботливо оберегавшемся микрокосмосе человек мог надеяться на обретение средств к существованию, отдых и защиту¹. Но чего он не находил там, так это возможностей для свободного развития своих природных задатков, эгоистического удовлетворения собственных наклонностей и исполнения своих желаний. Семья вскармливает и защищает, но вместе с тем стесняет, запрещает и наказывает. «В семье царит железная дисциплина, что, возможно, объясняет отсутствие сентиментальной привязанности к дому: дом воспринимается как мрачная крепость, в ней правит глава семейства, руководящий им в мирное время и в годы войны»². Это суровое суждение, относящееся к итальянской семье XV—XVI веков, с необходимыми поправками применимо и к флорентийской семье эпохи Данте.

Отец и сыновья

«Жизнь в доме была патриархальной; отец (*pater*) управлял семьей и властвовал над ней; семья росла и умножалась вокруг него, но он оставался, так сказать, на вершине пирамиды, состоявшей из его потомков»³.

Что касается отцовской власти в юридическом смысле этого слова, то проще было бы сказать, на что она не распространялась. Конечно, она была далека от практически неограниченной *potestas patria* древних римлян. По германскому праву, отцовская власть была существенно смягчена, в частности, она не включала в себя право жизни и смерти в отношении детей. Тем не менее сыновья и дочери находились в полной зависимости от отца, мальчик оставался под отцовской опекой до достижения физической, поло-

вой зрелости. Участь дочерей была такова, что, освободившись от тирании отца, они тут же подчинялись тиранической власти мужа. Короче говоря, бесспорным хозяином в семье был отец, которому повиновались все — от жены до прислуги, включая сожителниц и внебрачных детей.

Нужно остерегаться, создавая портрет отца времен Данте, стереотипных представлений. Не потому вовсе, что поэт в своих произведениях ни единым словом не обмолвился об отце (возможно, по той причине, что тот запятнал себя грехом ростовщичества⁴), мы должны думать, будто все флорентийские отцы были ужасными домашними тиранами, а все дети — их невинными жертвами. Конечно же в сердце отца находилось место для простых человеческих чувств, да и для любви, даже если он в ущерб дочерям отдавал явное предпочтение сыновьям. Достаточно, в конце концов, открыть «Декамерон» Боккаччо (относящийся к чуть более позднему времени, но, несомненно, отражающий ситуацию, не претерпевшую коренных перемен за годы, разделившие двух писателей), чтобы встретить любящих и понимающих отцов, с готовностью прощающих ошибки своих детей. Правда, есть основания полагать, что отцы поколения Данте были более суровы. Эта мысль невольно приходит в голову, когда читаешь наставления Паоло да Чертальдо или советы Антонио Пуччи, которые мы уже цитировали, хотя они все же относятся ко времени, следующему за эпохой Данте.

Оставим в стороне частности, остановимся на главном, типичном для отца. Именно он выбирает жениха для своей дочери, руководствуясь хозяйственными расчетами, ничего общего с чувствами не имеющими. Именно он стоит на страже добродетели своих дочерей — до и после их замужества (а зачастую даже и после смерти их супругов). Именно он решает, какому делу посвятят себя сыновья, что приводит порой к конфликтам. Так, отец Боккаччо предназначил юного Джованни для *mercatura*, торговли, но тот находил утешение в обращении к музам... и хорошеньким женщинам при дворе Роберта,

короля Неаполитанского. Мы ничего не знаем о намерениях отца Данте, но должны признать, что поэт испытывал непреклонное презрение к малопочтенному занятию отца, вероятнее всего, ростовщика. Подобные примеры, надо полагать, не единичны: Паоло да Чертальдо советует записывать сыновей «в корпорацию, более всего привлекательную для отцов». Как правило, сыновья идут по стопам родителей: социальная мобильность обычаем еще не стала. Именно в дом отца сын приводит свою молодую жену, за исключением случаев, когда этот дом слишком тесен для нескольких поколений. Именно отец, как мы видели, оставляя завещание, и после смерти распоряжается семейным достоянием. Именно отец определяет будущее дочерей, наделяет их приданым, выдает замуж или обрекает на безбрачие, когда они остаются в родном доме на положении прислуги жен братьев или уходят в монастырь, чтобы поневоле посвятить себя служению Богу. Наконец, именно отец решает вопрос о кровной мести. Короче говоря, правит отец. Бывало и так, что его власть, остававшаяся непререкаемой, пока сыновья были малы, оказывалась свергнутой, как только они выросли. Зачастую семья тогда распадалась, и каждый по собственному усмотрению устраивал свою дальнейшую судьбу. Авторитет отца вместе с тем существенно корректировала реальная роль, которую в семейной жизни играла мать. В торговом городе, каким была Флоренция, мужчины часто и подолгу находились в отъезде, в дальних странах. Данте сетовал по этому поводу, сравнивая добрые старые времена Флоренции с эпохой, когда ему довелось жить, он уверен, что в годы его прадеда:

... ни единая на ложе
Для Франции забыта не была.

(Рай, XV, 119—120)

Более того, обычай требовал, чтобы воспитание мальчиков вплоть до отрочества (четырнадцати лет) было доверено матери. В раннем детстве дети, мальчики и девочки, жили, образно говоря, в гинекее, на

женской половине, в подчинении бабушки и матери, нередко тетушек и двоюродных бабушек.

Нарисованная нами картина нуждается в некоторых поправках. Так, отец мог быть лишен законных прав главы семейства по решению суда в случае, если он, например, захотел, проигравшись, продать своих дочерей, чтобы заплатить долги⁵. Как муж и отец семейства, он не может по собственной прихоти проматывать семейное состояние — в этом случае жена имеет право обратиться в суд, чтобы защитить приданое и «утренний дар». Наконец, часть полномочий отца переходит к сыновьям, которых закон и обычаи ставят в привилегированное положение в ущерб дочерям, вплоть до сфер жизни (питание, одежда), в которых равенство представляется нам естественно необходимым. Мы цитировали моралиста, рекомендующего хорошо кормить мальчиков и советующего не делать того же самого для девочек, чтобы те не толстели и не проявляли склонности к лени. Аналогичный совет дается в отношении одежды: девочке пристойно быть скромной. Мальчик, находившийся на воспитании у женщин, в шесть или семь лет уходит из дома, чтобы пойти в школу (для детей аристократии и буржуазии приглашали домашних учителей). Освободиться из-под отцовской власти мальчик начинает около четырнадцати лет, когда в отцовской мастерской проходит курс профессионального обучения, а в общении со служанками или невольницами отца, с соседскими девицами или обитательницами ближайшего *postribolo*, борделя, — образование сексуальное. Юридическая дееспособность наступает в восемнадцать лет, если отец умер, и в двадцать пять лет при живом родителе. Однако отец мог отделить восемнадцатилетнего сына, дав ему все законные права, чтобы, в свою очередь, освободиться с этого момента от исполнения обязанностей по отношению к нему (прежде всего обязанности предоставлять пропитание). В подавляющем большинстве случаев сын, женатый или холостой, живет под одной крышей с родителями, оставаясь под отцовской властью. Он мог быть подвергнут тю-

ремному заключению по требованию своего отца (или матери-вдовы). Не отменялись и телесные наказания: известен случай, когда отец убил своего сына лишь за то, что тот не поздоровался с ним⁶.

После смерти отца его права в полном объеме переходили к сыновьям, но не к вдове. Мы уже видели, что завещания составляют в пользу сыновей, скандальным образом обделяя их сестер и даже мать, которые отныне должны находиться в их подчинении. Примеры тиранических решений бесчисленны. Когда будущая святая Клара Ассизская, следуя неодолимому зову веры, покинула свой богатый родительский дом, чтобы найти убежище в монастыре, ее родственники ворвались в него с намерением ее захватить и вернуть домой (правда, безуспешно). А как забыть Пиккарду, о которой рассказал в третьей песне «Рая» Данте: из монастыря ее силой забрал родной брат Корсо Донати и выдал замуж за человека, которого сам определил ей в мужья (Рай, III, 43 и след.)? А несчастная Лизабетта из Мессины, братья которой убили ее юного возлюбленного, после чего она умерла с горя (Боккаччо. Декамерон, IV, 5)? Братья считали своим долгом блюсти честь не только сестер, но и матери-вдовы: известны случаи, когда они выдавали мать замуж против ее воли за человека по своему выбору или наказывали ее за галантные похождения. Наконец, женившись, отпрыски мужского пола сами входили в роль домашних тиранов, которую в свое время играл их отец: право на эту роль признавали закон и обычаи.

Девушка

«В средневековом мире женщина считалась существом низшего порядка»⁷. За эту «сущностную» и «экзистенциальную» неполноценность несла ответственность Церковь: с апостола Павла до святого Фомы Аквинского она причисляла женщину к «вещам, необходимым мужчине» для продолжения рода. Отцы Церкви, в частности, святой Иероним, видели в женщине «врата демона, путь вероломства, жало скорпи-

она»⁸. Хотя Церковь и соглашалась предоставлять аббатам полномочия, сопоставимые с правами аббатов, женщина, отстраненная от алтаря, исключенная из древнейшего братства, вплоть до середины XII века должна была, по каноническому праву, испрашивать согласие своего отца на вступление в брак, без которого ее супружество не считалось законным. Нравы отражают это униженное положение женщины. Ее волей-неволей признают необходимым компонентом мироздания, но всегда держат под подозрением. Поговорка гласит: «Хороша ли женщина, плоха ли, ей надо изведать палки». Мы увидим далее, что эта поговорка была весьма популярна.

Вполне понятно, что в обстановке недоверия участь девушки незавидна: помимо своей изначальной неполноценности как представительницы слабого пола, она еще не достигла физической и духовной зрелости. Даже ее рождение нежеланно. Одно из непеременимых напутствий новобрачной гласило: «Здоровья и сыновей!» Данте возмущался, что в его время мысли отца с момента рождения дочери омыслились заботами о приданом, которое необходимо подготовить для нее (Рай, XV, 103—105). И в последующие века, более гуманные, более благосклонные к женщине, рождение дочери в княжеском доме не отмечали такими празднествами, какие предназначались появлению на свет мальчика⁹. Плохо принятой в этом мире, получавшей плохое питание, имевшей плохую одежду, девушке с младых лет предназначены две роли: забота о доме и, когда приходило время (а оно приходило очень рано), продолжение рода. Ее воспитанием пренебрегают. Ее горизонт ограничен домом и приходской церковью, куда она каждое утро отправляется в сопровождении матери и старших сестер. Минуты отдыха редки. Завистливые моралисты наперебой рекомендуют держать ее в постоянном напряжении, ибо праздность — дурной советчик. Один из них, Паоло да Чертальдо, советует отцам почаще приходить домой днем, чтобы удостовериться, что женщины заняты делом. Развлечения столь же редки, как и мину-

ты отдыха. Девушка живет, лишенная общения с юношами. Единственная возможность быть замеченной — утренняя или воскресная месса. Именно так Беатриче Данте, Лаура Петрарки и Фьяметта Боккаччо привлекли к себе внимание тех, кто их обесмертил (и кто не был их мужем). Робкая и сдержанная (как того требовали правила приличия), девушка проводит значительную часть своей жизни, безраздельно подчиняясь кому-то.

Сказанное относится не только к девушкам из народа. За исключением некоторых нюансов, оно точно характеризует положение девушек и женщин в семьях торговой буржуазии и аристократии. Франческо да Барберино в трактате «Поведение и нравы женщины», написанном в 1318—1320 годах, не осмелился открыто высказаться по вопросу о том, следует ли обучать их чтению и письму, поскольку, как он заметил, «многие это одобряют и многие порицают». Он, самое большее, готов допустить, чтобы знатная женщина училась читать и писать «надлежащим образом» на тот случай, когда, овдовев, она станет «хозяйкой земель и госпожой вассалов». Чего же он требует от девушки? Чтобы ее слова и жесты были отмечены сдержанностью: скромность — великая добродетель. Он требует, чтобы девушка при обращении к ней (недвусмысленное свидетельство того, что ей полагалось говорить, лишь когда ее попросят) отвечала, соблюдая приличия, тихим и нежным голосом, не размахивая руками, ибо «жестукуляция выдает в детях крайнее возбуждение, а во взрослых — переменчивость настроения». В те времена, в отличие от наших дней, девушки не вызывали интереса мужчин. Сочинители куртуазных стихов воспевают только замужних женщин. Все они, подобно Данте и Беатриче, Петрарке и Лауре, Боккаччо и Фьяметте, пылают любовью к респектабельным замужним дамам, возможно, матерям семейства. Девственность — это табу, нарушение запрета чревато большим риском, девушка не может удовлетворить любовного пыла кавалера. Все это, само собой разумеется, — чистая теория. Тогда, как и сейчас, девушки рано познавали

любовные чувства. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь открыть «Декамерон». Лизабетта из Мессины, рожденная в бюргерской семье, по своему вкусу выбирает себе возлюбленного (к несчастью для себя, как уже говорилось выше); Джилетта Нарбоннская из богатой бюргерской семьи поначалу отвергает все предложения, поскольку ее сердце переполнено любовью, изведенной в детстве, но потом некий ветреный кавалер хитростью покоряет ее; Симона из Паскуино, девушка из народа, несправедливо обвиненная в смерти своего юного возлюбленного, доказывает собственную невиновность и, как и он, умирает; юная Катерина, терзаемая демоном, хочет ночью послушать на террасе пение соловья, и наутро ее застают нежно сжимающей в руке «соловья» ее возлюбленного. Но найдем ли мы молодых женщин, открыто отстаивающих право на плотские наслаждения и не боящихся наказания, у Данте? Нет, ни одной, даже среди осужденных на муки ада! Он, не избежавший, вероятно, любовных соблазнов, в годы молодости с таким жаром воспевавший муки плотского влечения к жестоким и неприступным красавицам (далеко не все были таковыми...), в «Божественной комедии» стыдливо накинул вуаль на любовные страсти девушек. Те, кого он показал танцующими в «Чистилище» и «Рае», чисты помыслами и не ведают страстей.

Замужняя женщина

Завидна ли участь замужней женщины? Да, в той мере, в какой она, мать семейства, является хозяйкой домашнего очага или, что редко случалось, занимает отдельные помещения в родовом доме мужа. В этом случае, если муж надолго уезжает из дому по делам, именно она — по своему усмотрению — ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей. Но обычно новобрачная входит в дом родителей мужа, попадает под неусыпный контроль свекрови, шуринов и своячениц. К тому же ей нередко приходится терпеть присутствие в доме невольниц супруга и его вне-

брачных детей. Наконец, ей надо смириться с плохим обращением со стороны мужа, который часто следует поговорке: «Хороша ли женщина, плоха ли, ей надо изведать палки». В «Трехстах новеллах» Франко Саккетти выведен персонаж, отлупивший палкой свою жену накануне первой брачной ночи, дабы наказать ее за прегрешения, которые она конечно же не могла не совершить!

Следует ли считать замужнюю женщину рабыней, лишенной какой бы то ни было защиты со стороны закона? Ни в коей мере. Она может пользоваться правами, которые признавались за ней гражданской и церковной юрисдикцией. Прежде всего каноническим правом предусмотрена возможность объявления брака недействительным (слишком юный возраст невесты, неспособность мужа исполнять супружеские обязанности, удостоверенная свидетелями, многоженство и т.д.). Зато и муж мог отвергнуть супругу, если та имела половые связи до вступления в брак, в особенности с родственниками мужа или своими родственниками, а в первую очередь с кумом. Женщине, вступившей в брак, строго запрещается супружеская неверность; аналогичное поведение мужа не подлежит никаким санкциям. Жену ждут суровые наказания. Правда, во Флоренции задолго до времен Данте отказались от варварских обычаев, сохранившихся в других городах (Пьяченца, Брешиа, Павия, Генуя), на Корсике, в некоторых регионах Тосканы. В «Декамероне» рассказывается занимательная и поучительная история о даме из Прато, застигнутой в спальне в объятиях любовника: ей, согласно городским законам, грозило сожжение заживо на костре. Но ее слова в защиту любви были столь пылкими, что все жители Прато решили изменить этот закон, «столь же постыдный, сколь и жестокий», оставив казнь на костре лишь для женщин, изменяющих своим мужьям ради денег (но казнь на костре как таковая все еще предусматривалась!) (Декамерон, VI, 7). Во Флоренции жена, изменившая мужу, подлежит денежному штрафу, а в случае неуплаты его — тюремному заключению. Однако отказ от проживания

в одном доме с супругом не влек за собой правовых санкций; случалось видеть покинутых мужей, объявлявших через глашатая о своем желании снова видеть у домашнего очага мятежную супругу. Наконец, жена, муж которой промотал ее приданое (напомним, оно считалось ее неотчуждаемой собственностью, в случае расторжения брака она могла забрать его), может найти защиту в гражданском суде и потребовать возмещения ущерба за счет залога имущества ее супруга.

Таким образом, во Флоренции порядки в общем те же, что и в других итальянских городах того времени. Женщину в принципе признают существом низшим, с ее сущностной неполноценностью согласна даже королева дня в «Декамероне»: «И вправду мужчины — господа для женщин» (Декамерон, IX, 9), ибо все женщины «непостоянны и легкомысленны» и часто заслуживают палки. А раз так, то женщина подлежит надзору и контролю, ей недоступны ответственные должности, она занята лишь работой по хозяйству или ремеслами (прически, массаж, прядение шерсти). Данте ни в одном из своих произведений, густо населенных всякого рода и свойства персонажами, ни разу — даже намеком — не упоминает о своей супруге Джемме Донати. У жены оставалась возможность взять реванш, воспользовавшись свободой нравов, засвидетельствованной проповедниками, моралистами и писателями. В приличном обществе к тому же она могла надеяться, что какой-нибудь поэт удостоит ее чести быть воспетой в стихах, как воспел свою Беатриче Данте в «Новой жизни», вдохновленном платонической любовью поэтическом шедевре, и в величественных строфах «Рая» «Божественной комедии», где ее появление трнумфально. Только достаточна ли эта компенсация?

Вдова

Кто-то, возможно, подумает, что подчиненное положение женщины прекращалось со смертью ее супруга. К сожалению, ничуть не бывало. Войдя в чужой

дом, она чаще всего должна его покинуть после смерти мужа. Лишь специальное распоряжение в завещании супруга позволяет ей остаться в доме. Случалось, что сыновья обходятся с ней как с чужой, требуя отчитываться об имуществе и оспаривая ее право на вещи из приданого. Вместе с тем в большинстве случаев завещание супруга позволяет вдове сохранить семейное имущество и руководить семьей (закон давал ей такое право, если дети после смерти мужа не достигли совершеннолетия). Зато обычай требовал, чтобы она, если дети уже выросли, вернулась в дом отца, где она всегда могла рассчитывать на пристанище (если только не наталкивалась на враждебное отношение к себе со стороны братьев; в этом случае она самостоятельно выбирала дом для жительства).

Была ли вдова по крайней мере свободна в своей личной жизни? Если верить новеллистам, она спешила наверстать упущенное и полностью реализовать свои сексуальные потребности. Боккаччо представляет нам множество вдов, почти всегда молодых и даже очень молодых (одной из них 16 лет), имеющих возможность свободно располагать своим временем и дарить нечаянную радость молодым неопытным людям или похотливым монахам (в «Декамероне» почти все монахи таковы). Но даже его героини свободны лишь наполовину. Одна из них, знатного происхождения, живя в отцовском доме, предпочитает умереть, чем во второй раз выйти замуж (Декамерон, IV, 1). Другая вынуждена в конце концов подчиниться воле своих братьев, заставивших ее снова вступить в брак, правда, разрешив ей выбрать нового мужа (Декамерон, V, 9). Иногда повторное замужество запрещалось завещанием покойного супруга, по которому вдова могла быть законной наследницей и воспитательницей детей лишь при условии, что не выйдет снова замуж. Данте скептически описывает героя, который о собственной вдове говорит:

Ее пример являет напоказ,
Что пламень в женском сердце вечно хочет
Глаз и касанья, чтобы он не гас.

(Чистилище, VIII, 76—78)

Что уж говорить в таком случае об отношении к несчастным женоненавистника Боккаччо в «Декамероне» и особенно в «Корбаччо, или Лабиринте любви».

Слуги и невольники

«В экономическом и юридическом отношении семья имела в своем составе также лиц, свободных или несвободных, подчинявшихся главе семейства иначе, нежели те, кого связывали с ним узы кровного или брачного родства»¹⁰.

Эти лица — слуги и невольники. О домашней прислуге нечего сказать, кроме того, что она была многочисленной. Городская или сельская (особенно после принятия закона от 1289 года об отмене крепостной зависимости) по происхождению, прислуга состояла почти исключительно из женщин. Положение ее незавидно. Служанка (*ancella, fantesca*) всецело зависит от доброй воли своего хозяина, вынуждена терпеть физические наказания (если только они не причиняли увечий) и сексуальные домогательства хозяина и его сыновей. Ее единственная надежда — на хозяйскую щедрость при составлении им завещания или при ее вступлении в брак. Единственная гарантия, не закрепленная законом, но освященная обычаями: домашняя прислуга оставалась в доме хозяина до глубокой старости, иногда имела право быть похороненной в его семейном склепе. В остальном же ничто не ограничивало продолжительность и тяжесть работы домашней прислуги, не скрашивало неудобств ее убогого ложа, необходимости служить без упреков и жалоб, отсутствия юридической возможности освободиться от опеки хозяина (беглый слуга подвергался жестоким наказаниям).

Закон от 1289 года, давший личную свободу крепостным крестьянам, не упразднил невольничество. Начиная с эпохи Данте (возможно, он был среди тех, кто голосовал за этот закон), во Флоренции существовала самая настоящая работорговля. Невольников привозили из Мавританской Африки, с Востока (из

Греции и Турции), из Крыма. Живой товар поставляли генуэзцы и венецианцы. Правда, во Флоренции времен Данте численность невольников еще не была столь велика, какой она станет в середине XIV века¹¹. Рабы почти сплошь женщины (лишь в эпоху Ренессанса распространится мода на невольников-мужчин, особенно африканцев). По своему правовому положению они практически лишены защиты, даже в случае их обращения в христианство. Весьма показателен в этом отношении текст 1370 года, принадлежащий Франко Саккетти, доброму христианину и доброму гражданину: по-ученому, опираясь на Евангелие, он доказывает, что нет ничего дурного в сохранении рабского состояния крещеных невольников, и утверждает, что предоставление им свободы было бы злом¹². У невольницы, если она была молода и хороша собой, остается единственный шанс отыгаться — стать любовницей хозяина и — к величайшему негодованию хозяйки — родить ему детей. Но разве это реванш? Роль служанки-любовницы ничуть не похожа на ту, что разыгрывают в современных бульварных комедиях: ни развода любовника-хозяина, ни малейших послаблений в исполнении повседневных обязанностей по дому (уж законная супруга за ней проследит...). Принимать ли за чистую монету слова поэта Антонио Пуччи, писавшего в XIV веке, что во Флоренции невольницы пользуются преимуществом перед законными супругами, и видевшего в этом одну из причин упадка нравов? Как бы то ни было, но закон обязывал совратителя чужой невольницы возместить расходы, связанные с родами, и выплатить ее хозяину компенсацию в случае смерти несчастной. Одно утешение: сын (сын, но не дочь!), родившийся от любовной связи господина с невольницей, становился свободным человеком. Другое — более призрачное — утешение: надежда получить свободу по завещанию хозяина, иногда оставлявшего и незначительную сумму денег, позволявшую начать вольную жизнь. Таким образом, в общем и целом повседневная жизнь невольницы была весьма суровой. Отме-

тим еще раз, рабство во Флоренции времен Данте не имело того значения, какое оно приобретет в следующем столетии, когда не только все знатные фамилии (Адимари, Кавальканти, Строцци, Альберти, Альбицци, Медичи и другие), но и состоятельные горожане (нотариусы, судьи, врачи, даже священники) станут владельцами многочисленных невольников обоего пола.

Незаконнорожденные и сожительницы

Если флорентийское рабство возмущает нашу нравственность, то положение незаконнорожденных детей делает честь Флоренции времен Данте. «Италия среди стран Европы, Тоскана среди итальянских регионов и Флоренция среди городов Тосканы имеет ту заслугу, что первой отказалась от предвзвешенного, согласно которому умаляется достоинство детей, родившихся от связи, не узаконенной надлежащим образом»¹³. Разумеется, Италия времен Данте еще не демонстрирует в этом отношении той широты взглядов, которая в конце XV века поразит французского хрониста Филиппа де Коммина. Он, отпрыск знатного рода, представит ее «страной бастардов» (незаконнорожденных детей). Даже первый герцог Флоренции, Александр Медичи (1510—1537), был рожден вне брака¹⁴. В таком городе, как Флоренция, где мужья часто и подолгу находились вне дома (о чем, как мы уже видели, горько сетовал Данте), незаконнорожденных было много; возможно, таковым был Боккаччо (Леонардо да Винчи им был определенно). В большинстве случаев незаконнорожденные дети, плод любовной связи хозяина со служанкой или невольницей, воспитывались в доме своего отца. Представители знати и деловой верхушки попопанства без колебаний упоминали таких детей в своих завещаниях, оставляя им значительные суммы денег и земли, иногда — право на семейный герб. Дочерям давали приданое (но, как и законнорожденные дочери, они исключались из числа наследников движимого и недвижимого иму-

щества). Кроме того, законное признание делало незаконнорожденных полноправными детьми. Это признание могло совершаться при рождении ребенка, при его вступлении в брак, по завещанию. Являясь исключительной привилегией пфальцграфа (императорского наместника), процедура признания стала настоящим коммерческим предприятием. Знатные фамилии по этому поводу обращались к папе римскому или императору, всегда получая положительный ответ, если речь шла о мальчике, но не всегда, если просили о девочке. Эта дискриминация по половому признаку закреплялась обычаями, и незаконнорожденная дочь труднее находила себе мужа, чем законная.

Широта взглядов средневековых людей проявлялась также и в обычае внебрачного сожителства (конкубината). Несмотря на протесты Церкви, он практикуется повсеместно. Специальными постановлениями городских коммун ему придан законный статус (так, постановление от 1308 года в Лукке признало сожительниц «законными»). Иногда нотариусы регистрируют контракты, в которых четко определялись права и обязанности двух сторон. В этом отношении Генуя демонстрирует такую широту взглядов, которая делает ее знаменитой¹⁵. Речь идет о своего рода свободном или пробном браке, предусматривается возможность появления детей, равно как и продление контракта на установленный законом срок (как правило, шесть лет). Случалось, что сожительствовавшие по контракту становились мужем и женой. Если же они и расставались, то друзьями... По крайней мере, так полагали.

Стоит ли подробно говорить о семейной морали? Кажется, во Флоренции времен Данте она балансирует между непреклонной строгостью и вседозволенностью. Строгость проявляется в принципах: соблюдение девственности, супружеская верность жены (но не мужа...), нерасторжимость брака. Вседозволенность — в повседневной практике. Нужно ли понимать свидетельство Данте буквально:

Сардинская Барбаджа — та скромна
И женской честью может похвалиться
Пред той Барбаджей, где живет она.

(Чистилище, XXIII, 94—96)*

Должны ли мы верить свидетельствам «Декамерона», где женщины-флорентийки, замужние и незамужние, всецело и безудержно предаются природным инстинктам? Был ли прав знаменитый проповедник Джордано да Ривальто, громогласно обличавший в 1303—1304 годах с кафедры собора Санта-Мария Новелла рано начинавших половую жизнь флорентийских юношей и девушек: никто из них не сохранял девственности к моменту вступления в брак. Возможно, здесь, как и во многих других областях жизни, проявлялся здравый смысл и скептицизм флорентийцев. Если так, то пренебрежение лицемерными строгостями в отношениях между полами, нетерпимостью, религиозным ханжеством делает Флоренции честь.

* Сардинская Барбаджа — горная область на Сардинии, где женщины ходили с обнаженной грудью или даже вовсе нагие, из-за жары или распущенности нравов; Пред той Барбаджей... — то есть перед Флоренцией. (Прим. пер.)

Портрет Данте, приписываемый Джованни дель Понте.
Флоренция. Библиотека Риккардиана.

Юный Данте.
Фрагмент фрески,
приписываемой
Джотто. XIV в.
Флоренция.
Палаццо подеста.

Гаспар ван Виттел.
Вид Флоренции.
1694 г. Флоренция.
Питти.

Баптистерий
Сан-Джованни.
Освящен в 1059 г.
Флоренция.

Дом, где родился
Данте.
Реконструкция
XIX в. Флоренция.

Убийство Буадельмонте на Старом мосту (начало распри гвельфов и гибеллинов). *Миниатюра Киджанского кодекса.*

Командующий флорентийским войском на Кампальдино рыцарь Аймерик де Нарбонн.
Деталь гробницы Гильома де Дюрфора в монастыре блаженной Аннунциаты.

Столкновение враждующих итальянских феодалов.
Миниатюра из манускрипта. Флоренция. Библиотека Лауренциана.

Смерть Генриха VII в Буонконvento. *Миниатюра Киджанского кодекса.*

Тино да Камаино. Генрих VII.
XIV в. Деталь саркофага в Пизе (Кампосанто).

Сан-Джиминьяно — город башен.

Дворец корпорации Лана.
Флоренция.

Труба для сброса нечистот.
Остров Корсика.

Барджелло. Резиденция подеста. XIII—XIV вв. Флоренция.

Барджелло. Внутренний двор.

Джиrolамо Романино.
Фрагмент фрески
«Се человек». 1519 г.
Кремона. Собор.

Мазо ди Банко.
Чудо святого Сильвестра
с драконом. Фреска капеллы
Барди ди Вернио
церкви Санта Кроче
во Флоренции.
Конец 1330-х гг.

Антонелло да Мессина. Святой Иероним в келье. Около 1465 или 1474 г.

Амброджо
Лоренцетти.
Святой Николай
дает приданое
трем девушкам.
1327—1332 гг.
Флоренция.
Уффици.

Виторе
Карпаччо.
История святой
Урсулы: сон
святой Урсулы.
1490—1495 гг.

Паоло Учелло. Молодой человек.
1440 г. Шамберн. Музей истории искусств.

Художник флорентийской школы. Юноша.
XV в. Флоренция. Уффици.

Мазолино.
Воскрешение
Тавифа.
Фрагмент фрески
из капеллы
Бранкаччи.
XV в. Флоренция.

Неизвестный художник
флорентийской школы. Юноша.
Рисунок XV в. Флоренция. Уффици.

Джованни да Милано. Поругание
Иоакима. Фрагмент фрески. 1365 г.
Флоренция. Капелла Распуччини.
Церковь Санта Кроче.

Лука Синьорелли. Легенда о святом Бенедетто.
Фрагмент фрески. XVI в. Верчелли. Церковь Святого Христофора.

◀ Филиппо Липпи. Коронование Марии. Фрагмент. 1441—1447 гг.
Флоренция. Уффици.

Гуго ван дер Гес.
Триптих Портинария
«Поклонение волхвов».
Фрагмент. Около 1440—1482 гг.
Флоренция. Уффици.

Лаура. Миниатюра из книги Петрарки
«Сонеты и канцоны на жизнь
Мадонны Лауры». XV в. Флоренция.
Библиотека Лауренциана.

Карло Кривелли.
Мария Магдалина. Фрагмент.
XV в. Монтефиоре дель Азо.
Церковь Святой Лучии.

Гаудиенцио Феррари. Рождество Богородицы.
Фрагмент фрески. XVI в. Верчелли. Церковь Святого Христофора.

Скеджа.
Народная игра.
Середина XV в.
Флоренция. Уффици.

Амброджо
Лоренцетти. Танцы.
Фрагмент фрески
«Аллегория Доброго
и Злого правления».
1337—1339 гг. Сиена.
Палаццо Публико.

ПУБЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая Облик города

Развитие города

Данте довелось стать свидетелем необыкновенного роста своего родного города. Вспоминая о Флоренции первой половины XII века, когда жил его прадед Каччагвида, еще «простой и скромной», умещавшейся в пределах древнего пояса стен (Рай, XV, 97—100), Данте противопоставляет ей большой город, каким он стал на его глазах (Ад, XXIII, 94), — противопоставляет, чтобы посетовать на этот рост, достигнутый за счет новых поселенцев (*la gente nuova*), приехавших из окрестных деревень, и так изменивший облик города, что старожилы с трудом ориентируются в нем. Однако Данте, этому *laudator temporis acti*, вздыхателю по ушедшим временам, каким он предстает в «Божественной комедии», выражает его современник хронист Дино Компаньи: во Флоренцию специально приезжают из дальних краев только для того, чтобы полюбоваться «красотой и благоустроенностью города». Другой великий хронист, Джованни Виллани, чуть позднее восхищался строительной лихорадкой, охватившей горожан. Строительство идет как внутри пояса городских стен, так и вне его; благоразумного консерватора страшат непомерные расходы, которые позволяют себе прославившие сумасшедшими флорентийцы. Если верить ему, то за первую половину XIV века на расстоянии

шесть миль вне пояса городских укреплений построены две новые Флоренции (Хроника, XI, 94).

Без сомнения, это самый существенный и стремительный рост, какой только знала Флоренция в Средние века и позднее (за исключением того, что совершается на наших глазах). Данте, который сожалел об этом росте, сам был скромным его участником: в апреле 1301 года ему поручили контролировать строительство и выпрямление улиц в центре Флоренции. Развитие было столь стремительным, что за один век пришлось возвести два пояса оборонительных сооружений, тогда как до последней трети XII века город жил в поясе каролингских укреплений конца VIII — начала IX века, возведенных почти в точности по линии древнеримской стены, замененной в VI веке новым защитным поясом, охватившем меньшую территорию: прежний в результате варварских вторжений и последовавшего за ними упадка оказался слишком большим.

В городской стене, которую видел Каччагвида, было всего лишь четверо ворот; она представляла собой невысокую надстройку над древнеримскими стенами. Флоренция, стиснутая этим поясом, была своего рода большой крепостью (бургом) с несколькими церквями (Санта Репарата — кафедральный собор, Бадиа, Сан-Пьетро Скераджо, госпиталь при Сан-Джованни Эванджелиста, Баптистерий) внутри стен и несколькими (Санта Тринита, Сан-Лоренцо, Сан-Пьетро Маджоре, Сантиссими Апостоли) вне их; на другом берегу реки Арно располагались Санта Феличита и Сан-Миниато. Улицы были тесными, кривыми и грязными, площади неширокими, дворцы редкими, церкви невзрачными, дома-башни не столь многочисленными и высокими, как во времена Данте. Короче говоря, Флоренция в середине XII века, при Каччагвиде, была городом, скромным по своим размерам, численности населения, сооружениям и престижу.

В годы молодости Данте город теснился внутри стен, построенных в 1172—1174 годах. Но он имел весьма внушительные размеры по сравнению с Флоренцией, некогда помещавшейся внутри древнерим-

ских стен, почти втрое превосходя ее. У города было пять ворот, он еще не захватил левый берег реки, хотя первые поселенцы там уже появились. Именно внутри этого второго пояса укреплений поднялись сто пятьдесят башен, отдельные из которых возвышались на 130 локтей (более 75 метров), а также многочисленные дворцы, в том числе и Дворец капитана народа (который потом станет Дворцом подеста, а позднее получит название Барджелло). По обоим берегам Арно протянулись кварталы, населенные простым народом (Борго Ониссанти, Борго Пинти, Борго Сан-Фреддиано); были построены три новых моста (Алла Каррайя, между 1218 и 1220 годами; Рубаконте, по имени подеста, в 1237 году; Санта Тринита, в 1252 году). Таким образом, Флоренция со своими четырьмя мостами (четвертым был тот, который ныне называется Понте Веккьо, «Старый мост») намного опережала Париж Людовика Святого, где таковое сооружение было лишь одно.

И на эту бурно развивавшуюся Флоренцию обрушился шквал поразительных и возмутительных разрушений. Уже в 1250 году, дабы подорвать (никакой игры слов здесь нет) могущество аристократии, было решено ограничить высоту всех домов-башен пятьюдесятью локтями (около 29 метров). Кроме того, вошло в обычай, что партия, победившая в политической борьбе, разрушала дома предводителей побежденных. В 1248 году гибеллины снесли башни и дворцы гвельфов; спустя десять лет пришел черед гвельфов разрушать башни и дворцы гибеллинов, камни которых послужили строительным материалом для возведения крепостной стены на левом берегу Арно с воротами Сан-Джорджо, существующими и поныне¹.

Это неистовство разрушений не остановило рост города. Именно тогда было возведено большинство храмов, до сих пор вызывающих наше восхищение: Санта Кроче, Санта-Мария Новелла, Сантиссима Аннунциата, Ониссанти, Кармине, Санто Спирито (о них еще речь впереди). Тогда же и знатные семейства (в частности, Спино и Моцци) сооружают свои дворцы. Наконец, с 1237 года при подеста Рубаконте, пост-

роившем мост, носящий его имя, Флоренция начинает удивлять гостей еще не виданным в Западной Европе новшеством — мощением улиц большими каменными плитами; их и сейчас еще можно видеть в историческом центре города, вокруг моста Понте Веккьо.

В молодости Данте присутствовал при событии, говорящем об оптимизме и полноте жизненных сил правителей Флоренции: возведении третьего пояса городских укреплений. Решение было принято в 1284 году, работы продолжались вплоть до 1333 года. Этот пояс, охватывавший территорию в 630 гектаров (в тридцать раз больше площади города римских времен и в восемь раз больше территории внутри стен, построенных в 1172—1174 годах), в основном снесенный в XIX веке (однако весьма протяженный участок его еще можно видеть на левом берегу), должен был вместить в себя город со стремительно росшим населением. Расчеты, на которые опиралось городское правительство, оказались неточными, так что в течение столетий Флоренция чувствовала себя в своих просторных пределах весьма комфортно. Протяженность стены достигала восьми с половиной километров. Было построено восемь главных ворот, дополнявшихся многочисленными второстепенными (*postierle*). Стену, в свою очередь, окруженную широким рвом и системой оборонительных сооружений, венчали 73 башни.

Флоренция — в кольце неприступных стен, возможно, казавшихся стареющему Данте символом излишества и гордыни, которые он считал несчастьем города, — обретает новый облик. Улицы становятся шире и прямее, площади — просторнее (особенно перед соборами Санта Кроче и Санта-Мария Новелла, где выступают проповедники и проводятся торжественные церемонии). Строят Дворец приоров и новый кафедральный собор, множество других зданий. Дома и дворцы из тесаного камня, достойные королей, князей и пап, проездом посещавших Флоренцию, приходят на смену деревянным и кирпичным сооружениям.

В этом стремительно развивающемся городе важную роль играют зеленые насаждения. Много садов,

частных и публичных, светских и церковных, например, сад его высокопреосвященства Дуранте, в котором свыше 3500 апельсиновых и лимонных деревьев. И это не исключение. Много огородов и фруктовых садов, принадлежащих монастырям, не говоря уже о виноградниках, память о которых сохранилась в топонимии: *Via della vigna nuova* (Улица нового виноградника). «Таким являлся город флорентийцам и Данте: богатым, изобильным, великолепным, с радужными перспективами, превосходящим все прочие известные им города и по сравнению с ними воистину великим городом»².

С захода солнца до утренней зари Флоренция заперлась в своих стенах. Поначалу ключи от ворот доверяли гражданам, считавшимся выше любых подозрений, а затем личной охране приоров. В течение всего этого времени, после сигнала к тушению огня, город погружался в сон, нарушаемый лишь шагами ночных патрулей. Улицы его скудно освещались масляными светильниками, огонь в которых поддерживали сами граждане или ремесленные корпорации, такие, как Калимала и Лана, каждая на своей территории. С 1306 года стало обязательным освещение всего центра города, вменявшееся в обязанность жителям каждого квартала. Отметим, что освещение предназначалось не для горожан (им строго предписывалось под страхом наказания в виде штрафа оставаться по ночам дома, выходя лишь в случае крайней необходимости и без оружия), а для полицейских патрулей. Как и любой средневековый город, Флоренция по ночам словно вымирала.

Улица

Улица имела весьма оживленный и живописный вид, о каком мы в своих больших городах не имеем ни малейшего представления. На улице в буквальном смысле жили, на улице работали, на улице обсуждали деловые и политические вопросы, на улице проводили большую часть дня — с рассвета до заката. На улице жили, поскольку дома были тесными и

неуютными, и в теплое время года после долгого рабочего дня здесь собирались, чтобы поболтать перед сном у порога дома или на каменных скамейках у дворца. На улице работали, поскольку мастерская была слишком тесной, с трудом вмещала необходимые припасы и инструменты. Именно на улице, разложив монеты на своих лавках (слово «банк» и произошло от итальянского «*banco*», что значит «скамья», «лавка»), поджидали клиентов многочисленные менялы. Именно на улице занимались составлением официальных актов нотариусы, проводили день в трудах и заботах сапожники, кузнецы, цирюльники, портные, старьевщики — в хорошую погоду, как, впрочем, и в плохую, устроившись под навесом или выступом верхнего этажа дома. Не забудем также художников, скульпторов, резчиков по дереву, столяров, писцов, даже врачей, костоправов и прочих знахарей и продавцов чудодейственных снадобий.

Вообразить это столпотворение нетрудно! Что сказал бы Буало, увидев улицы Флоренции? Ведь в этом мире людей труда сновали домашние животные разных пород и мастей: лошади, мулы, ослы, даже свиньи (их разводили прямо в городе, где они свободно разгуливали), о чем говорится, в частности, во введении к «Декамерону». По переполненной людьми и живностью улице то и дело проезжают тяжелые телеги крестьян, направляющиеся на рынок или возвращающиеся с него. На перекрестке, привлекая внимание народа, раздается сигнал трубы, и глашатай коммуны читает постановления городских властей, объявляет о рожденьях, смертях и браках, оглашает обращение покинутого мужа к жене, предлагающего ей вернуться к семейному очагу, или предписание отца блудному сыну незамедлительно возвратиться в отчий дом. Улица кишит профессиональными нищими, попрошайками и карманными ворами. По ней часто, даже слишком часто проходит зловещий кортеж осужденных на казнь (к этому аспекту повседневной жизни мы еще обратимся).

Во Флоренции хватает оживленных и живопис-

ных уголков. Но оживленнее и живописнее рыночной площади Меркато Веккьо нет, пожалуй, ничего. Поэт Антонио Пуччи чрезвычайно живо обрисовал ее. И хотя это описание относится к несколько более позднему времени, чем интересующая нас эпоха, оно дает ясное представление о людском водовороте в гигантском «чреве» Флоренции. Рынок не только «торговая точка», где продают и покупают. Это место всевозможных встреч, работы нотариусов, врачей, аптекарей, торговцев тканями, старьевщиков, держателей азартных игр. Старина Пуччи до того горд своим Меркато Веккьо, что утверждает, будто по сравнению с ним самая большая площадь Сиены, знаменитая Кампо перед Дворцом коммуны — всего лишь блюдечко, на котором замерзают зимой и жарятся летом. Что больше всего удивляет в описании Пуччи, так это количество и, как он уверяет, качество продуктов питания, предлагавшихся флорентийцам, — очевидное свидетельство того, что современники Данте любили хорошо поесть. Косвенным подтверждением служит и знаменитое описание Флоренции былых времен, созданное Данте для прославления предков, чьей воздержанности противопоставляются излишества, в том числе гастрономические, его современников.

Оживление, вызывающее пресыщение, царит и в двух центрах общественной жизни Флоренции — на площадях перед Баптистерием и Дворцом приоров. На площади перед Баптистерием проходят многочисленные процессии, в которых находит отражение религиозная жизнь города, здесь проводится большой ежегодный праздник в честь святого Иоанна Крестителя и дважды в год, в Страстную субботу и накануне Троицы, совершается обряд коллективного крещения. На площади перед Дворцом приоров (сейчас Площадь синьории) созываются народные собрания (*parlamento*), дабы выслушать членов городского правительства и принять решения по важнейшим вопросам общественной жизни (мятежи, войны, смена правительства и тому подобное). Сюда же флорентийцы приходят посмотреть

на открытые заседания приоров, проходившие под навесом перед входом во дворец (*ringhiera*, о чем вскоре пойдет речь).

Таковы центры общественной жизни Флоренции. Частная повседневная жизнь протекает в пределах квартала. «Жизнь частных лиц и семей проходила в *vicines*, то есть в маленьких территориальных округах, на которые с незапамятных времен подразделялись городские кварталы»³. Этот округ, имевший во Флоренции времен Данте название *popolo*, совпадал с приходом, центром которого являлась приходская церковь. В известном смысле это была ячейка общественной жизни, не только религиозной, но и политической. Она имела собственных муниципальных должностных лиц, правителей или капелланов (светских, следует заметить), как правило, в количестве четырех человек, а также подначальных им помощников. Такого рода выборные муниципальные советники отвечали за чистоту улиц и источников, соблюдение добрых нравов, уплату налогов и даже за разоблачение еретиков и богохульников. Таким образом, приход являлся базовой структурой флорентийской демократии. Вот почему Данте, дядя которого исполнял функции прокурора приходского округа, в трактате «Пир» писал, размышляя об идеальном городе: «Подобно тому, как отдельный человек, дабы жить в достатке, нуждается в семейном окружении, отдельный дом тоже может существовать лишь в окружении соседних домов: в противном случае многое препятствовало бы его благополучию» (IV, 2). Символами независимости округа были знамя, войско, стража и часовые. Отсюда происходило соперничество округов, выражавшееся в состязаниях и турнирах, иногда переходивших в настоящие сражения молодежи.

Эти округа или приходы, числом пятьдесят семь, группировались в сестьеры (*sestieri*): Сан-Панкрацио, Порта Дуомо, Сан-Пьеро, Порта Санта-Мария, Борго, Ольтрарно. Сестьеры, различавшиеся размером территории и численностью населения, включавшие в себя неравное количество округов, возглав-

лялись первым магистратом, светским лицом, функции которого нам в точности не известны. Эти сестеры заменили существовавшие во Флоренции времена прадеда Данте кварталы (*quartieri*): их названия происходили от названий четырех ворот городской стены (Порта дель Дуомо, Порта Сан-Пьеро, Порта Сан-Бранкацио, Порта Санта-Мария), каждый квартал имел свой символ (соответственно, церковь Сан-Джованни — у первого, ключи — у второго, лапа льва — у третьего). Когда от деления на кварталы перешли к делению на сестеры (что свершилось в эпоху Данте), квартал Порта Санта-Мария был разбит на две части — сестеры Борго и Сан-Пьеро Скераджо, к которым присоединили сестеру Ольтрарно. Их символами стали: мост — для Ольтрарно, ползущий козел — для Борго и колесо от карроччо (*carroccio*, знаменная телега) — для Сан-Пьеро Скераджо.

Однако сестеры были слишком крупными единицами административного деления для того, чтобы стать центрами коллективной жизни, поэтому ее базовой ячейкой, ядром оставался округ (*vicinia* или *popolo*).

Общественные и частные здания

За тридцать шесть лет, проведенных в родном городе (с 1265 по 1301 год), Данте стал свидетелем потрясающих градостроительных начинаний. Многие из возведенных тогда зданий были разрушены. Другие подверглись столь основательной переделке, что мы уже не имеем возможности видеть их такими, какими они были известны поэту. И все же попробуем реконструировать монументальную панораму Флоренции той эпохи.

Из всех зданий, которыми в те годы украсилась Флоренция, не было любимее для горожан, чем Баптистерий. В «Божественной комедии» Данте с неизменной гордостью упоминает о нем не менее четырех раз (Ад, XIX, 17; Рай, XV, 134; XVI, 47; XXV, 7—9), с постоянной ремаркой: «Мой прекрасный Сан-Джованни». А хронист Виллани утверждал, что «по мне-

нию всех, кому довелось повидать мир, это — самый красивый храм или церковь из всех, что можно найти». Построенный в IV или V веке и капитально перестроенный в XI, Баптистерий тогда возвышался на цоколе из нескольких маршей. В начале XIII века к нему пристроили прямоугольную трибуну (*scarsella*), а в 1293 году облицевали разноцветным мрамором его восемь внешних угловых опор. Но там, где сейчас бронзовые ворота Гиберти, в то время находились портики. Зато бронзовых ворот еще не было (самые старые из них, ворота Андреа Пизано на юго-востоке, датируются 1330—1338 годами). Данте, однако, мог видеть, как все более красивой становилась площадь перед храмом, за проведение необходимых работ он голосовал, будучи членом Совета ста: тогда снесли старый госпиталь при Сан-Джованни Эванджелиста и ряд других зданий.

Напротив Баптистерия возвышался кафедральный собор Санта Репарата. Перестав отвечать запросам флорентийцев, он в 1296 году был снесен, а на освободившемся месте построили современный кафедральный собор, более просторный. Он сохранял прежнее название, пока не получил новое, которое носит по сей день: Санта-Мария дель Фьоре. Данте мог видеть лишь самое начало строительных работ; проект был гораздо скромнее по сравнению с тем, по которому был возведен современный собор — с фасадом, спроектированным, в частности, Арнольфо ди Камбио. А вот колокольню, к строительству которой приступили только в 1333 году, он видеть не мог: до 1357 года на северо-западном углу базилики Арнольфо стояла старая звонница.

Данте в 1299 году наблюдал начало строительства Дворца приоров (современный Дворец синьории, или Палаццо Веккьо, «Старый дворец»), на месте дома семейства Форабоски, от которого сохранилась лишь башня, называвшаяся Вакка, включенная в новую постройку и служащая основой современной башни. Он видел, как приоры переезжали в новое здание, менее вместительное, чем современное, особенно в боковых частях. Зато завершения строи-

тельства башни, законченной не ранее 1310 года, он не увидел. Во всех его произведениях даже намеком не упоминается это изумительное сооружение, одно из чудес архитектуры того времени, — верный знак обиды на правителей, изгнавших его из родного города.

Зато он называет церковь Сан-Пьеро Скераджо (Ад, X, 87), возведенную в 1068 году на месте храма начала IX века и служившую вплоть до конца XIII века, пока не построили дворец, о котором только что шла речь, местом собраний приоров. Именно в Сан-Пьеро Скераджо, где поэт заседал в качестве приора, он неоднократно выступал. От старой церкви Сан-Пьеро Скераджо, которую начали разрушать еще в 1410 году, прежде чем включить в 1561 году в состав Уффици и сделать помещением, в котором сейчас хранятся архивы трибуналов, не осталось ничего, кроме нескольких колонн и фрагментов стены на Виа делла Нинна.

Данте не знал и о новом здании Ор Сан-Микеле (строилось с 1337 года), которое в его время было всего лишь открытой лоджией на уровне первого этажа, построенной в 1290 году Арнольфо ди Камбио на месте капеллы, посвященной святому Михаилу-в-Саду (отсюда и название: Ор (Орто, «Сад») Сан-Микеле). Во времена поэта сооружение служило зерновым складом, а также конторой менял, ростовщиков и прочих деловых людей. Чудотворный образ Пресвятой Девы украсил один из столпов, перед которым совершались хвалебные песнопения в Ее честь, послужившие началом братства Ор Сан-Микеле, правда, уже позднее эпохи Данте (о чем у нас еще пойдет речь).

А вот перестройку церкви Бадиа, бенедиктинского храма, заложенного в 978 году и перестроенного начиная с 1282 года по образцу цистерцианских церквей, возможно, по проекту Арнольфо ди Камбио (современная Бадиа является результатом основательной переделки в XVII веке), Данте видел. По воспоминаниям поэта, именно колокол старой Бадиа отмерял канонические часы, определял ритм жизни

флорентийцев времен Каччагвиды (Рай, XV, 97—98). Колокольня была снесена в 1307 году, но позднее, в 1310—1330 годах, восстановлена, так что Данте знал только ее старый вариант.

Поэт был очевидцем работ по расширению двух больших базилик — Санта Кроче и Санта-Мария Новелла. Новое здание Санта Кроче строилось с 1294 года на месте францисканской церкви, возведенной в 1228 году, остатки которой сохранились в подземной части базилики. Однако Данте застал лишь начало строительства, завершившегося только во второй половине XIV века. Он был привязан к Санта Кроче: именно в монастыре, примыкавшем к ней, он после смерти Беатриче занимался философией, о чем мы еще будем говорить. Он не застал окончания строительства новой базилики Санта-Мария Новелла, доминиканского храма, перестройку которого начали еще в 1246 году, а закончили только в 1360-м. Когда Данте в 1301 году навсегда покидал Флоренцию, только началось возведение фасада (его нижней части, которую можно видеть сейчас). Современной колокольни, построенной в 1330 году, тогда еще не было. Зато в примыкавшем к базилике монастыре, как и при монастыре Санта Кроче, Данте с 1293 года изучал философию. По иронии судьбы, именно провинциальный капитул ордена доминиканцев запретит в 1335 году чтение произведений поэта, что не мешает художнику Нардо ди Чione, расписавшему в 1357 году капеллу Стрoцци, изобразить Данте среди блаженных на Страшном суде, а также вдохновляться образами его «Ада».

Данте был очевидцем строительства многочисленных гражданских сооружений. Прежде всего это четверо ворот в новой городской стене, соорудавшихся с 1284 года: Порта а Прато, Порта а Сан-Галло, Порта алла Кроче, существующие до сих пор, и Порта а Фаэнца, включенные в XVI веке в состав укрепления Фортецца да Бассо. Поэт видел строительство мрачной тюрьмы Стинке, о которой мы расскажем, и госпиталя-богадельни при храме Санта-Мария Нуова, учрежденного в 1287 году Фолько Портинари, от-

цом Беатриче, которую он обессмертил в своих стихах.

В эпоху Данте были возведены дворцы, завершившие вместе с дворцами семейных кланов Моцци, Спины, Фрескобальди, Джанфиляцци формирование монументального облика Флоренции. В частности, был построен дворец семейства Перуцци — на руинах древнеримского амфитеатра, чем объясняется полукруглая форма его фасада (правда, сейчас он существует в том виде, какой приобрел после реставрации в XVIII веке). Следует отметить, что все это дворцы разбогатевших банкиров — дополнительное свидетельство экономического процветания деловых людей в эпоху Данте, благодаря которому город приобрел тогда облик столицы западного мира.

Река и мосты

Флоренция долгое время стояла немного в стороне от Арно, капризной реки, в период разливов опасной и разрушительной. С возведением в 1172 году нового пояса укреплений город захватил и левый берег, хотя квартал Ольтрано (по ту сторону Арно) еще не имел иной защиты, кроме стен своих домов. Лишь большая городская стена, к возведению которой приступили в 1284 году, включает этот квартал в оборонительную систему.

Примерно тогда же построена набережная между мостами Рубаконте и Каррайя, хотя на некоторых участках строительство велось уже в 1246 году. В речной пейзаж вписалось множество мукомольных мельниц (отдельные были установлены на барках). Здесь же ставили и сукновальные мельницы (*gualchiere*). Поблизости от моста Каррайя возвели плотину (*pesciaia*).

В течение столетий Флоренция довольствовалась единственным мостом через Арно. Построенный, возможно, в X веке, в начале XII века разрушенный, быстро восстановленный в камне, он был украшен (сначала при входе с левого берега, а затем с правого) статуей Марса, у подножия которой в 1215 году

была устроена засада, стоившая жизни юному Буондельмонте да Буондельмонти; убийство стало началом кровавого соперничества между гвельфами и гибеллинами. Этой статуе Марса Данте приписывал (Ад, XIII, 147; Рай, XVI, 145) зловещую роль в истории Флоренции: в ее безобразном облике (он называет статую «одноглазым камнем») таилась сила бога войны, символом которого она была: Марс мстил флорентийцам за то, что те променяли его на святого Иоанна Крестителя:

Мой город — тот, где ради Иоанна
Забыл быллой заступник; потому

Его искусство мстит нам неустанно;
И если бы поднесь у Арнских вод
Его частица не была сохранна,

То строившие сызнова оплот
На Аттиловом грозном пепелище —
Напрасно утруждали бы народ.

(Ад, XIII, 143—150)

В стихах присутствует аллюзия на тот факт, что статуя Марса была сброшена в Арно во время вторжения Аттилы и что ее водрузили на прежнее место, когда при Карле Великом восстанавливали Флоренцию. Хотя город избрал своим святым покровителем Иоанна Крестителя, языческая статуя оставалась на мосту, пока не исчезла вместе с ним во время памятного наводнения 1333 года, смывшего все мосты через Арно. Таким образом, существующий ныне Старый мост, получивший свое название в 1220 году, — не тот, что был во времена Данте: это мост, восстановленный в 1345 году. Как и на других мостах через Арно, на нем располагались деревянные мастерские (после наводнения 1333 года их строили из камня) кожевников: «так что вокруг разносились исключительные «ароматы», поскольку шкуры замачивали на восемь месяцев, а основным дубильным ингредиентом была конская моча»⁴.

Стремительно расширявшемуся городу одного моста было мало, и в XIII веке к Старому мосту добавилось еще три: Каррайя (1218), Рубаконте (1237) и Санта Тринита (1252). У каждого из них — своя судь-

ба. Мост Каррайя, названный вначале Новым мостом (тогда получил свое название Старый мост), был разрушен наводнением 1274 года; восстановленный, он в 1304 году обрушился под тяжестью зрителей, собравшихся смотреть водное представление по случаю Майского праздника (о чем еще пойдет речь); восстановленный вновь, он был смыт наводнением 1333 года. Сейчас он существует в том виде, какой придал ему Амманати в 1559 году и каким он стал в результате реконструкции после Второй мировой войны. Мост Рубаконте (по имени подеста, миланца по происхождению, при котором он был построен) наводнение 1333 года лишь повредило, мост устоял благодаря своей конструкции из шести каменных аркад. На каждой из его опор стояли капеллы и часовни (по одной из них, посвященной Санта-Мария делле Грацие, он получил свое современное название). Здесь находилась также крошечная обитель монахов-затворников (*Murate* — «замурованные»), просуществовавшая вплоть до 1424 года. Мост Санта Тринита, построенный в 1252 году из дерева, а спустя семь лет из камня, был смыт наводнением 1333 года. Как и на других мостах, здесь располагались мастерские ремесленников, а также часовня, посвященная архангелу Михаилу и помост (*gogna*), где выставляли на позор воров и прочих злодеев.

Что касается Арно, в которую близ церкви Оньисанти впадал ручей Муньоне, то она имела большое значение для экономики города: река приводила в действие мельницы, в ней мыли шерсть и кожи, в нее сбрасывали отработанную воду красилен. Здесь проходили представления (водные состязания и парады), даже зимой, когда ее поверхность покрывалась льдом. Мелководную летом, подверженную внезапным наводнениям осенью и весной, с грязными водами реку флорентийцы тем не менее любили. Данте называет ее «царственной», «прекрасной», описывает ее течение от самых истоков (Чистилище, XIV, 16—54). И хронист Джованни Виллани именует Арно «царственной рекой» (Хроника, I, 43). Сила воображения и сыновья любовь флорентийцев...

Глава вторая
Учреждения

Правительство. Городские учреждения

Если верить Данте, нет ничего изменчивее флорентийских учреждений. Такой вывод следует из его знаменитой инвективы против современной ему Италии:

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!

(Чистилище, VI, 76—78)

Он яростно критикует свой родной город. Сравнивая Флоренцию со Спартой и Афинами, родиной «гражданской правды», он потешается над маниакальной тягой сограждан к нововведениям: закон остается в силе лишь на мгновение (с октября по середину ноября, утверждает он). Флоренция предстает у Данте больной, не находящей покоя в своей постели, мечущейся в надежде ослабить боль (Чистилище, VI, 127—151). Хотя эти прозрачные намеки относятся, по мнению Пезара, «к смене политического режима во Флоренции в течение октября-ноября 1301 года», не исключено, что они имеют более общее значение и характеризуют политическое развитие Флоренции эпохи Данте в целом.

На самом деле здесь, как и во многих других случаях, преувеличение очевидно. Государственные структуры Флоренции, сложившиеся в период с 1282 по 1292 год, не изменились. Эта форма республики сохранится без существенных модификаций вплоть до прихода к власти в 1434 году Козимо Медичи.

Мы не собираемся подробно излагать политическую историю Флоренции времен Данте¹. Расскажем лишь о том, как функционировало ее правительство, в состав которого входил с 15 июня по 15 августа 1300 года в качестве приора автор «Божественной комедии»: факт, горько сетовал он, ставший «началом и причиной всех его несчастий». Именно

эта магистратура, приорат, служила наиболее солидной, хотя и не первичной, основой флорентийской демократии с 1282 года. Термин не был новым. Ранее его применяли к руководителям корпораций; начиная с 1282 года приорат становится «настоящим двигателем коммун, участие в работе которого могло себе позволить лишь ограниченное число олигархических родов»². С упразднением в 1283 году Совета четырнадцати приоры стали высшим органом власти. Первоначально представляя три старших цеха (Калимала, Лана, Камбио), на которых зиждилось экономическое могущество Флоренции, приоры вскоре стали выражать интересы семи старших цехов (об этом чуть дальше). Числом три, потом шесть, а позднее двенадцать (и даже четырнадцать и шестнадцать), приоры выбираются по территориальному принципу — по сестьерам. Избирательная система исключает как представителей аристократии (по крайней мере, пока она не интегрировалась с буржуазией), так и простого народа. Главное условие избрания в состав приората — принадлежность к одному из цехов. С этой целью Данте и запишется в цех врачей и аптекарей. Приоры, избравшиеся отработавшими свой срок приорами, капитанами цехов и несколькими «мудрыми» из ими же составленного избирательного списка (сколько предосторожностей, дабы исключить неожиданности, неизбежные при прямых выборах!), должны — по крайней мере теоретически — стоять вне борьбы партий и группировок. Деятельность приоров проходит под знаком полнейшей коллегиальности: они вместе живут, первое время в довольно скромном доме, а с 1301 года в специально построенном дворце, уже упоминавшемся нами. Они не имеют права принимать во дворце кого бы то ни было, кроме как для публичной аудиенции, и выходить из него, за исключением форс-мажорных случаев, чрезвычайных обстоятельств (смерть близкого родственника) и в сопровождении внушительной стражи. Они равны между собой, хотя «гонфалоньер справедливости», присоединившийся к ним

в 1293 году, формально считается их председателем. Полномочия приоров весьма широки: политические (созыв советов, арбитраж среди магистратов), правоохранные (наказание преступников, смещение судей, нотариусов и даже капитана народа), дипломатические (прием послов). Именно из опасения, что эти могущественные, наделенные большими полномочиями приоры станут угрозой для Республики, их выбирают сроком всего лишь на два месяца; они не могут быть переизбранными на эту должность в течение последующих двух лет (подобного рода запрет назывался *divieto*). Они не должны принадлежать к одной корпорации (по одному человеку от цеха) или одной семье. Хотя закон и обещает защиту отставных приоров (прежде всего от оскорблений и угроз, пыток, тюрьмы и изгнания), в действительности они не гарантированы от преследований (как это случилось с хронистом Дино Компаньи, отправленным в изгнание в одно время с Данте, в 1302 году). Судьба, уготованная Данте, бывшему приору (изгнание, денежный штраф, а затем в случае ареста смертный приговор — сожжение на костре), показывает, что приор мог стать такой же жертвой политических преследований, как и рядовой гражданин.

Если приоры представляют собой приблизительно то, что мы называем исполнительной властью, то законодательная власть во Флоренции времен Данте рассредоточена по нескольким советам. Наиболее важные — Совет подеста, Совет коммуны и Совет народа. Само название показывает, что Совет подеста (точнее говоря, их два: общий совет в составе 300 человек и специальный совет из 90 членов) предназначен для оказания помощи подеста в исполнении им своих полномочий. Эта должность, появившаяся в Северной Италии в середине XII века, во Флоренции была введена в 1207 году. На должность подеста, учрежденную, по словам хрониста Джованни Виллани, для исполнения правосудия в интересах всех граждан, невзирая на групповые интересы, назначают чужака (то есть того, кто стоит вне флорентийской

коммуны), выходца из города, не являющегося врагом Флоренции, представителя известной, чаще всего знатной семьи. Как правило, имеющий солидные знания в области права, всегда в окружении судей и нотариусов, под защитой внушительной личной охраны, он избирается первоначально на год, а с 1290 года — лишь на шесть месяцев. Его роль значительна, хотя его полномочия заметно ограничены такими государственными институтами, как капитан народа и коллегия приоров. Он из тех, кого опасались, ибо имеет обширные полномочия в сфере правосудия и охраны общественного порядка. При определенных обстоятельствах он мог даже командовать армией Флорентийской республики. Занимая с 1255 года специально отведенный для него дворец (Дворец подеста, позднее получивший название Барджелло), получая щедрое вознаграждение за службу (правда, ему приходится за собственный счет содержать всю свою многочисленную свиту), он обязан, покидая свое кресло, дать отчет, отнюдь не являвшийся простой формальностью, особенно после 1307 года, когда учредили должность исполнителя «Установлений справедливости». По мере развития институтов Флорентийской республики с XIV века сфера компетенции подеста будет ограничена чисто судебными функциями, при исполнении которых его власть была практически неограниченна (он мог решать вопрос о применении пыток в отношении обвиняемых в совершении наиболее тяжких преступлений).

Для ограничения полномочий подеста в 1250 году была учреждена должность капитана народа. Опираясь на поддержку двух советов, он представляет, как и приоры, интересы правящего класса, крупного пополанства, или буржуазии. Однако эта должность не станет постоянной, и Флоренция время от времени будет обходиться без нее. Пройдет много времени (до 1322 года), прежде чем капитан народа сыграет более заметную роль в политической жизни Республики. Избираемый первое время на год, а потом (с 1292 года) на шесть месяцев, окруженный нотариу-

сами, судьями, охраной (*berrovieri, sbirri*), хотя и менее многочисленной, чем у подеста, но, капитан народа, как и подеста, — выходец из знатной семьи. Он также не является жителем Флоренции (как, к примеру, представители рода Малатеста из Римини, один из которых, Паоло, был увековечен Данте в знаменитом эпизоде с Франческой да Римини — Ад, V) и обязан отчитываться, покидая свой пост. Его судебские полномочия весьма широки, хотя частично совпадают с компетенцией подеста (убийства, побои и оскорбления). Его основная функция — защита не только буржуазии от грандов, но и всех граждан от любого насилия, откуда бы оно ни исходило. Наличие в городе должностей подеста и капитана народа не позволяло одному человеку забрать в свои руки всю судебную власть. Именно по этой причине двум советам подеста соответствовали два совета капитана народа (общий совет в составе 150 членов и специальный из 36 человек, в который одно время входил Данте).

Для полноты картины необходимо обрисовать деятельность Совета ста (и в него тоже входил Данте), контролировавшего расходы, и Совета цехов, с которым консультировались в трудные моменты и без которого с 1322 года не принимали ни одно важное решение. Не вдаваясь в детали, попытаемся выявить главные черты политической системы Флоренции времен Данте. Первая особенность — желание придать законченный характер форме правления, введенной «Установлениями справедливости» в 1292—1293 годах и скорректированной в 1295 году с целью обеспечить преобладание крупного пополанства. Отсюда гвельфский характер флорентийской коммуны, неизменная антигибеллинская направленность ее внутренней и внешней политики. Вторая фундаментальная черта, связанная с первой, — стремление оградить себя от угрозы как справа, так и слева: справа — от грандов, слева — от простого народа. Для этого используют обоюдоострое оружие: исключение грандов из всех советов и недопущение их на сколько-нибудь важные должности, с одной

стороны, и запрещение народу создавать любые ассоциации — с другой. Третья черта — крайняя непродолжительность исполнения должностей: два месяца для приоров, шесть месяцев для подеста и капитана народа. Эта кратковременность пребывания в должности усугублялась запретом переизбрания на нее сразу же по истечении установленного срока, что имело своей целью недопущение установления диктатуры. Четвертая черта, заметная в деятельности подеста и капитана народа, заключается в избрании выходца из другого города, который должен уравнивать и, по возможности, устранять внутреннее соперничество. Любопытный парадокс: приглашаются представители знати, тогда как своя аристократия лишена доступа к важным должностям. На самом деле противоречия в этом нет: приглашение иногороднего аристократа гарантирует его беспристрастность в республике, где власть принадлежит богатому пополанству. Таким способом удастся, по крайней мере, в принципе, избегать проявлений «классовой солидарности» пришлых чужаков с теми, кого они должны были бы опекать и защищать. Приглашение представителя знати может объясняться также желанием «лучше выглядеть» во внешних отношениях, особенно с государствами, где господствует аристократия (с крупными монархиями и княжествами).

Что касается пятой характерной особенности, то это боязнь всех форм прямых выборов. Так, члены Совета коммуны и Совета народа избираются приорами и восемью гражданами, делегированными от каждой из шести сестер. Для исправления системы приорам дается право по собственному усмотрению кооптировать помощников и устранять избранных лиц, которые их не устраивают. Наконец, дополнительная мера предосторожности — предоставление, с согласия Совета цехов и «мудрых» (которые являются выдвинутыми приорами), приорам, подеста и капитану народа права решать в последней инстанции все наиболее важные вопросы.

Такая «демократия» имеет множество недостатков. «Если демократия означает участие в управлении го-

сударством как можно большего числа граждан [...], то во Флоренции XIV века определенно не было демократии [...]. По меньшей мере, из 100 тысяч жителей политическими правами пользовались самое большее 20 тысяч, но при этом никогда 20 тысяч имен не попадали в сумки, из которых в момент избрания вытягивали жребий, даже если пассивное избирательное право и предоставлялось группе населения [...] в несколько тысяч человек»³. Действительно, политическая власть находилась в руках пололанской буржуазии, а именно, по мнению специалиста, примерно у 5 тысяч человек, то есть 5% населения⁴. Таким образом, политическая база этой «демократии» была исключительно узкой по сравнению с современной демократической системой.

Зато эта ограниченная демократия была открыта для новых деловых людей. Эта открытость великолепно отражала экономический рост, происходивший в то время. Данте в первые годы своего изгнания осознал эту связь экономического могущества с политической властью. Он, мечтавший о невозможном — о согласии среди всех граждан Флоренции, проклинал республику торгашей, где главной ценностью был экономический успех, а его наглядным подтверждением — золотой флорин. Отсюда и злые строки «Божественной комедии»:

Твоя отчизна, стебель окаянный
Того, кто первым Богом пренебрег
И завистью наполнил мир пространный,

Растит и множит проклятый цветок,
Чьей прелестью с дороги овцы сбиты,
А пастырь волком стал в короткий срок.

(Рай, IX, 127—132)

«Проклятый цветок» (*maledetto fiore*), флорин, убежден он, повинен, наряду с завистью и гордостью, во всех несчастьях человечества.

Избирательная система во Флоренции времен Данте имела серьезные недостатки. Причиной первого, далеко не самого худшего, являлась слишком частая ротация должностных лиц. «Едва ли было воз-

можно каждые два месяца находить шесть, восемь, двенадцать новых людей (на должность приоров) [...]. Сама эта система с неизбежностью приводила к власти посредственных людей»⁵. Чрезмерно короткие сроки пребывания в должности не позволяли приорам детально вникнуть в суть вопросов. Кроме того, правителям приходилось все делать самим, поскольку бюрократический аппарат, чрезмерно раздутый в современных государствах, тогда был крайне неразвит. Избрание по жребию, исходившее из предположения, что все претенденты равны в компетентности, приводило к власти случайных людей, всегда готовых отказаться от своего поста. Отрицательную роль играло и то, что при четном количестве членов (шесть, восемь, двенадцать) голоса часто делились поровну: работа исполнительного органа власти, и без того слишком непродолжительная в данном составе приоров, в этом случае оказывалась парализованной

Наконец, более чем очевидно, что, несмотря на все усилия по обеспечению стабильности и преемственности, внутренняя история Флоренции времен Данте была непрерывным поиском принципиально невозможного равновесия между соперничавшими группами и группировками, упорствовавшими в гибельной для всех борьбе и неспособными объединиться даже ради защиты города против внешних врагов. После изгнания Данте это отчетливо проявилось в альянсах гибеллинов-изгнанников с гибеллинскими городами, враждебными Флоренции. Сам Данте — свидетель этой вражды; с неуголимой ненавистью обрушивается на сограждан, повинных, по его мнению, в том, что не подчинились императору Генриху VII Люксембургу.

Все сказанное позволяет сделать вывод: у флорентийской демократии времен Данте, несмотря на ее несовершенства и недостатки, есть по меньшей мере одно достоинство — она представляет интересы наиболее динамичной части граждан республики — деловых людей, открытых внешнему миру, сознающих свою силу и ревниво оберегающих свою неза-

висимость, которая на протяжении нескольких поколений была основой величия и процветания Флоренции. Не в обиду Данте, упорствовавшему в своих мечтах об универсальной империи, обращенному лицом к прошлому, которое он пытался приукрасить воображаемыми достоинствами, будет сказано: реальные достоинства современной ему Флоренции им определенно не уступают.

Финансы

В области финансов Флоренция не является исключением из правила, согласно которому государству в редких случаях удастся поддерживать фискальную систему, в равной мере справедливую и эффективную. Флоренция времен Данте не придумала здесь ничего нового. В основных вопросах она сохраняет верность принципам, вдохновлявшим большинство коммун средневековой Италии. «Финансовая организация коммун представляет ту же схему стремительного развития. Их доходы уходили главным образом на покрытие двух видов затрат: экстраординарных, вызванных войнами, и выплату жалованья служащим; второй из них, менее значительный, менялся мало, хотя, очевидно, и была тенденция к росту по мере увеличения в городе бюрократического аппарата...»⁶

Фискальная система Флоренции опирается на прямые и косвенные налоги, а также займы. Ее отличия от современной фискальной системы значительны⁷.

Древнейший из прямых налогов, унаследованный от имперской фискальной системы, был введен во Флоренции в 1197 году и представлял собой налогообложение домохозяев пропорционально их доходам. Данный налог (*foderum* по-латыни, *fodro* по-итальянски) больно бил по беднейшим слоям населения, ложась на них тяжким бременем. По этой причине в 1317 году он был отменен. С того времени основным прямым налогом был сбор, получивший название *libra* или *allibramentum*. Он устанавли-

ливался по итогам оценки (*estimo* или *catastro*), проводившейся специальными чиновниками-оценщиками (*estimatori* или *allibratori*); его размер определялся как средний показатель трех проверок. На основании учета земельных владений и недвижимости в XIII веке взимался сравнительно небольшой налог (1—1,5%), к началу XIV века он вырос. Оценке подлежали не вся земельная собственность и недвижимое имущество; система налоговых льгот делала объектом оценки лишь незначительную часть имений (в среднем 2,5%). Тем не менее этот налог, считавшийся непомерно тяжелым, был в 1315 году отменен. Из-за всех этих перипетий доля прямых налогов в бюджете на протяжении XIV века неуклонно уменьшалась. По расчетам специалистов, в 1338 году она равнялась 33%, в период с 1369 по 1375 год — не более 20%⁸.

Главным источником доходов Республики были косвенные налоги, или акцизы (*gabelles*), и займы. В отношении их роли в системе налогообложения эпоха Данте была переходной. Ранее значение этих налогов было невелико, однако «с конца XIII века [...] их сеть стала захватывать все большую территорию, а их норма возрастать...»⁹. Их значение в будущем будет расти, но акцизы всюду применяются уже при Данте. Назовем лишь наиболее значительные. Как не без сарказма заметил Давидсон, за исключением воздуха и воды налогообложению подлежало все¹⁰: акцизы, взимавшиеся у городских ворот, в местах производства или продажи, включаются в цену продуктов питания; пшеница облагается пошлиной при провозе через городские ворота; мука облагается акцизом — дважды, взимают плату за помол и налог с продажи; с хлеба налог берут при продаже; облагаются налогом злаки; с вина акцизы взимаются на всех стадиях — от давальни до розничной продажи уличными разносчиками; растительное масло — у ворот; мясо — при проходе скота у городских ворот и на скотобойне. Влияние косвенных налогов на уровень цен оценить трудно. «На протяжении большого периода времени, в масштабе поколений и де-

сятiletий, доля косвенных налогов в городских ценах была мало заметна, по крайней мере, до 1330 года»¹¹. Кроме того, «взимание налогов не было регулярным, а их размер не оставался постоянным»¹². Если не принимать во внимание зерновые, для которых часто делалось исключение, доля акцизов в розничных ценах в середине XIV века составляла, по оценке Ш. де Ла Ронсьера, от 7 до 21%. Каким был этот процент в эпоху Данте? Мы не можем дать точный ответ, но, очевидно, доля акцизов была меньше, особенно на продукты питания первой необходимости (хлеб, растительное масло, вино, мясо и т.д.). Современники Данте имели другое мнение, налоги они платили весьма неохотно и делали все возможное, чтобы их избежать, несмотря на угрозу денежного штрафа и даже тюремного заключения, предусмотренного для злостных неплательщиков.

К акцизам на продовольствие, которые, как и другие налоги, взимались с продаж, добавлялась, если прибегнуть к выражению Ш. де Ла Ронсьера, целая «сеть» пошлин, предусмотренных для всех видов продовольственных товаров (соль и другие) и деятельности (мельницы, сукновальни и другие), включая и те, что мы называем фискальными или уголовными штрафами (запрещенные игры, воровство, нарушение предписания гасить огни в доме, ношение оружия, ссоры, нанесение ран, проституция), не говоря уже об уплате пошлин за размещение мастерских, прогон скота и проход людей через ворота и по мосту (на пригородной территории, «*contado*»). Существовали специальные налоги на празднующихся (*scioperati*) и на уклоняющихся от участия в военных операциях. Относительно общих поступлений от косвенных налогов у нас имеются данные из хроники Джованни Виллани за 1338 год: 300 тысяч золотых флоринов — внушительная сумма, делавшая, по мнению Виллани, Флоренцию намного богаче правителей Неаполитанского, Сицилийского или Арагонского королевств.

Однако этих доходов не хватало для покрытия экстраординарных расходов, вызывавшихся война-

ми, строительством или ремонтом мостов, дорожными работами, возведением зданий гражданского или религиозного назначения. Тогда прибегали к займам. От добровольных, но чаще — принудительных поборов освобождали только самых бедных граждан. Займы, теоретически подлежащие возмещению, возвращались редко. Займы собирались по сестерам, цехам или с «гвельфской партии» (об этом чуть дальше) и разверстывались среди граждан. Деньги, взимавшиеся под гарантии монополии на акциз с соли, иногда приносили неплохую прибыль (от 11 до 13% годовых), обычная норма составляла 5%. Начиная с 1324 (или 1325) года эта система была реформирована: займы, отныне всегда подлежащие возмещению, передали в специальный фонд, приносящий постоянный доход в размере 5% годовых. Однако во времена Данте займы (*prestanze*) собирались в принудительном порядке (Давидсон называет только один добровольный — в 1296 году!), были формой обложения частных богатств и компенсировали отсутствовавший в то время «налог на доходы физических лиц».

Эта фискальная система, обрисованная нами в самых общих чертах, была весьма несовершенна, однако Флоренция, равно как и другие государства средневековой Италии, не могла найти лучшего способа для покрытия перманентного финансового дефицита. И все же она не мешала успешному экономическому развитию. Парадокс объясняется тем, что тогдашнее государство, находящееся в эмбриональном состоянии, еще не берет на себя заботу о социальном обеспечении граждан (здравоохранение, образование, пенсии и др.); его армия комплектуется на основе народного ополчения (хотя, как увидим далее, роль наемного войска неуклонно возрастала); свободное предпринимательство является общим правилом, в условиях рыночной экономики «субъекты хозяйствования» не испытывают чрезмерного фискального гнета. Короче говоря, Флоренция времен Данте может позволить себе быть государством, испытывающим постоянный

финансовый дефицит, и городом, населенным богатыми гражданами: дефицит не служит препятствием для процветания. Очевидно, что данная фискальная система несправедлива. Флорентийцы XIV века приноравливались к ней с трудом. Когда мятеж 1378 года, знаменитое восстание чомпи, потрясет Республику, в его требованиях, среди прочего, будет и классическая критика налоговой системы. Но это уже другая история, к Флоренции времен Данте не относящаяся. А тогда система налогообложения при всем ее несовершенстве не казалась правящему классу ни слишком обременительной, ни чересчур несправедливой.

Правосудие

Судебная система Флоренции, в сущности, не отличающаяся от судебных систем других средневековых итальянских республик, имеет ряд примечательных особенностей:

дублирование полномочий на самом высоком уровне: компетенция и сфера деятельности подеста и капитана народа во многом совпадают, желаемым для законодателей результатом являются их взаимный контроль и сдерживание;

«классовое правосудие» практикуется совершенно беззастенчиво, вполне сознательно и с откровенным цинизмом: за одно и то же правонарушение гранды или магнаты подвергаются гораздо более тяжелому наказанию, нежели пополаны;

жестокость правосудия: признание вырывается под пытками, а телесные наказания отличаются неслыханной жестокостью (отрубают конечности, выкалывают глаза, отрезают язык);

действует принцип единого судьи, к тому же чужеземца, назначенного на очень короткий срок (выше сказано о подеста и капитане народа);

отсутствие специальной коллегии судебных защитников, адвокатов, функции которых исполняют судьи и нотариусы, также выходцы из других городов и занимающиеся данной деятельностью времен-

но (они составляют окружение подеста и капитана народа);

принцип коллективной ответственности: вся семья, весь клан расплачиваются (в прямом и переносном смысле) за обвиняемого своим имуществом, свободой, здоровьем и самой жизнью;

как и в политической жизни, исполнение полномочий отличается предельной непродолжительностью (судьи и нотариусы остаются в должности в течение сначала шести, а затем лишь трех месяцев), которая, очевидно, мотивировалась опасением продажности и пристрастности служителей правосудия, чем и объяснялся обычай приглашать судей и нотариусов из-за пределов Флоренции;

неукоснительное соблюдение права убежища, распространяющегося не только на церкви и монастыри, но и на дом обвиняемого, которого можно арестовать только на улице;

существование параллельной системы правосудия для представителей коммерции: специальный трибунал (*Mercanzia*), учрежденный в 1308 году для рассмотрения наиболее крупных дел, особенно за пределами города, а также трибуналы цехов и церковные суды по вопросам, относящимся к области канонического права;

церковная юстиция (*foro ecclesiastico*), которой, само собой разумеется, подлежат все служители Церкви, вторгается и в область светской юстиции, в частности в вопросы заключения брака. Зато во Флоренции времен Данте выходит из употребления знаменитый Божий суд, или ордалии (*pugna*, по выражению флорентийцев), хотя Данте остается его сторонником, подкрепляя свою позицию примером из истории: «Римский народ стяжал свою власть в борьбе, следовательно, обрел ее по праву» (Монархия, II, X).

Поражает количество людей, занятых в сфере правосудия: в 1291 году насчитывается 65 судей и 376 нотариусов, а в 1339 году уже 80 судей и 600 нотариусов — и это при численности населения около 100 тысяч человек! Этих людей побаивались, но вме-

сте с тем над ними насмеялись. Боккаччо рассказал историю о том, как трое молодых людей стянули штаны у судьи, родом из Марке, приглашенного во Флоренцию исполнять эту должность, как раз в то время, когда он сидел на своей судейской скамье, принимая клиентов (Декамерон, VIII, 5)! Удивляет и та роль, которую сыграли в литературном процессе служители закона, особенно нотариусы. Из числа наиболее известных назовем Брунетто Латини, учителя Данте, Лапо Джани, видного поэта и друга Данте, Франческо да Барберино, влиятельного моралиста. Впрочем, тут нет ничего удивительного: нотариус был человеком, получившим высшее образование, знавшим латынь, более или менее владевшим иностранными языками (особенно французским и провансальским), что в то время составляло необходимый культурный фундамент для занятий литературным трудом.

Общее впечатление, таким образом, неоднозначно. Прежде всего следует отметить подлинную страсть — если не к правосудию, то, по крайней мере, к процедуре; преднамеренное смещение политики и правосудия, не шокирующее никого, кроме их жертв, среди которых Данте. Это смещение проявляется, в частности, в 1302 году, когда черные гвельфы избавляются от побежденных белых гвельфов, которые, в свою очередь, никогда не простят победителям содеянного ими. Наконец, следует отметить устрашающий дух предвзятости, не ведающий ни жалости, ни простой снисходительности, не оставляющий ни малейшего шанса обвиняемому или, говоря точнее, побежденному, имеющий целью его физическое, политическое или экономическое устранение.

Отметим наиболее заметные особенности данной судебной системы. Прежде всего — пристрастность. Так, посягательства на собственность и личность карались конфискацией имущества или смертной казнью. Но можно было и откупиться, заплатив штраф и возместив убытки, наказанию подвергались лишь непосредственные исполнители преступления. Напротив, скандальная политическая пристрастность

больно была по гибеллинам, не подлежавшим амнистии, белым гвельфам, побежденным в 1301 году, и магнатам. Так, в родах Ламберти и Йости, обвиненных в приверженности делу гибеллинов, все мужчины в возрасте от 15 до 70 лет были приговорены к смерти! Кроме того, с принятием «Установлений справедливости» 1292—1293 годов магнатов и грандов могли обвинить в насилии против пополанов: например, в том случае, если сидящий на коне гранд наезжал на улице на пополана. Магнаты и гранды не могли возбуждать судебный процесс против пополанов, по крайней мере, если речь не шла о преступлении против личности или собственности.

Что касается пыток, то они, следует отметить, в то время применялись повсеместно. В правовом отношении признание, вырванное под пыткой, имело законную силу, если было сделано *после* применения пытки и являлось «самопроизвольным» — как не удивиться такому лицемерию! Было ли признание получено во время или после пытки, явилось «самопроизвольным» или вымученным — главное, что оно получено с применением пытки. Заметим, что речь идет о признании, а не доказательстве. Известно, что одной из слабостей (если не сказать больше) современной французской судебной системы как раз и является то значение, которое придается в ней признанию, тогда как в англосаксонской судебной системе силу имеет только доказательство, представленное к тому же обвинением. Имела ли пытка своей целью получение детальных показаний? Так должно было быть, если бы ее применяли из любви к истине, а не по склонности к ужасам. Наиболее распространенной пыткой была дыба (*colla* или *girella*): несчастного, к ногам и рукам которого привязывали мешки, набитые камнями, вздергивали на веревке, а затем резко опускали, подвергая риску лишиться рук и ног. Закон предусматривал пытку для лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления (убийство, разбой, поджог, чеканка фальшивой монеты, государственная измена); ее тем не менее применяли по простому подозрению, требованию народа (*vox populi*) или анонимному доно-

су. И сфера ее применения была весьма широка: от политического заговора до азартных игр.

Что же говорить о жестокости наказаний и их несоответствии содеянному. «Активный» гомосексуалист подлежал кастрации, своднику отсекали правую руку или ногу, налетчикам отрубали голову или вздергивали их на виселицу. Вору отрезали ухо, а в случае рецидива приговаривали к повешению; убийце отрубали голову; похитителя детей вешали; фальшивомонетчиков и поджигателей сжигали на костре или отрубали им правую руку; так же поступали со лжесвидетелями, если они не могли уплатить денежный штраф, превышавший размер причиненного ущерба. И эти жестокие наказания, вызывающие в нас ужас, применялись часто. В августе-сентябре 1303 года жители Флоренции стали свидетелями шести повешений, трех сожжений на костре и одного отсечения головы! Разумеется, казни совершались не в центре города, а на окраине, примерно там, где сейчас находится площадь Беккариа. И все же люди на улицах, среди которых было много детей (обожавших, если верить многочисленным свидетельствам, подобного рода зрелища), становились свидетелями истязаний, коим подвергались приговоренные на протяжении всего пути от тюрьмы Стинке: как правило, у них вырывали раскаленными щипцами куски мяса... Чтобы закончить описание этих ужасов, несколько слов о казни, предусмотренной для совершивших убийство с особой жестокостью, для наемных убийц и предателей. Это была так называемая *propaggine* («насаждение»): рыли яму, в которую опускали приговоренного головой вниз, и начинали медленно засыпать яму землей, пока тот не задохнется. Данте в «Божественной комедии» обреч на эту казнь пап, запятнавших себя симонией:

Повсюду, и вдоль русла, и по скатам,
Я увидал неисчислимый ряд
Округлых скважин в камне сероватом.

Они совсем такие же на взгляд,
Как те, в моем прекрасном Сан-Джованни,
Где таинство крещения творят.

[...] Из каждой ямы грешник шевелил
Торчащими по голени ногами,
А туловищем в камень уходил.

(Ад, XIX, 13—24)

Не все наказания были столь ужасными. Встречались, однако, и менее жестокие. Такими были: привязывание воров к позорному столбу (*berlina* или *gogna*) на мосту Санта Тринита (во времена Данте, а позднее — на мосту Каррайя); публичное наказание кнутом; додумались и до столь необычного наказания, как помещение на фасад Дворца подеста или Дворца приоров позорных изображений предателей родины, банкротов, фальшивомонетчиков, а также осужденных за некоторые другие преступления.

В заключение пару слов о тюрьме Стинке, построенной в 1299 году, о санитарно-гигиенических условиях содержания в которой нетрудно догадаться: попасть в нее было равносильно прощанию с миром. В ней оказывались среди прочих должники (побывал там хронист Джованни Виллани), а также молодые люди, отправленные туда на некоторое время собственными родителями, чтобы «поучиться жизни» — среди воров, неверных жен (позднее, но в XIV же веке, для женщин создадут специальную тюрьму) и проституток.

Как бы ни шокировала эта жестокость, уместно вспомнить, что Данте, певец утонченной любви, с наслаждением придумывает казни более отвратительные, чем те, свидетелем которых ему довелось стать в родном городе. В неутолимом желании карать он расширяет перечень страданий. Приведем лишь один пример: похитителей священных предметов во Флоренции приговаривали к повешению. В «Божественной комедии» читаем:

Скрутив им руки за спиной, бока
Хвостом и головой пронзали змеи,
Чтоб спереди связать концы клубка.

(Ад, XXIV, 94 и след.)

Когда одна из змей жалила обреченного на муки, он вспыхивал и сгорал, обращаясь в пепел, чтобы тут же восстать из праха и снова подвергнуться нескончаемой казни.

Флорентийцы, как и жители других городов Италии того времени, полагали, словно бы предвосхищая знаменитый афоризм Клемансо, что война — слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным. Именно поэтому армия во Флоренции формировалась как ополчение горожан. Так было еще в годы молодости Данте, но потом, с конца XIII века, все более важную роль в армии постепенно стали играть наемники, добившиеся в конце концов господствующего положения. Эти изменения произошли не только по причине ослабления, как можно было бы подумать, патриотических чувств и усиления эгоизма правящего класса, предпочитавшего блага торговли опасностям ведения войны. Сыграли роль и соображения стратегического и тактического порядка.

«Городское ополчение, наспех собранное по сигналу колокола, с трудом могло противостоять в сражении хорошо обученным, тренированным профессиональным бойцам; оно было достаточно подготовлено для атаки, но мало способно к обороне и военным маневрам. Арбалет, военные и осадные машины требовали навыков в обращении с ними, а само ведение военных действий предполагало более тщательную подготовку, чем могли обеспечить горожанам воскресные упражнения на городских площадях»¹³.

Во времена Данте война, однако, остается делом всех граждан города-государства. Масштабы войны ограничены малыми размерами территории средневековой республики, которую можно проехать верхом на коне из конца в конец за короткое время

В средневековых городах, замкнутых внутри крепостных стен, патриотизм — конкретная реальность, ощущаемая почти физически. Именно поэтому оборона города поручена его гражданам — мужчинам, способным носить оружие; факт болезни или телесной немощи удостоверяется надлежащим образом врачом под бдительным контролем соседей. Кроме того, продолжительность военной службы (с пятнадцати до семидесяти лет), практически совпа-

дающая с продолжительностью активной жизни человека, показывает, что коллективное сознание воспринимает оборону города как постоянную обязанность, от исполнения которой освобождены только женщины, дети и старики.

Другое важное отличие заключается в возложенной на граждан обязанности обеспечивать свою экипировку: боевого коня и вьючную лошадь — для служивших в коннице (*societates militum*), оборонительное и наступательное оружие — для пехотинцев. Еще одно отличие: граждане-солдаты не получают компенсации за военные издержки и даже питаются порой за собственные деньги (выступают в поход с собственной провизией). Зато официально признанной компенсацией является право на разграбление: случается, прерывают сражение, чтобы заняться грабежом. Регулярное вознаграждение получают (получают ли?) только наемники. Есть, правда, два исключения: потеря коня дает право на возмещение ущерба; получают денежное содержание рыцари.

В течение длительного времени наглядным символом коммунального патриотизма служит боевая знаменная телега (*carroccio*). Предоставим слово хронисту Джованни Виллани:

«Карроччо, которую коммуна и народ Флоренции вели в бой, представляла собой телегу о четырех колесах, выкрашенную в красный цвет, на которой были установлены два высоких флагштока для крепления большого военного штандарта коммуны, наполовину белого и наполовину красного; эту карроччо, какую и сейчас еще можно видеть у Сан-Джованни, тащила пара быков, накрытых красным драпом, которые более не использовались ни для каких других работ и содержались в госпитале Пинти; их погонщик в виде вознаграждения освобождался от налогов. Эта карроччо служила нашим предкам знаком триумфа и достоинства, и когда отправлялись на войну, соседние графы и рыцари выкатывали ее из Опера ди Сан Джованни и доставляли на Новый Рынок, где ставили ее посреди площади у существующей и поныне каменной тумбы, высеченной в форме

карроччо, препоручая ее народу, который и вел ее на поле брани, где для ее охраны выделялись самые лучшие, наиболее сильные и доблестные граждане из числа городской пехоты. Вокруг карроччо сплачивались все вооруженные силы народа»¹⁴.

Добавим несколько деталей, опущенных нашим автором. На одном из упомянутых им флагштоков крепилось знамя коммун (белый шелк с красными лилиями), а на другом — знамя народа (белый шелк с алым крестом). На карроччо устанавливались также фигуры четырех ангелов и львов — символы Мардзокко (о чем далее еще пойдет речь). Как правило, охрана карроччо была готова скорее умереть за нее, нежели допустить, чтобы святыня попала в руки врага; это считалось наибольшим унижением. Так случилось в 1260 году, когда в битве при Монтаперти флорентийцы потерпели сокрушительное поражение от граждан Сиены, захвативших их карроччо и хранивших ее как бесценный трофей.

Придерживались традиционных форм ведения войны. В них было немало примечательного. Прежде всего, отсутствует какое-либо вероломство. Нет внезапных нападений: решение о начале войны принимают верховные органы власти Республики, о чем, после консультаций с официальными астрологами, объявляют, по крайней мере, за месяц. Проводят мобилизацию граждан по сестерам, формируют отряды по двадцать пять человек, которые, в свою очередь, группируются вокруг знамени сестеры. Половина подразделений оставалась охранять ворота города, другой оказывалась честь вступить в бой в открытом поле; на подмогу прибывали отряды из контадо, организованные на тот же манер. Этот месячный срок предварительного уведомления был необходим для военной подготовки, организации тыла и снабжения, переговоров с союзниками Флоренции (гвельфскими группировками, пользовавшимися поддержкой правителя Неаполитанского королевства, в Лукке, Сиене, Вольтерре, Прато, Сан-Джиминьяно. Данте в мае 1300 года был отправлен с миссией в Сан-Джиминьяно, дабы укрепить этот альянс).

Когда армия, как полагали, достигала боеготовности, феодальный ритуал требовал, чтобы противнику была брошена перчатка. Речь идет о перчатке, которую главнокомандующий атакующей армии посылал противнику перед началом кампании, непосредственно на поле боя или даже прямо перед атакой.

Все эти церемонии могут создать впечатление какой-то игры. Это мнение совершенно ошибочно. Оно справедливо в отношении кондотьеров эпохи Возрождения, более заинтересованных в сохранении своих людей, нежели в рукопашной схватке. Во времена же Данте в сражение вступали со всей решимостью и, в полном соответствии с менталитетом эпохи, без малейшей пощады побежденному, которого жестоко преследовали и убивали. Данте с полным правом вспоминает о кровавом сражении 1260 года при Монтаперти, когда гибеллины, изгнанные из Флоренции, под предводительством Фарината дельи Уберти и в союзе с гражданами Сиены никому не давали пощады и речка Арбиа окрасилась кровью флорентийского воинства:

[...] В память истребления,
Окрасившего Арбию в багрец...

(Ад, X, 85—86)

Данте вспоминает и реванш, взятый флорентийцами в сражении 11 июня 1289 года на Кампальдино, где он сам принимал участие в качестве всадника первой линии, имевшей целью прорвать фронт противника. По его собственному признанию, он испытал (никогда еще не доводилось ему участвовать в столь крупном сражении) вполне оправданный страх в первые мгновения этой кровавой баталии, принесшей флорентийцам победу над аретинцами. Тогда со стороны гибеллинов (жителей Ареццо и их союзников), армия которых насчитывала восемь тысяч пехотинцев и восемьсот всадников, погибли 1700 человек и 2 тысячи человек были взяты в плен.

Дважды в своем творчестве Данте вернется к этому кровавому дню:

Я конных ратей видывал движенья,
В час грозных сеч, в походах, на смотрах,
А то и в бегстве, в поисках спасенья;

Я видывал наезды, вам на страх,
О аретинцы, видел натиск бранный...

(Ад, XXII, 1—5)

В «Чистилище» (V, 91—99) он вкладывает в уста одного из предводителей побежденных гибеллинов, Буонконте да Монтефельтро, воспоминание о его печальной кончине вдали от поля битвы, в которой тот получил смертельную рану в горло.

В крупных сражениях участвовало много людей, включая цвет знати и пополанских верхов. Людские потери бывали столь велики, что обескровленный город не мог в течение длительного времени позволить себе ответную битву. Так, кровавые сражения близ Монтаперти и на Кампальдино отстоят друг от друга на двадцать девять лет. Позднее в боевых столкновениях наемников будут участвовать лишь по несколько сотен человек, не склонных к тому же истреблять друг друга.

Судьба пленников весьма незавидна. Редко случалось, что их освобождали по случаю какого-либо большого праздника. Брошенные в темницу, лишённые нормального питания, больные туберкулезом (святой Франциск Ассизский перенес его в молодые годы) пленники (их не защищала никакая конвенция) становились товаром. Они связывали надежду на освобождение только с выкупом, который платила их семья, корпорация или братство, если только они не становились объектом обмена. Горе бедным и одиноким! Им приходилось томиться в плеиу до конца их дней. Практика выкупов распространена повсеместно. Кто не имеет возможности заплатить выкуп, тот пытается выпутаться из трудного положения, заключив контракт о долге чести, заложив собственные имения или договорившись отработать долг после освобождения. Случается, что пленник становится собственностью победителя: коммуна уступает его, заключая в надлежащей форме акт купли-продажи. К чести флорентийцев следует отметить,

что они не позволяли себе жестокого обращения с пленниками. Давидсон рассказывает, как жители Кремоны обходились в 1250 году со своими пленниками: они связывали им руки и ноги, вырывали зубы и подвергали их всевозможным мучениям¹⁵.

В остальном армия Флоренции не отличается от армий других итальянских городов-государств. Она имеет своих героев, «старых вояк», наемников-мародеров, жестоких и лишенных понятия о чести, свои походные полевые бордели с когортами проституток и сутенеров, своих «отверженных», предназначенных для выполнения черной работы (казни, погребения и др.). У нее есть боевые орудия (большие и малые балестры, арбалеты), греческий огонь, бомбарды, саперы, инженерные войска (с заранее подготовленными мостами!), специалисты по совершению диверсионных актов, исполняющие печальную обязанность разрушать и опустошать, реализуя тактику выжженной земли. Она мстительна, импульсивна, более пригодна для нападения, нежели для обороны, легко поддается панике, обращается в бегство при кавалерийских атаках противника, столь же безжалостна к побежденным, сколь и хвастлива, когда задирает противника.

Однако эта армия, как уже упоминалось, претерпевает большие перемены. Из ополчения граждан-солдат, считавшегося славой и честью коммун, она, начиная с эпохи Данте, превращается в наемную армию. В 1302 году на 6750 пехотинцев-ополченцев приходилась уже тысяча наемников. Эту эволюцию, завершившуюся в эпоху Ренессанса формированием наемных войск (*condotte*) во главе с кондотьерами (*condottieri*), Макиавелли объявит главной причиной упадка Италии его времени, ее неспособности выдержать натиск «варваров» в конце XV века. Даже если его мнение слишком категорично, нельзя не согласиться с тем, что именно сплоченность, боевитость и патриотизм городского ополчения могли противостоять вторжениям чужеземцев. Однако во времена Данте новая угроза еще не проявляет себя с достаточной степенью очевидности, и поэт, при

всей его склонности к бичеванию современников, среди причин зла, терзавшего, как он считал, его родной город, никогда не упоминал вред, причиненный ему отрядами наемников.

Последняя характерная черта этой коммунальной армии: ее патриотизм — это патриотизм граждан города-государства, когда все соседи являются потенциальными врагами, даже если кто-то из них в данный момент и числится союзником. Национальная идея этой армии, играющей роль шпаги при торговцах и банкирах, правящих городом, неведома. Примечательно, что состоящие в ее рядах миряне, готовые защищать свои интересы, рынки и монополии, в то же время остаются искренне верующими людьми: флорентийская армия выступает в поход во имя Девы Марии и святого Иоанна Крестителя, идет в бой под пение церковных гимнов и в сопровождении духовенства. Увы, этот муниципальный патриотизм зачастую не выходит за рамки патриотизма партии, группировки, клана, которые роют сами себе могилу; это довелось сполна познать Данте в период его горестного изгнания.

Если защита политических и экономических интересов города-государства является естественной обязанностью армии (в конечном счете, она с честью справляется с ней, несмотря на неизбежные неудачи), то охрана общественного порядка и безопасности граждан внутри городских стен доверена различным подразделениям полиции.

Помимо полиции, подчинявшейся подеста и капитану народа (выше уже была рассмотрена природа этих параллельных органов власти), существовали так называемые полицейские стражники (*bargellini*) во главе с капитаном полицейской стражи (*bargello*), специальной обязанностью которых являлось обеспечение безопасности и розыск преступников. Особым подразделением была «ночная стража» численностью до шестисот человек, обеспечивавшая охрану городских ворот. Кроме того, цех Калимала содержал частную охрану своих производственных и складских помещений. Наконец, су-

ществовали своего рода «надзиратели», обеспечивавшие днем порядок на улицах и рынках и следившие за чистотой в городе, не допускавшие его загрязнения (неприятными запахами, грязными сточными водами, а также бродячими животными), пресекавшие незаконные азартные игры и посягательства на места отправления религиозного культа.

Наиболее примечательная особенность городской полиции — коллективное участие в ее деятельности, по сестерам и приходам, взрослого мужского населения от пятнадцати до семидесяти лет. Девятнадцать народных отрядов, в которые не допускаются гранды, гибеллины и самые бедные горожане, собираются под своими знаменами, цвет и гербы которых красноречивее слов (зеленый дракон на красном поле; черный лев на белом фоне; желтый лев на голубом фоне; красные ключи на желтом поле). Отрядами командуют гонфалоньеры («знаменосцы»), избранные приорами и «добрými людьми». Они собираются в любое время дня и ночи, чтобы прийти на зов о помощи, помочь пополану, которому угрожает гранд, или чтобы подавить в зародыше попытку мятежа, предпринятую аристократией или какой-нибудь группировкой. Это своего рода народная милиция, предвосхитившая собственным появлением милицию в современных народных демократиях, имеющую такой же классовый характер и ту же цель: защиту демократии от попыток реакционного путча. За мятеж или даже простой призыв к нему предусмотрены весьма суровые наказания (вырывание языка, повешение, обезглавливание); народные отряды служили оплотом крупного бюргерства против всех его врагов.

Коллективное участие требовалось и для борьбы с другим бедствием — пожаром, постоянной угрозой в городе с очень плотной застройкой, где еще много сооружений из дерева. Эта угроза усугубляется политическими страстями: так, в июне 1304 года пожар, устроенный черными гвельфами, уничтожил 1700 домов. Именно поэтому пожарные команды (по 100

человек в каждой семье) могут рассчитывать на помощь всего дееспособного населения, сбегающего по сигналу колокола. Чтобы остановить распространение огня, приходится в буквальном смысле слова приносить ему жертвы: в качестве превентивной меры разрушают дома, которым непосредственно угрожает пламя.

Глава третья

Общественные классы

Население

Исключительно благоприятная конъюнктура, сложившаяся по причине «экономического бума, роста численности населения и расширения территории города»¹, сделала Флоренцию времен Данте одним из важнейших центров всего средневекового Запада, а интересующий нас период — одним из наиболее удачных в ее демографической истории.

В течение долгого времени Флоренция отставала от своих соседей и соперников, особенно от Пизы, являвшейся в XII — начале XIII века самым крупным по численности населения и наиболее процветающим городом Тосканы. Однако Флоренция преодолела отставание за несколько десятилетий. По данным некоторых исследователей, имея в конце XII века 15-тысячное население, она в начале XIII века достигла примерно 50 тысяч жителей (цифра, представляющаяся многим историкам завышенной), а около 1260 года — 75 тысяч, в 1280 году — 85 тысяч и, наконец, в начале XIV века — 100 тысяч человек. Тем самым она опередила все тосканские города (Сиена в 1328 году насчитывала 50 тысяч жителей, Пиза в 1293-м — 38 тысяч, Лукка — 23 тысячи, Прато — 20 тысяч человек). Она встала в ряд наиболее населенных городов Северной Италии (Милан — 65 тысяч жителей, Генуя — 60 тысяч, Флоренцию опережала лишь Венеция с более чем 100 тысячами жителей).

Рост численности населения обеспечивается за счет притока переселенцев из сельской округи, контадо. Прибывает не только неквалифицированный пролетариат, но немало ремесленников, торговцев и даже «интеллектуалов» (в частности, нотариусы)². Этот приток свежей «крови» сильно не нравился Данте. С каким презрением говорит он об этом! В «Аду» он обличает родной город:

Ты предалась беспутству и гордыне,
Пришельцев и наживу обласкав,
Флоренция, тоскующая ныне!

(Ад, XVI, 73—75)

В том же смысле он высказывается и в «Рае», не убоявшись вложить в уста своего предка Каччагвиды слова, отдающие, если называть вещи своими именами, ксенофобией:

Но кровь, чей цвет от примеси Феггине,
И Кампи, и Чертальдо помутнел,
Была чиста в любом простолюдине.

О, лучше бы ваш город их имел
Соседями и приходился рядом
С Галуццо и Треспьяно ваш предел,

Чем чтобы с вами жил пропахший смрадом
Мужик из Агульоне иль иной
Синьезец, взятку стерегущий взглядом!

(Рай, XVI, 49—57)

А что же обитатели Кампи, Чертальдо, Фильине (Феггине), Агульоне и Синьи — простили они эти обидные, отнюдь не возвеличивающие их слова?

Демографический рост Флоренции отчасти объясняется обилием жизненных сил ее обитателей, чему благоприятствуют «отсутствие эпидемий» и «общее улучшение условий жизни в городе»³. Чтобы лучше понять этот феномен, следует прежде всего учесть плодovitость флорентиек той эпохи. К сожалению, лучшие специалисты признаются, что не могут сказать по этому вопросу ничего определенного, благоразумно предполагая в качестве максимального показателя 45%⁴. Однако женская пло-

довитость корректируется чудовищной детской смертностью, особенно во времена голода, эпидемий и войн, которые, увы, случались очень часто — правда, Флоренция эпохи Данте по счастливой случайности убереглась от них. Вот почему демографический рост замедлился лишь в первые десятилетия XIV века. По той же причине один из лучших знатоков Флоренции XIV века без колебаний доводит численность ее населения в 1300 году до 110 тысяч человек⁵, что делает ее одним из самых многонаселенных городов не только Тосканы, но и всей Италии того времени. Даже если последняя цифра кому-то (но не нам, с учетом некоторых допустимых поправок принимающим ее) кажется завышенной, она тем не менее должна быть достаточно высокой для того, чтобы оправдать слова Данте, называвшего Флоренцию большим городом (*gran villa*) и утверждавшего, что численность ее населения со времен его прадеда Каччагвиды увеличилась в пять раз (Рай, XVI, 48), что не мешало поэту, как мы видели, возмущаться — и в каких выражениях — наплывом новых граждан.

Аристократия

Были ли во Флоренции времен Данте, в период ее наибольшего демографического роста, социальные классы разграничены более четко, чем при его прадеде Каччагвиде? Если верить поэту, Флоренция во времена его прадеда отличалась исключительной этнической однородностью, богачи, столь же нетребовательные, как и бедняки, жили в полной гармонии со своими слугами (Рай, XV, 97 и след.). Он прославляет эту общность нравов и чувств:

Такой прекрасный, мирный быт граждан,
В гражданственном живущих единенье,
Такой приют отрадный был мне дан.

(Рай, XV, 130—132)

Что можно сказать об этом «прекрасном мирном быте», «гражданственном единении», изображенном

неисправимым хвалителем былых времен (*laudator temporis acti*), каким был Данте? Ответ прост. Вся история Флоренции опровергает такое видение поэта, доказывая обратное: это было общество, полное контрастов, соответствующее классической схеме (те, кто молится, те, кто сражается, те, кто трудится), уходящей в глубь веков и применимой ко всему периоду западного Средневековья.

Историческая правда текста Данте проявляется лишь в детальном воссоздании аристократии — древней и новой. Каччагвида представляет нам почти исчерпывающий перечень знатных фамилий своего времени (середина XII века): те, которые канули в небытие (Уги, Кателлини, Филиппи, Гречи, Орманни, Альберики), которые занимали главенствующее положение (Саннелла, Арка, Сольданьери, Ардинги, Бостики, Равиньяни, Галли, Кьярамонти, Донати, Уберти, Ламберти, Висдомини, Тосинги, делла Преза, Галигаи, Пильи, Саккетти, Джуокки, Фифанти, Баруччи) и которые только начинали свое восхождение (Адимари, Капонзакки, Джуди, Инфангати и все потомки маркиза Уго, в том числе Джано делла Белла, инициатор принятия «Установлений справедливости»). Короче говоря, перед нами проходят все персонажи справочника «Кто есть кто» той эпохи.

В главном Данте прав. Флоренция его времени видела, как приходит в упадок старая землевладельческая аристократия и возвышается пополанство, занятое торговлей и производством. Поворотным моментом в ходе этой эволюции был 1293 год, принятие «Установлений справедливости». Тогда завершилась целая эпоха — история сельской землевладельческой аристократии, роль которой заметно уменьшилась еще в середине XIII века, когда во Флоренции приняли постановления, традиционно именуемые «Первой народной конституцией». Однако смертельный удар по ней нанес Джано делла Белла своими «Установлениями справедливости». Данте не выказывает ни малейшей симпатии ни к «Установлениям», ни к их инициатору, которого порицает за связь с народом и считает предателем (род делла Белла при-

надлежал к старинной аристократии; Рай, XVI, 131—132). После принятия «Установлений справедливости» аристократия практически была лишена своих традиционных привилегий. Отныне гранды не только не подлежали суду равных, но и в силу самой принадлежности к грандам (или магнатам) к ним применялись более тяжелые наказания, чем те, что были предусмотрены за такое же правонарушение для пополанов (горожан). Что касается политической власти, то аристократия полностью лишилась ее: принадлежность к одной из ремесленных корпораций становится обязательным условием для участия в делах государства (правда, чтобы выполнить это условие, достаточно было формально вступить в цех). Именно поэтому Данте записался в цех врачей и аптекарей, хотя он не был ни тем, ни другим. Еще более чувствительным для родовой аристократии было лишение ее наиболее древней, исконной привилегии — военной власти, основы ее господства над обеспеченными горожанами и простым народом. Когда-то знать объединялась в «военные сообщества» (*societates militum*) и в «сообщества башен» (*societates turrium*), включавшие в себя представителей одного и того же семейного клана (или консортерии). Они имели возможность устанавливать свои порядки в городе, сводить друг с другом счета в ходе настоящих уличных боев или нападая на конкретных людей (самый известный пример, о котором уже говорилось, — убийство в 1215 году юного Буондельмонте да Буондельмонти). Правда, консортерии продолжали существовать. Они объединяли членов одного и того же феодального семейства на основе совместного землевладения. Перенесенные внутрь города, они состояли из тех, кто, связанный друг с другом узами кровного родства или брачного альянса, выражал это родство или союз в материальной форме, возводя дома-башни (*case-torri*), и спланировал одних против других. До принятия в 1250 году закона, ограничившего высоту домов-башен 29 метрами, эти сооружения возвышались порой на 75 метров! Хотя закон лишил дома-башни существенной доли

их значения как оборонительных объектов, он не подорвал сплоченности консортерии как семейной группы. Неписаная, но нерушимая древняя заповедь солидарности была даже узаконена: «Установления справедливости» вменили консортерии в обязанность коллективную ответственность за совершенные ее членами правонарушения.

Сколько же было этих аристократов, могущественных, но поставленных под контроль городской коммуны? В 1338 году насчитывалось, по данным хроники Джованни Виллани, около 1500 глав семейств, что дает, вместе с женами и детьми, от пяти до шести тысяч человек, при общей численности населения города 100 тысяч человек. Среди самых древних консортерий, названных Данте (Рай, XVI, 46 и след.), две наиболее могущественные состояли из десятков и даже сотен человек, учитывая, как обычно для той эпохи, слуг, дальних родственников и свойственников. Так, Висдомини в 1323 году представляли собой консортерию из тридцати пяти семей, а Тосинги — из тридцати девяти. Относящийся к тому же году официальный документ о консортерии Висдомини находит в ее составе 94 представителя мужского пола и отмечает наличие у нее значительной собственности.

Знать, сколь бы многочисленна и состоятельна она ни была, утратила политическое значение, но еще долго не оставляла надежды на реванш. В 1301 году судьба дала ей шанс — Корсо Донати. Типичный представитель родовой аристократии, необузданный, воинственный, властный и самоуверенный, Корсо не смирился с политическим унижением, которым для него и людей его круга были «Установления справедливости». Кроме всего прочего, он был не намерен безропотно терпеть то, что в республике торгашей ни в грош не ставили немалые услуги, оказанные им и другими аристократами на полях сражений, где решалась судьба Флоренции (особенно в 1289 году на Кампальдино, где он сыграл решающую роль).

Ввязавшись в кровавые распри между белыми и черными гвельфами, он после поражения черных

гвельфов в 1300 году оказался среди изгнанных из Флоренции. Данте занимал тогда должность приора. Позднее, в ноябре 1301 года, когда помощь папы Бонифация VIII и французского принца Карла Валуа позволила его группировке прийти к власти, Корсо возглавил черных гвельфов и в течение недели осуществлял террор против белых гвельфов. Но этот жестокий и мстительный человек столкнулся с еще более жестокими и мстительными людьми, чем он сам. Начались преследования, длившиеся годами, но в 1308 году наступила развязка. Гонения со стороны его бывших союзников, ставших врагами, вынудили его спасаться бегством. Не сумев уйти от погони, не в силах снести унижение и не дожидаясь жестоких пыток, он бросился с лошади, чтобы умереть. О трагической судьбе Корсо Донати поведал Данте, живописно изобразив, как волочилось по земле привязанное к хвосту лошади тело (Чистилище, XXIV, 82—87).

Из всех привилегий родовой знати («дворянства шпаги») не осталось ни одной, которая не лишилась бы прежнего блеска — все прерогативы перешли в руки буржуазии. Что стало, например, с древней привилегией посвящения в рыцари, о которой с нескрываемой гордостью вспоминал Каччагвида, прадед Данте, рассказывая, что рыцарское достоинство было пожаловано ему самим императором Конрадом III во время Второго крестового похода (1146—1148) (Рай, XV, 139—141). Во времена Данте эта некогда исключительная привилегия родовой знати становится достоянием нуворишей, представителей торговой буржуазии. Позднее войдет в обычай жаловать ее каждому, кого разбирала охота носить титул *dominus*, мантию, отороченную беличьим мехом, золотые шпоры, шпагу с серебряным эфесом и пользоваться правом быть изображенным верхом на коне в церкви, где этот самый *dominus* обретал вечное упокоение.

Хотя, ради некоего уважения к иерархии, различали четыре разновидности рыцарей (рыцари из знати имели некоторое предпочтение перед рыцарями

коммуны), Республика в конце концов дошла до того, что титул покупался шутами и жонглерами. Государство торговцев и банкиров столь бережно хранило ностальгические воспоминания о феодальных порядках, что в 1378 году, в самый разгар восстания чомпи, флорентийского пролетариата⁶, на площади перед Дворцом синьории состоялось коллективное посвящение более шестидесяти человек в рыцари коммуны⁷, среди которых были поденные рабочие и мелкие ремесленники.

«В ходе этой эволюции рыцарство итальянских коммун лишилось всех изначально присущих ему свойств; оно потеряло свое юридическое и моральное значение, лишилось своего аристократического и военного характера»⁸. Не за горами время, когда новоявленные рыцари станут предметом насмешек, как, например, в «Декамероне» Боккаччо или, в еще большей мере, в «Трехстах новеллах» Франко Саккетти (конец XIV века). Данте, заставший деградацию рыцарства, вспоминал героев классической античности (Парис, Ахилл) или рыцарских романов (Тристан), но имел в виду «дам и кавалеров былых времен» (Ад, V, 71).

Буржуазия

К тому времени, как Данте появился на свет, Флоренция уже лет пятнадцать находится под властью предпринимательских слоев пополанства. Несмотря на некоторые задержки, его неодолимое возвышение все ускоряется, и Данте довелось стать свидетелем глубоких социальных и политических перемен. Над этими переменами он будет размышлять в изгнании, огорчаясь и осуждая их как зло в трактате о власти («Монархия») и в «Божественной комедии», где, наряду с прочими, бичует выскочек и высмеивает их идеалы:

Ты предалась беспутству и гордыне,
Пришельцев и наживу обласкав,
Флоренция, тоскующая ныне!

(Ад, XVI, 73—75)

Еще при жизни Данте к власти во Флоренции пришли несколько видных семейств нового правящего класса: Альберти, Аччайюоли, Альбицци, Альтовити, Черретани, Перуцци, Питти, Строцци, которые позднее заняли место на социальных верхах⁹. О численности новой верхушки можно лишь строить предположения. Примем гипотезу специалиста: «Семьи, занимавшиеся крупной коммерцией в рамках первого из старших цехов (Калимала), насчитывали в своем составе по меньшей мере 2500 человек. Если предположить, что шесть остальных старших цехов, менее значительных, все вместе включали в себя не больше, то получается около пяти тысяч человек, то есть 5% населения Флоренции, разделявших в 1300 году буржуазную этику»¹⁰. Этот показатель возрастал, и, если верить хронисту XIV века, в 1343 году пополанов, пользовавшихся политическими правами, насчитывалось 20 тысяч человек (против примерно тысячи представителей родовой знати), более одной пятой населения города.

Само собой разумеется, что деловое бюргерство не было однородным. Следует различать, как поступали его современники, бюргерство крупное (*popolo grasso*) и мелкое (*popolo minuto*). Но, в отличие от Венеции, где олигархия замкнулась в себе, для Флоренции были характерны социальная мобильность и открытость этого слоя. Благодаря постоянному движению снизу вверх, заключению браков с представителями родовой знати, буржуазия интегрировалась в состав аристократии (параллельно, как мы видели, обуржуазивалось рыцарство). Бюргеры старались подражать аристократическим манерам, образу жизни знатных людей, одеваясь, как они, и возводя такие же, как у них, дома (в городе и деревне — в контадо, где деловые люди становились крупными землевладельцами) и даже перенимая их культурные запросы (вкус к любовной и лирической поэзии, пришедшей из Прованса и Франции), чисто феодальные обычаи (поединки, турниры, любовные ухаживания) и титулы (мессир, сеньор: *messere, dominus*).

Среди зажиточного пополанства можно заметить различия, не являвшиеся по своей природе экономическими. Так, самым престижным считается цех судей и нотариусов, что не может быть объяснено ни его богатством, ни многочисленностью состава (в 1338 году было 80 судей и 600 нотариусов) — убедительное доказательство того, что в республике торговцев критерии успеха не являются исключительно материальными, что культура, дипломы, образованность ценятся так же высоко, как и доходы от торговли и промышленности.

Деловая верхушка представляет собой не только городских жителей. Среди судей немало таких землевладельцев, как персонаж «Декамерона» Боккаччо, который не слишком часто «возделывал» «маленькое поле» своей жены... (Декамерон, II, 10). И среди ремесленников часто встречаются земельные собственники. Город и деревня взаимопроницаемы, это одна из наиболее характерных черт Флоренции времен Данте, который, как мы помним, презирал «деревенщину», заплонившую его родной город в поисках богатства и славы.

При всей неизбежной неоднородности, непримиримых антагонизмах, достоинствах и недостатках флорентийская буржуазия была существенным элементом экономической, политической и культурной истории Флоренции и, частично, всей Италии. Именно осознававшая свою силу буржуазия придала Флоренции ее монументальный облик. Именно ее усилиями были возведены: новый кафедральный собор, один из наиболее крупных и красивых в Западной Европе; Дворец приоров, построенный ради увековечения могущества и славы правительства Флорентийской республики; Ор Сан-Микеле и Лоджиа ди Ланци, равно как и множество других сооружений, уже упоминавшихся нами. Однако пополанство не довольствуется расширением и украшением своего города — оно мечтает о признании и восхищении со стороны чужаков, приезжающих во Флоренцию, как уверяет хронист Дино Компаньи, современник Данте, «не по надобности, но

ради доброго мастерства [флорентийцев] и красоты города» (Хроника, I, 1).

Результатом этих социальных, экономических, политических и культурных перемен стало то, что «в конце XIII века уже отчетливо ощущались происшедшие сдвиги и наступление новых времен: поколение Данте видело глубокую пропасть (духовную, культурную, экономическую, градостроительную), отделявшую его от поколения отцов»¹¹. Большинство современников Данте радовались этим переменам, но только не Данте, усматривавший в них причину морального упадка родного города. Перемены затрагивают и главные особенности нового городского стиля: крупные сооружения, общественные и частные, широкие площади, придававшие дополнительную ценность зданиям, перед которыми они простирались, прямые мощеные улицы, ночное освещение, канализационная сеть, первые набережные вдоль реки Арно. Здесь видны забота о гигиене и о «качестве жизни» (понятия которого еще не было) — забота, впервые в истории города проявленная правительством. В перемене вкусов большую роль играет муниципальный патриотизм (знаменитый «кампанилизм»), основанный на своего рода национальном соревновании, когда каждая региональная столица соперничает с соседями, желая перещегоолять их. Когда Флоренция решает возвести новый кафедральный собор, самый большой и самый красивый, она лишь реагирует на безумно амбициозное намерение Сиены построить собор невиданных прежде размеров, один трансепт которого был бы больше всего прежнего храма! Так что эти нувориши, эти выскочки, эти *gente nuova* (новые люди), над которыми потешался Данте, не хлебом единым живы: красота и слава родного города их занимает не меньше, чем собственное процветание и могущество. «Тогда как где-нибудь в другом месте город преобразался в силу одной только необходимости, здесь придавали значение эстетическому воспитанию масс, оказывавшему прямое интенсивное вли-

ание на градостроительство, городское управление, религиозную и частную жизнь»¹². Мы готовы подписаться под этим суждением специалиста с одной оговоркой: Флоренция и ее правящий класс не владеют монопольными правами на упомянутое эстетическое воспитание, широко распространенное в большинстве региональных столиц Италии того времени (в частности, в Пизе и Сиене, не говоря уже о бесподобной и неподражаемой Венеции, никому не уступавшей в этой области).

Сказанное позволяет лучше понять, сколь бессмысленна в историческом плане была позиция Данте и его единомышленников, не желавших видеть в своей эпохе ничего, кроме морального упадка, «смещения персон», утраты этнической идентичности, и грезивших о временах, совершенно мифических, когда Флоренция «жила мирно, скромно и нравственно» за своими старыми стенами. Именно *sùbiti guadagni* (шалыная нажива) *gente nuova* (новых людей) позволила Флоренции возвыситься, стать во главе столиц средневековых западных государств. И за это следует воздать должное ее деловым людям.

Народ

Где начинается народ? Каковы критерии, позволяющие определить его численность и экономическое значение, отличительные психологические признаки и «моральный профиль»? Для Флоренции времен Данте, если вычесть из общей численности ее населения (примерно 100 тысяч человек), пять-шесть тысяч представителей знати и примерно столько же буржуазии (весьма приблизительные оценки), то на долю народа придется около 90 тысяч человек. Эта цифра, разумеется, весьма условна, поскольку статистика в отношении бедняков в то время не велась. Так, Виллани, в большинстве случаев хорошо информированный автор, вообще воздерживается от употребления чисел применительно к мелким торговцам, предпочитая говорить о

«большом количестве» их; соответственно, было «неисчислимо количество» сапожников, «множество» каменщиков... Что касается наемных работников, то их количество приблизительно определяется числом хозяев и мастерских. Так, по его сведениям, существовало 200 мастерских цеха по переработке шерсти (Лана), дававших работу «более чем 30 тысячам человек» (почти треть всего населения города)! Когда он сообщает о двадцати товарных складах (*fondachi*) цеха Калимала, это ничего не говорит нам о численности наемных работников цеха, самого крупного после цеха Лана.

Таким образом, можно лишь догадываться о количестве наемных работников. Зато мы точно знаем об их политическом бесправии. Они исключены из политической системы, а наименее квалифицированные из них — даже и из цеховой системы. Лишенные права на создание коалиций и союзов, на оказание взаимной помощи, они всецело во власти стихии экономической конъюнктуры (кризис текстильного производства), климатических перепадов (недород), эпидемий и войн, которые провоцируют безработицу. Часть наемных работников входит в клиентелы могущественных семейств и благотворительных ассоциаций, управлявшихся пополамными-богачами. Что касается слоев, стоявших ниже наемных работников, то по этому вопросу наши сведения весьма скудны, хотя некоторые исследователи (в частности, Давидсон) считают, что низший класс был «весьма многочисленным и бедным». Именно он населял убогие лачуги предместий, руины патрицианских дворцов, разрушенных в результате гражданских войн или пожаров, трущобы, примыкавшие к фортификационным сооружениям, подземелья мастерских и лавок. Средняя продолжительность жизни именно его представителей не превышала тридцати лет. Именно это *gente tessanica* (трудовое население), это «мужичье», является излюбленным объектом насмешек в «Декамероне», пропитанном восхищением знатными дамами и благородными кавалерами. Именно этот

слой станет ударной силой восстания чомпи в 1378 году. Именно его проповедники и моралисты будут убаюкивать обещаниями воздаяния в загробной жизни, уготованного беднякам, с которыми Христос и о которых Он не забудет в день Страшного суда, ибо, как сказано, «богатому труднее войти в Царство Небесное, чем верблюду пролезть через игольное ушко».

И все-таки утверждение, что трудящийся класс Флоренции той эпохи всегда и во всем обречен на нищету, не отвечает истине. Крупное исследование, выполненное в последнее время¹³, подтвердило ранее высказывавшееся мнение, что в нормальный период зарработки определенных категорий трудящихся (строительных рабочих, садовников) были достаточными, чтобы избавить от нужды, а иногда гарантировать обеспеченную жизнь. Была ли ситуация во времена Данте такой? За немногими исключениями, конъюнктура складывалась именно так. Этот период, наполненный клановым антагонизмом и борьбой за власть, отмечен устойчивым социальным миром. Даже так называемый *popolo minuto* (тощий народ) — мелкие ремесленники и торговцы, прислуга, наемные работники — с радостью участвует в пышных городских празднествах, без брюзжания и злобы деля счастье и несчастье родины (весьма показательный факт: массового предательства на поле битвы не бывало). Случавшиеся проявления недовольства объясняются завистью мелких ремесленников к процветанию старших цехов. Большинство населения Флоренции едино в счастье и беде, сплочено вокруг своих правителей, идеалы которых оно разделяет.

Маргиналы: нищие, воры, сводники и проститутки, гомосексуалисты

Во Флоренции времен Данте маргиналы были весьма многочисленны, что естественно для столицы региона, центра притяжения людей. Больше всего было нищих — профессионалов и тех, кто обни-

шал по воле случая (хотя бедным оказывалась в организованном порядке помощь со стороны крупных корпораций и братств). Как бы то ни было, в периоды голода, войн и эпидемий количество нищих резко возрастало, доходило до нескольких тысяч. Общество проявляло к ним терпимость, широко распространенная раздача милостыни позволяла существовать профессиональным нищим, особенно инвалидам труда, войны или жестокого правосудия. Кроме того, богатые семейства считали выгодным оказывать покровительство собственной клиентуре из нищих, на поддержку которых можно было рассчитывать в случае вооруженного конфликта с враждебным кланом. Однако в массе своей нищие не имели политических пристрастий.

Весьма многочисленны и совсем не безопасны для общественного порядка были воровы. Своим делом они занимались на рынках и в общественных местах, где условия (теснота, многолюдность, а также особенности одежды, когда на поясе носили небольшой кожаный мешочек (*marsupio*), который легко было срезать) им благоприятствовали. Похоже, воров не страшили ни полиция, ни суды. Возможно, поэтому столь суровы были наказания: выкалывание одного глаза каленым железом; в случае рецидива — отрезание уха; на третий раз — повешение! Та же суровость и в отношении налетчиков: смерть через повешение или обезглавливание. Однако чаще всего ограничивались тюремным заключением. Совершившие же кражу с покушением на убийство редко избегали виселицы (в случае смерти жертвы), отсечения руки или ноги. Данте выразил, хотя и с некоторым преувеличением, общее настроение. В седьмом рву его «Ада» воров мучают змеи:

И я внутри увидел страшный ком
Змей, и так много разных было видно,
Что стынет кровь, чуть вспомяну о нем...

Скрутив им руки за спиной, бока
Хвостом и головой пронзали змеи,
Чтоб спереди связать концы клубка.

(Ад, XXIV, 82—84, 94—96)

Несчастные обращаются в пепел, чтобы тут же возродиться и вновь подвергаться вечной пытке. Все другие жители Флоренции превратились в монстров, полулюдей-полузмей, жалящих друг друга, переходящих из человеческого облика в змеиный. Данте недвусмысленно дает понять, что Флоренция кишит ворами.

С неменьшим презрением поэт относится к сводникам, уготовив для них иные наказания. Их в одной компании с совратителями карает рогатый бес, стегая плетью по спине так, что те от боли вздымают пятки (Ад, XVIII, 34—39). В реальной жизни сводники подвергались не менее суровым наказаниям: например, сожжению на костре тех, кто насильно склонил женщину к проституции. Однако чаще всего сводник отделывался денежным штрафом, на костер его отправляли лишь в случае рецидива.

В отношении древнейшей на свете профессии Флоренция демонстрировала такое же лицемерие, как и другие города Средневековья. Правда, флорентийские порядки по своей суровости были далеки от законов Верчелли, предписывавших изгонять всех проституток, а оставшихся вопреки запрету подвергать голыми публичной порке в присутствии подеста, а затем изгонять из города¹⁴. Во Флоренции ограничивались поселением проституток в пригородах, на почтительном расстоянии от храмов, монастырей и главных ворот. Они жили в борделях под постоянным надзором полиции, следившей за тем, чтобы никого не принимали без ее ведома. За занятия проституцией внутри города предусматривались наказания: битье плетью, при повторении проступка на правую щеку ставили каленым железом клеймо. Позднее, около 1325 года, ввиду неистребимости зла, начали, забыв про стыд, взимать налог, построив коммунальный бордель в квартале, удаленном от центра (у речки Муньоне, рядом с воротами Порта аль Прато). Надо полагать, промысел приносил немалый доход, если верить женоненавистнику Боккаччо, утверждавшему, что даже зажиточные бюргерши занимались проституцией в борде-

лях! Однако не следует принимать за чистую монету колкости Боккаччо, уже старого человека, когда он писал «Корбаччо, или Лабиринт любви», в котором и содержится процитированная нами клевета на флорентиек. Примечательно, что Данте, обыкновенно столь суровый, даже мстительный в отношении сводников, не сказал ни слова осуждения по адресу их компаньонов; единственная упомянутая им проститутка, Фаида, угодила в ад за чрезмерную лесть (Ад, XVIII, 130—135).

Зато содомитам Данте уделил внимание, показав их бегущими под огненным дождем (Ад, XV, XVI)¹⁵. Содомия, осуждавшаяся с предельной суровостью Церковью как наиболее тяжкое преступление и смертный грех (тем более что ее проповедовали многие еретические секты¹⁶), каралась сожжением на костре с конфискацией имущества обвиненного и разрушением дома, в котором совершилось сие преступление. И тем не менее во Флоренции содомия получила столь широкое распространение, что, например, в Германии педерастов называли «флорентийцами»¹⁷. Эту постыдную репутацию своих соотечественников Данте принимал всерьез: среди содомитов почти сплошь флорентийцы. Его современник, проповедник Джордано, в 1305 году обличал с кафедры собора Санта-Мария Новелла: «Флоренция превратилась в Содом». За сие прегрешение во Флоренции предусматривались исключительно суровые наказания: активный партнер подлежал кастрации, пассивного штрафовали и публично пороли, своднику отрубали руку или ногу, даже если это были родители, относительно которых имелись доказательства, что они склоняли своего ребенка к совершению насилия над естеством. Однако едва ли эти суровые законы исполнялись: слишком велика была свобода нравов в вопросах половых отношений.

То же самое относится к женщинам. Лесбийская любовь получила широкое распространение. Трансвестизм у мужчин и женщин наказывался публичной поркой. Тщетно — иначе не пришлось бы вновь и вновь оглашать столь грозные постановления.

Глава четвертая
Праздники и игры

Стало общим местом утверждение, что мы утратили чувство праздника. Если учесть количество и важность праздников в Средние века, разница между той эпохой и нашим временем станет понятна. Тесные отношения с соседями, прочность семейных и клановых уз, искренность и непосредственность религиозных верований, городской патриотизм, привязанность к родным местам, частота и тяжесть бедствий, посланных природой (недород, эпидемии) и вызванных людьми (внутренние и внешние войны), краткость жизни, обостренное чувство мимолетной молодости, неосознанная потребность в компенсации стеснений и ограничений, налагавшихся семейной, общественной и политической жизнью, — все это побуждало человека Средних веков с радостью отдаваться празднику, религиозному или светскому. Добавьте к этому материальный достаток граждан и процветание города, желание блеснуть перед другими, догнать и перегнать соседей по приходу или кварталу (соперничество, о котором современный человек имеет весьма слабое представление) — и поймете, что в таком развитом городском обществе, каким была Флоренция времен Данте, «одиначества просто не существовало».

И сам Данте, столь сурово критиковавший в «Божественной комедии» нравы сограждан, в полной мере вкусил плодов праздника в годы своей молодости, когда составлял компанию молодым людям, собиравшимся воспеть «прекрасных дам без сердца», равно как и тех, что были далеко не бессердечны; эта молодежь преследовала своими ухаживаниями замужних женщин даже в церкви, составляла веселый кортеж государей, посещавших город, участвовала в поединках, турнирах и лошадиных бегах. Короче говоря, мрачный пророк, переполненный горечью и желчью, неумолимый судья, непреклонный цензор, предстающий перед нами в «Божественной ко-

медии», в весеннюю пору своей жизни был не последним среди золотой молодежи Флоренции (правда, он больше блистал своим талантом, нежели богатством).

*Религиозные праздники.
День святого Иоанна Крестителя*

Религиозных праздников во Флоренции было немало. Самые любимые — День святой Репараты, отмечавшийся 8 октября, и День святого Варнавы, 11 июня. Наиболее многочисленными (около ста) оставались праздники святых покровителей приходских церквей, а также святых покровителей религиозных орденов.

И все же ни один праздник не мог сравниться по пышности и размаху с Днем святого Иоанна Крестителя, хотя, как остроумно заметил Давидсон, «проповедник в пустыне, аскетический предтеча Христа едва ли мог дать повод для подобного расточительства, проявления столь необузданной гордыни» (*Davidsohn*. VII, 562). Но, как известно, праздник святого Иоанна, получивший широкое распространение по всему средневековому Западу, заместил собой языческое празднование летнего солнцестояния. Отсюда его двойственный — религиозный и мирской — характер. Религиозный аспект, неизменно сохранявший свое значение, проявлялся в различных церемониях. Наиболее величественной была большая процессия представителей гражданских властей (приоров, капитана народа, консулов ремесленных корпораций, каждый из которых нес большую свечу весом не менее фунта) и церковных иерархов. Беря начало у кафедрального собора, она шла через весь город. Во главе колонны шествовали трубачи и флейтисты в сопровождении шутов в праздничных одеяниях — весьма примечательная деталь, свидетельствующая о взаимопроникновении светского и сакрального. Процессия двигалась под развернутыми знаменами ремесленных цехов, братств, сестьер, приходов и коммун, под непре-

рывный звон всех колоколов города, топот и ржание лошадей, украшенных дорогими попонами. На всем пути ее следования не смолкали рукоплескания зрителей, высывавшихся из окон (из которых свисали роскошные ковры, извлеченные из сундуков специально ради этого случая), торговцев и ремесленников, гордо стоявших перед своими лавками и мастерскими, выставив напоказ свои изделия и товары. Над торжественной процессией развевались гирлянды и флажки, живописные полотна, протянутые поперек улицы от дома к дому. В конце концов процессия прибывала на центральную площадь, между храмом Санта Репарата (кафедральный собор времен Данте, которому не довелось увидеть новый собор, Санта-Мария дель Фьоре) и Баптистерием; над площадью на высоте двенадцати метров натягивали голубой, богато украшенный матерчатый балдахин. Пройдя перед штандартами коммуны и цехов, входили в Баптистерий Святого Иоанна на торжественную мессу, в которой участвовали все певичие города.

Почтив столь достойным образом своего святого покровителя, флорентийцы могли вволю предаваться мирскому празднованию. Живописны были скачки на «бородатых» лошадях, наградой за победу в которых служил парчовый штандарт (*pallio*) темно-красного цвета, украшенный лилией из позолоченного серебра и красным крестом на белом поле (герб города), установленный на повозке, запряженной двумя лошадьми под попонами; в повозке находились трубачи коммуны и красивые дамы, коим и предстояло вручить награду победителю. В произведении Данте содержится намек на эти скачки (Рай, XVI, 42). Зрелище весьма колоритное, в военное время проходившее в открытом поле или, в качестве вызова, у стен осажденного города (например, в 1289 году у Ареццо, после победы, одержанной в сражении на Кампальдино, в котором участвовал и Данте). Поэт сообщает нам, что всадники проносились мимо окон его дома, проехав по многим улицам города.

Если День святого Иоанна Крестителя — это самое важное религиозное торжество, то майский праздник (*Calendimaggio*, 1 мая) является его светским аналогом. Это языческое действо берет начало, по мнению Давидсона (*Davidsohn*. VII, 560), на севере, не будучи специфически флорентийским. Его смысл заключался в радостной встрече «веселого месяца мая»; эта встреча была распространена на всем средневековом Западе, центральным моментом ритуала служила посадка дерева, украшенного гирляндами¹. Во Флоренции эта традиция, сравнительно новая, утвердившаяся не ранее 1290 года, обогащается элементом, заимствованным из провансальской культуры: любовными ухаживаниями в манере куртуазной любви. На городских площадях возводят временные сооружения, называвшиеся дворами (*corti*), украшенные шелковыми и парчовыми тканями. Компании юношей и девушек здесь танцуют и отдельно — обратим внимание — пируют. После пирушки веселые и невинные компании (*brigate*) одетой в лучшие уборы и украшенной гирляндами молодежи высыпали на улицу, чтобы танцевать и петь среди играющих на виолах и цитрах музыкантов и шутов. Почтенные дамы и благонравные девицы, разодетые в лучшие наряды, приветствуют из окон со свисающими из них коврами или дорогими тканями процессию на всем пути ее следования. Этот невинный праздник молодости и любви, продолжавшийся в домах богатых патрициев, давал мужчинам и женщинам редкую возможность познакомиться. Боккаччо утверждает, что именно на майском празднике 1274 года совсем еще юный Данте Алигьери (ему тогда исполнилось девять лет) познакомился во дворце богатого банкира Фолько Портинари с маленькой девочкой восьми лет от роду, Беатриче, в которую влюбился и которую не смог забыть.

Светские праздники, главным из которых был майский праздник, проходили в течение всего года по самым различным поводам: политическим (вступление в должность высших магистратов), религиозным (въезды епископа), военным (возвращение с победой военачальников). Но поводом для праздника могло стать простое желание встретиться с родными и друзьями, чтобы посмеяться и потанцевать в компании. Именно так собирались веселые компании (*liete brigade*) молодых людей, отпрысков богатых семейств, аристократов или богатых горожан. Не нужно думать, что это были какие-нибудь «танцульки» с участием нескольких десятков приглашенных. Самый известный пример такой «веселой компании» времен Данте дает нам семья Росси д'Ольтрарно: в 1283 году по случаю праздника святого Иоанна Крестителя собрались и провели вместе целых два месяца в квартале Санта Феличита тысяча человек. Одетые в белое, под предводительством «магистра любви» юноши и девушки, украсив головы венками, под музыку проводили дни, а иногда и ночи в играх и пристойных увеселениях, то в залах дворца, то на улице. От богачей не хотели отставать ремесленники, заводившие собственные веселые компании. Одна из них, собравшаяся в простонародном квартале Сан-Фредиано, оставила о себе печальную память. Был майский праздник 1304 года. Организаторам пришла в голову мысль пригласить флорентийцев на мост. «На лодках и гондолах установили балаганы, в которых представляли сцены Ада: одни участники спектакля нарядились ужасными демонами, тогда как другие изображали бестелесные души, подвергавшиеся всевозможным пыткам, а потому оглашавшие место действия невообразимыми воплями и криками, так что получилось зрелище, которое было в равной мере страшно и смотреть, и слушать»². Желаящие поглазеть сбежались в таком количестве, что мост не выдержал и обрушился, увлекая за собой две тысячи зрителей из театрального ада в настоящую преисподнюю.

Гораздо благополучнее прошел праздник в марте 1294 года по случаю встречи во Флоренции юного французского принца Карла-Мартеля Анжуйского, старшего сына Карла II, короля Неаполитанского. Данте участвовал в торжествах и неоднократно вспоминал впоследствии о дружбе, завязавшейся между ним и юным Карлом-Мартелем. «Меня любил ты, — говорит принц поэту, — с нежностью не тщетной» (Рай, VIII, 55).

Однако дух экономии, присущий флорентийцам, был несовместим со столь безумными тратами, и в 1325 году было принято постановление о наказании участников «веселых компаний» численностью более двенадцати человек денежным штрафом.

Постоянными компаньонами патрициев и богатых горожан в этих увеселениях были жонглеры (*uomini di corte, giullari*) и шуты (*buffoni*), приезжавшие со всей Италии. Некоторые из них оставили след в литературе, например, Марко Ломбардец, которого Данте упоминает в «Чистилище» (XVI, 46) среди гневливых и который разрешил для него сомнение доктринального порядка. Следует различать жонглеров и шутов. Первые нередко были людьми благовоспитанными и образованными, которых принимали при дворах правителей и ценили за хорошие манеры, литературный или артистический талант и которые могли, как Марко Ломбардец, стать друзьями и советниками сеньоров, дававших им приют. Таким был Чакко, которого Данте поместил в «Ад» (VI, 49 и след.), где он несет наказание за грех чревоугодия, являясь единственным из всех обреченных на адовы муки, «к кому Данте выказывает некоторое сострадание»³. Таков и Гульельмо Борсиере, также помещенный Данте в «Ад» (XVI, 70): как рассказывает Боккаччо, тот получил превосходное воспитание и зарабатывал свой хлеб тем, что мирил друг с другом знатные семейства и устраивал свадьбы, а также «увеселял удрученные сердца приятными и добропорядочными рассказами, побуждая их на добрые дела»⁴.

Шуты, гистрионы, жонглеры, фокусники, мимы

и певцы, исполнявшие фривольные и сатирические песенки, — все эти люди скрашивали долгие вечера знати и богатых горожан. Их небезобидные проделки порой вызывали к ним ненависть. Правители Флоренции старались их держать подальше от дворцов подеста и капитана народа. Эта мера предосторожности диктовалась осознанием угрозы, исходившей от острых на язык жонглеров и шутов, способных, как опасались, поколебать общественный порядок и подорвать авторитет правителей, не без основания подозревавших их в симпатиях к гибеллинам.

Азартные игры

Страсть к азартным играм была столь сильна, что ни церковные запреты, ни постановления светских властей, грозившие денежными штрафами и тюремным заключением, не могли ни искоренить, ни хотя бы обуздать ее. Бывало, что играли даже в Баптистерии. Данте рассказывает о самой популярной игре — в кости (*zara*)⁵. Эта игра пришла от арабов (арабское слово *zahr* означает «игральная кость»; отсюда и слово «азарт»). В нее играли двумя или тремя костями, которые метали на стол и объявляли выпавшие числа. Выигрывал тот, у кого выпадало большее число, а проигравший платил столько монет, сколько составляла разница в числах. Считались недействительными числа, соответствовавшие минимальным и максимальным комбинациям, например 3, 4, 17, 18 в игре с тремя костями и 2, 3, 11, 12 в игре с двумя костями. Эта игра могла разорить, порой проигрывали последнюю рубашку, приданое дочерей и даже самого себя. Образы таких проигравшихся неудачников нарисовал Данте:

Когда кончается игра в три кости,
То проигравший снова их берет
И мечет их один, в унылой злости;

Другого провожает весь народ;
Кто спереди зайдет, кто сзади тронет,

Кто сбоку за себя словцо ввернет.
А тот идет и только ухо клонит,
Подаст кому, — идти уже вольней,
И так он понемногу всех разгонит.
(Чистилище, VI, 1—9)

Менее безобидной, но более живописной была игра в мушку. Каждый игрок бросал перед собой монету; тот, на чью монету садилась муха, выигрывал. При этом не обходилось без мошенничества: чтобы пригласить муху к своей монете, ее смазывали чем-нибудь сладким!

Были известны и шахматы, играть в которые дозволялось только в общественных местах. Данте, упомянув о них («И множились несметней их огни, чем шахматное поле, множась вдвое». Рай, XXVIII, 92—93), показал, что ему известна восточная сказка о том, как изобретатель этой игры представлял ее персидскому шаху, запросив в качестве награды пшеничные зерна в геометрической прогрессии: одно зерно на первую клетку, два на вторую, четыре на третью и так далее. Шах опрометчиво согласился, и «всею урожая его государства не хватило, чтобы уплатить обещанное: около двадцати квинтиллионов зерен».

Зато карточных игр современники Данте не знали.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая Трудовой ритм

Насыщенный рабочий день

В цивилизации, ритм которой подчинен «времени купца»¹, в интересующую нас эпоху уже не совпадающему со «временем Церкви», но и не отделенному от него полностью, за основу рабочего дня принимается световой день, от восхода до заката солнца. Поскольку ни индивидуальных, ни башенных механических часов еще нет (во Флоренции первые появились в 1354 году), сигнал к началу и окончанию рабочего дня подают колокола церквей. «В целом рабочее время было временем экономики, еще определявшейся аграрными ритмами, неспешной, не гнавшейся за точностью, не заботившейся о росте производительности, и временем адекватного ей общества, скромного и умеренного, без чрезмерных appetites, нетребовательного, мало способного к усилиям ради количественных показателей»². Интересующая нас эпоха как раз и является переходной ко «времени купца». Уже в период «с X до конца XIII века происходит эволюция одного из элементов суточной хронологии. Нона, первоначально находившаяся около наших современных 2 часов пополудни, постепенно перемещается к полудню»³. Перемещение ноны, о причинах которого специалисты спорят, создает «важный элемент ритма рабочего времени — появляется

понятие «середина рабочего дня», утвердившееся именно в XIV веке»⁴.

Рассмотрим этот процесс детально. Рабочий день начинается, когда колокол звонит первый канонический час, иначе говоря, на рассвете. В это время женщины выходят из церкви после заутрени и возвращаются по домам, чтобы начать рабочий день, по продолжительности, если не по напряженности, не уступавший рабочему дню мужчин. А те направляются в лавки и мастерские, расположенные, как правило, поблизости от дома, — кроме тех, кто приходит на работу из ближайших к городу деревень. Мужчины, возможно, приступают работать, даже не позавтракав: когда колокола звонят третий канонический час, они делают перерыв, чтобы перекусить. Относительно продолжительности перерыва мнения исследователей расходятся. Вероятнее всего, это короткая пауза в работе, а более продолжительный перерыв делают около полудня, подкрепляются основательнее и предаются, по крайней мере летом, дневному отдыху. Необычный феномен, противоречащий нашим представлениям: «Работники требовали увеличения продолжительности рабочего дня»⁵. На самом деле это способ увеличить заработную плату: получить что-то вроде современной компенсации за сверхурочную работу. Факт, который доказывает, что рабочий день у лиц наемного труда, в частности на стройке, не был столь продолжительным, как некоторые думают. Достаточно представить долготу светового дня зимой и вспомнить, что ночная работа строго запрещалась. Правда, летом световой день длиннее, но именно поэтому имел смысл дневной послеобеденный отдых, продолжавшийся от двух до трех часов. Как бы то ни было, рабочий день (количество часов которого существенно менялось в зависимости от времени года) во Флоренции времен Данте был гораздо дольше, чем в наши дни. Не случайно в конце XIV века «именно продолжительность рабочего дня — а не размер заработной платы — станет причиной, толкавшей работников на борьбу с работодателями»⁶. Широкое распространение меха-

нических часов, отсчитывающих шестьдесят минут в час, приведет к более напряженному трудовому ритму, чем было прежде. Однако «время, связанное с природными ритмами, аграрной трудовой деятельностью и религиозной практикой, еще долго определяло ритм жизни»⁷.

Отдых и нерабочие дни

Одно из наиболее распространенных ошибочных представлений касается продолжительности рабочей недели и трудового года в эпоху Данте. В действительности флорентийцы знали то, что мы называем уик-эндом, по крайней мере, многие из них — каменотесы, плотники, столяры, текстильщики.

Воскресный отдых, разумеется, соблюдался. Конечно, представители многих профессий были вынуждены в интересах общества трудиться и по воскресеньям: сапожники (до большой воскресной мессы), кузнецы, хлебопеки, парикмахеры, аптекари. Компенсировалась ли их работа выходным днем на неделе? Трудно сказать.

Есть свидетельства о том, что ежегодного оплачиваемого отпуска не существовало. Правда, нерабочих дней много, даже, как мы вскоре увидим, очень много. Но эти дни отдыха не оплачиваются, даже если работа отменяется по экстраординарным причинам: прибытие в город знатного визитера, народное собрание, торжественное вступление в должность высших магистратов и тому подобное. С их учетом общее количество нерабочих дней в году доходило до ста. Рассмотрим другие выходные дни: в январе — первый день года (Обрезание Господне), 25 (Обращение святого Павла); в феврале — 2 (Сретение Господне), 24 (День святого апостола Матфея); в марте — 1 (День святых Филиппа и Якова), 3 (Обретение Креста), 8 (Победа святого Михаила), 25 (День святого Зиновия); в июне — 11 (День святых Варнавы и Бартоло), 24 (День святого Иоанна Крестителя), 29 (День святых Петра и Павла); в июле — 25 (День святого апостола Якова); в августе — 10 (День

святого Лаврентия), 15 (Успение), 24 (День святого Варфоломея), 28 (День святого Августина), 29 (Усекновение главы Иоанна Крестителя); в сентябре — 8 (Рождество Богородицы), 14 (Воздвижение Креста), 21 (День святого апостола и евангелиста Матфея), 29 (День святого Михаила); в октябре — 4 (День святого Франциска), 8 (День святой Репараты), 18 (День святого евангелиста Луки), 28 (День святых Симеона и Иуды); в ноябре — 1 (День Всех Святых), 9 (День святого Спасителя), 11 (День святого Мартина), 30 (День святого Андрея); в декабре — 6 (День святого Николы), 13 (День святой Люции), 21 (День святого апостола Фомы). Прибавим Рождество (в течение всех восьми дней), Крещение, Троицу, Пасху (до следующего за ней четверга), День святого Иуста и Пепельную среду⁸ и обязательные нерабочие дни для представителей определенных профессий (например, для мясников — пятница, четыре раза в пред рождественские недели и Великий пост). Так что нет ничего невероятного в предположении некоторых исследователей, что год состоял не более чем из 230 рабочих дней⁹.

*Продолжительность активной жизни.
«Социальное обеспечение»*

Общая продолжительность активной жизни — вот в чем отличие современной жизни от жизни Флоренции времен Данте проявляется с наибольшей четкостью. Работать тогда начинали очень рано. В большинстве случаев сразу же после начальной школы, иначе говоря, в десять или одиннадцать лет. Девочек, как правило, определяли в богатые аристократические и бюргерские семьи в качестве прислуги для выполнения любой домашней работы в еще более нежном возрасте, хотя, например, постановления Болоньи запрещали брать учениками детей, не достигших восьми лет!

Ученичество, в отличие от того, что можно видеть в наши дни, затягивалось надолго: никогда меньше трех лет, иногда до девяти лет, а в некоторых цехах —

до двенадцати лет. Срок ученичества зависел от благосостояния семьи ученика: если она была в силах заплатить мастеру за его питание и проживание, то продолжительность обучения сокращалась вдвое. Еще одна особенность: ученик не получал жалованья и имел право лишь на соломенный тюфяк и одежду из грубого сукна. Чаще всего он жил в доме своего мастера вместе с прислугой, а иногда и с его сыновьями. Как правило, ученик находился под опекой мастера. Если ученика направляли на стажировку в чужие края, то статутами Генуи, например, ему запрещалось вступать в брак (правда, во Флоренции такого запрета не было). Чтобы понять, какие чувства порой обуревали мастеров, достаточно прочесть одну из новелл «Декамерона» (IV, 5); в ней рассказывается, как братья Лизабетты убили несчастного ученика, осмелившегося стать возлюбленным их сестры. Что касается болезни, то в контракте иногда оговаривалось, что мастер обязан оплачивать лечение больного, но в течение определенного времени. Чаще всего болезнь служила основанием для прекращения обучения, и ученик возвращался на попечение своих родителей, если только они не могли возместить расходы на лечение.

В мире труда женщины играли важную роль — и не только в качестве домработниц или прислуги на постоянных дворах, но также и в профессиях, где их присутствие может показаться неожиданным: мужские парикмахеры, художницы в живописных мастерских, медицинские сестры на дому, банщицы в общественных банях. Моралисты возмущались по этому поводу, Данте первый в ряду тех, кто с ностальгией вспоминал Флоренцию добрых старых времен:

Одна над люлькой вторила все то же
На языке, который молодым
Отцам и матерям всего дороже.

Другая, пряжу прядучи, родным
И домочадцам речь вела часами
Про славу Трои, Фьезоле и Рим.

(Рай, XV, 121—126)

Многие работающие женщины, как в деревне, так и в городе, трудятся на дому, выполняя заказы хозяев текстильных мастерских. Как напоминает историк, на барельефах колокола Джотто изображены женщины (или девушки), работающие на горизонтальном ткацком станке¹⁰.

Что касается «социального обеспечения», то оно существовало в зачаточном состоянии. Устав цеха шелкоделов предусматривал отчисления «в пользу бедных невест, рожениц, больных и заключенных, в том числе лишенных свободы за долги»¹¹. В нередкие голодные годы и в периоды экономического кризиса, следовавшие за войнами и эпидемиями, цех поддерживал своих членов, выплачивая им своего рода «пособие по безработице», о котором еще пойдет речь.

Пенсий, однако, не существует. Когда возраст или состояние здоровья заставляют наемного работника прервать оплачиваемую трудовую деятельность, не остается ничего, как искать приюта у своих детей, прежде всего у сыновей, предоставлявших ему до конца дней стол и кров. Наконец, в большинстве корпораций принято выделять средства на похороны своих членов и на заупокойные мессы.

Все сказанное выше относится к работающим по найму в сфере ремесла и торговли. Что мог знать о них подобный Данте человек, не принадлежавший к их числу? Возможно, здесь скрывается причина его относительного безразличия к миру труда. В «Божественной комедии», богатой конкретными наблюдениями повседневной жизни, сравнительно мало говорится о ремесленниках. Упоминаются (Ад, XV, 20—21) старый портной, вдевающий нить в иголку, повара (Ад, XXI, 55—57), варящие мясо в котлах, кузнецы (Рай, II, 127—129), стекло и металл в горниле (Чистилище, XXIV, 138), раскаленное на огне железо (Рай, I, 59—60), ткач (Рай, XVII, 101—102), еще раз кузнец (Рай, XXIV, 102) и вновь ткач (Рай, XXXII, 140). Мало вато, если учесть огромное количественное и качественное значение производства и торговли в жизни Флоренции времен Данте. Безразличен к миру труда

и «Декамерон» Боккаччо. Наемных работников в нем не увидеть, тогда как слуг, домашних и на постоянных дворах, изображенных, правда, без малейшей симпатии, очень много. Интеллектуалы той эпохи относились к материальным условиям существования наемных работников, *genti meccaniche*, как их называли, если без презрения, то, по крайней мере, с полным безразличием.

Глава вторая

Цехи

Своим величием и процветанием Флоренция времен Данте обязана цехам, *arti*¹. Так как экономическому «буму» содействовал золотой флорин, то скрытым или явным двигателем экономического роста была жажда денег, наживы, производства. В конечном счете глубинные причины возвышения Флоренции следует искать в духе свободного предпринимательства, в активности предпринимателей, осознававших свою силу и превосходство над старым правящим классом — землевладельческой аристократией. Обо всем этом Данте думает и отзывается зло. Он не жалеет сильных выражений, говоря о «проклятом цветке» — флорине:

Чьей прелестью с дороги овцы сбиты,
А пастырь волком стал в короткий срок.

(Рай, IX, 131—132)

Со всем презрением обличает поэт слишком быстро нажитое богатство (*i subiti guadagni*) (Рай, XVI, 73).

Первые ремесленные и торговые цехи появились во Флоренции в середине XII века, когда возникло сообщество купцов (*societas mercatorum*), управлявшееся тремя консулами и противопоставлявшее себя сообществу воинов (*societas militum*), объединявшему аристократов и буржуазию. Играя на первых порах весьма скромную политическую роль, сообщество торговцев со временем стало важным фактором экономической и политической жизни. Оно

образовало цех, получивший название Калимала (от улочки в центре города, где были сосредоточены мастерские и лавки), объединив тех, кто специализировался на ввозе и переработке (более тонкая отделка и окраска) сукон из Фландрии и Франции. Вскоре к Калимале добавились цехи Камбио (объединение менял), Пор Санта-Мария (ввоз сукна), Лана (переработка шерсти), Мерчаи (торговля галантереей). Формируются так называемые старшие цехи, консулы которых сначала входили в Совет подеста, а после принятия в 1293 году «Установлений справедливости» — в верховный правительственный орган, приорат. По мере экономического развития появляются так называемые младшие цехи. Однако представители некоторых профессий (торговцы рыбой, торговцы жареным мясом) цехов не создают или входят в состав более крупных цехов (ткачей, красильщиков), не получая при этом каких бы то ни было прав. Наконец, вне старших или младших цехов остаются: домашняя прислуга, крестьяне, мелкие лавочники, ремесленники из контадо, сельскохозяйственные рабочие — короче, все, кого в наши дни принято называть городским и сельским пролетариатом.

Цех имеет статус юридического лица с собственным зданием, гербом, штатом служащих, финансами, полицией и судом, со структурой, представленной иерархией мастеров, подмастерьев и учеников. Он объединяет в своем составе представителей одной или нескольких профессий, образуя весьма странное, на взгляд современного человека, смешение: медики, цирюльники, аптекари, бакалейщики, торговцы красками, продавцы галантереи! Правда, продавцы галантереи торгуют самыми различными товарами, в том числе лекарствами и специями, что оправдывает их объединение с аптекарями.

Старшие цехи (их было сначала пять, а потом семь) — это цех судей и нотариусов, Калимала, Лана, Пор Санта-Мария, Камбио, цех врачей и аптекарей, цех скорняков и меховщиков. Пять цехов относятся к разряду средних: мясники, трикотажники и чу-

лочники, мастера по обработке металлов, каменщики и плотники, старьевщики и торговцы бельем. Наконец, девять младших цехов: торговцы вином, хозяева постоянных дворов, торговцы растительным маслом, солью и сыром, кожевники, изготовители кирас и шпаг, слесари, инструментальщики и жестянщики, дубильщики кож, оптовые торговцы лесом, пекари и булочники.

Мир корпораций неоднороден, особенно наглядны различия между старшими и младшими цехами. Эти различия обладают свойствами, общими для идеологических представлений средневекового Запада. По мере экономического роста XII—XIII веков, ломалась трехчленная социальная иерархия периода высокого Средневековья (те, кто молится, те, кто воюет, те, кто трудится) и реабилитировалась трудовая деятельность. Однако «единство мира труда перед лицом мира молящихся и мира воюющих, если вообще оно когда-либо существовало, сохранялось недолго; произошло расслоение, отделившее верхний слой городского общества — для удобства назовем его буржуазией — от нижних слоев: с одной стороны, крупные торговцы, менялы, богачи, с другой — мелкие ремесленники, подмастерья, бедняки»². Кроме того, «возникли новые барьеры, основанные на взаимной неприязни, разделившие представителей одних и тех же социальных слоев, даже одних и тех же профессий»³. Мы не говорим о пережитках прежних табу (прежде всего запрета на пролитие крови, объясняющего презрение к мясникам, несмотря на их экономическое могущество). Вместе с тем начинается эпоха, когда интеллектуальный труд ценится выше, чем ручная работа, что находит выражение в признании первого места среди старших цехов за корпорацией судей и нотариусов, а также в чувстве превосходства, характерном для представителей благородных профессий, сторонившихся мелких ремесленников и прочих трудящихся, членов так называемых *arti meccaniche* (цехи физического труда). И все же престиж умственного труда не должен маскировать экономической и по-

литической реальности. Во Флоренции времен Данте господствующее положение занимают предприниматели, крупные торговцы Калималы и промышленники Ланы.

Два старших цеха: Калимала и Лана

Рассмотрим подробнее цех Калимала, структура и общественная роль которого являются моделью иерархии в мире труда. Возникнув как сообщество торговцев, впервые упомянутое в середине XII века, Калимала достигает могущества во второй половине XIII века. Ею управляют четыре консула и два совета (узкий, в составе 12 человек, и широкий из 40 членов), она имеет своих служащих (камерарий, казначей, бухгалтер, синдик, прокурор, нотариусы) и несколько комиссий. Члены цеха платят членские взносы и называют себя гвельфами, иначе говоря, преданными, лояльными слугами Церкви и правительства Флоренции. Их главная забота заключается в том, чтобы охранять доброе имя корпорации. В конечном счете делается все возможное для обеспечения качества продукции, продававшейся под ее товарным знаком. Ревностно охраняя собственные прерогативы, особенно перед цехом Пор Санта-Мария, своим прямым конкурентом, а затем, чуть позднее, перед цехом шелкоделов, Калимала придает большое значение цеховой солидарности, защищает своих попавших в переделку членов (особенно тех, кто подвергается преследованиям за границей), борется против «желтой» (незаконной) работы, работы по ночам и против подстрекателей (права на объединение тогда не существовало). Помимо юридических привилегий (ни один ее член не мог быть арестован на рынке или после окончания торговли), цех пользуется своего рода приоритетом (его мера длины, окованная железом палка, считается эталоном, которому должны соответствовать все другие меры длины).

Хозяйственная деятельность Калималы осуществляется в трех сферах: крупная международная

торговля, банковское дело и производство. Прежде всего она специализировалась на ввозе фландрских, голландских и брабантских сукон; их цех покупал на ярмарках в Шампани, затем подвергал тонкой обработке и окрашиванию в мастерских Флоренции с помощью красителей, в частности квасцов, привозившихся с Востока. Сукна высокого качества экспортировались во все страны Запада (в том числе во Францию и Германию) и на Восток, где их обменивали на специи и красители. Но Калимала не ограничивается торговлей сукнами. Она торгует практически всем, в том числе экзотическими товарами (специями, благовониями, изысканными тканями, украшениями), — всем тем, что относится к крупной торговле и производству. Что касается банковской деятельности, то она имела тенденцию к постоянному росту. Начав с ростовщичества (пока от нее не отделился цех Камбио), Калимала, пренебрегая запретом Церкви, постепенно переходит к ссудным операциям (от 30 до 100% годовых, в среднем 40%) и через несколько десятилетий становится одним из крупнейших банковских домов Италии. В середине XIII века она объединяет в своем составе 80 могущественных компаний, среди ее членов семьи, вершившие исторические судьбы Флоренции на протяжении столетий: Аччайюоли, Адимари, Альберти, Амидеи, Альбицци, Антинори, Барди, Каппони, Черки, Кавальканти, Черретани, Даванцати, Фрескобальди, Джанфильяцци, Моцци, Пацци, Перуцци, Портинари, Пуччи, Ридольфи, Риччи, Скали, Содерини, Строцци, Спинони, Торнабуони, Тосинги, Убальдини, Валори, Веттори, Виллани... Эти компании включают в свой состав разное количество членов; построенные на семейной основе, они носят имя доминирующего семейства или клана. Банкиры Калималы составляют серьезную конкуренцию сиенским банкирам, ссужая капиталы папам римским, от имени которых собирают десятину по всей Европе, и светским правителям (в частности, королям Неаполя и обеих Сицилий), из владений которых вывозят зерно (и

даже рабов) и осваивают соляные и железорудные залежи; вскоре они обращаются к страхованию купеческих грузов и морских кораблей. Конечно, цех не избежал потерь: так, в 1291 году Филипп Красивый велел арестовать всех ломбардцев (как называли итальянцев во Франции); спустя некоторое время король Англии Эдуард III отказался возвращать долг флорентийским банкирам в Лондоне. И все-таки, имея отделения в Брюсселе, Ипре, Дуэ, в Шампани, в Центральной Европе, банкиры Калималы остаются одним из столпов экономического величия Флоренции.

Несмотря на свое могущество, Калимала вскоре уступит первенство другому цеху — корпорации Лана. Начав с производства простой шерстяной одежды для местного рынка, цех спустя некоторое время разбогател, применив технические нововведения, позволившие производить высококачественные ткани из шерсти, привозимой из Англии, Фландрии, Испании, Португалии, Алжира, Марокко и Ближнего Востока. Лана занялась и торговой деятельностью, вступив в соперничество с Калималой. К концу XIII века Лана превосходит могуществом Калималу. По сообщению хрониста Виллани, цех владел 300 производственными помещениями и лавками, обеспечивая работой почти треть трудоспособного населения Флоренции! В середине XIV века, когда Лана уже клонится к упадку (количество мастерских и лавок сократилось до двух сотен), она производит около 10% всех сукон, выпускавшихся в Западной Европе. В начале XIV века она строит дворец (его и сейчас можно видеть возле собора Ор Сан-Микеле), символ ее экономического и политического могущества как еще одного столпа величия Флоренции.

Парадоксально, но ни Лана, ни Калимала не возглавляют старшие цехи, главным является цех судей и нотариусов⁴. Возникший, по-видимому, в начале XIII века, этот цех объединяет должностных лиц города, роль и значение которых в повседневной жизни трудно даже представить. Одно уточнение: судьями называли «всех докторов права, даже если они

были адвокатами, юрисконсультами, арбитрами или в собственном смысле слова судьями в суде подеста, капитана народа или в других судах»⁵. Что касается нотариусов, то их назначают император, папа или их представители (в частности, пфальцграфы); в интересующую нас эпоху решение о назначении нотариусов принимает коммуна, присвоившая эту императорскую прерогативу. Судьи и нотариусы — это интеллектуалы, получившие основательное университетское образование (как правило, в Болонье) и хорошо владевшие латынью и литературным итальянским языком.

Нотариусы служат в советах Флорентийской республики, в высших магистратах (приоры, капитан народа, гонфалоньер), в цехах или судебных органах, где выполняют функции, аналогичные функциям современных секретарей судов. При случае они могут стать адвокатами или прокурорами, получать жалованье от истца или в качестве государственного служащего. Многие, наконец, занимаются частной практикой. Нотариусы, имеющие высокое жалованье, выступающие посредниками при рассмотрении частных или публичных дел, пользуются значительным влиянием и уважением; в соборе Ор Сан-Микеле поставлена статуя их святого заступника — святого Луки Евангелиста (статуя, которую можно видеть в соборе в настоящее время, датируется 1562 годом).

Судей и нотариусов уважали и боялись еще и потому, что они были представителями аристократии. Их титулы (*messere* или *dominus* у судей, *ser* у нотариусов) и одеяние (пунцового цвета мантия, отороченная беличьим мехом, и колпак из тех же материалов и того же цвета) придают им весьма внушительный вид, когда они появляются на улице или исполняют свои профессиональные обязанности. Многочисленные (согласно Виллани, 600 человек в начале XIV века, тогда как врачей не более 60), получившие хорошее образование, нотариусы сыграли важную роль в итальянской средневековой культуре⁶. Благодаря знанию основ риторики, они были мастерами

хорошо говорить и писать: речи по случаю прибытия именитых гостей и официальные акты (письма коммуны иностранным сеньорам и государям, договоры, буллы, постановления) построены по всем правилам риторических турниров — с эффектными концовками и другими ораторскими украшениями. Именно их проза на народном языке задает тон другим писателям. Данте показывает одного из самых знаменитых нотариусов, Пьера делла Винья, канцлера и фаворита императора Фридриха II. Ослепленный по обвинению в предательстве и заточенный в тюрьму, он в 1248 году покончил с собой (Данте помещает нотариуса во втором поясе круга седьмого среди самоубийц — Ад, XIII, 31 и след.). Представлен и учитель Данте, нотариус Брунетто Латини (Ад, XV, 22—124). Сохранился весьма лестный отзыв о нем хрониста Виллани: это был «великий философ и превосходный учитель риторики, в равной мере наставлявший как в красноречии, так и в сочинении стихов... он дал образование флорентийцам, научил их ораторскому искусству и науке управления нашей Республикой». Нотариусами были и поэты — современники Данте: Джанни Альфани и Чино да Пистойя, которого автор «Божественной комедии» прославил как величайшего из итальянских поэтов, воспевавших любовь.

Говоря о старших цехах, нельзя не сказать пару слов о корпорации врачей и аптекарей, в которую записался Данте (возможно, около 1297 года), дабы иметь возможность участвовать в политической жизни. Может возникнуть недоуменный вопрос: почему именно в этот цех? Наверно потому, что «изучение медицины во многих отношениях было сродни философии и риторике, дисциплинам, в которых Данте обладал обширными и глубокими познаниями»⁷.

Законодательство о труде

Цеховая организация ремесла имела многочисленные последствия. Первое: «цехи являлись привилегированными корпорациями, представляя собой

аристократию в мире труда»⁸. А где аристократия, там иерархия. Кроме того, эта организация неотделима от подлинной социальной сегрегации, проявления которой двояки: с одной стороны, многие ремесла считаются недостойными иметь цех, с другой — члены одного и того же цеха неравноправны. Из цеховой организации, городской по своему характеру, полностью исключены деревенские жители. Наконец, эта система стесняет как трудящихся, так и работодателей, устанавливая для них многочисленные запреты.

Неполноправность некоторых ремесел, известная нам по исследованиям Ж. Ле Гоффа, имела целый комплекс застарелых причин (как религиозных, так и экономических), переживших и экономический переворот конца XIII века, и возвышение буржуазии. Так, одной из первых мер, принятых в ходе восстания чомпи 1378 года, станет увеличение количества младших цехов с четырнадцати до семнадцати. Весьма показательно, что это расширение цеховой системы было поставлено под вопрос, как только буржуазная реакция одержала верх над чомпи.

Внутрицеховое неравенство находит выражение в строгой иерархической структуре: мастера (*maestri, magistri*) — подмастерья (*socii, laboranti*) — ученики (*discipuli*). Более того, неравноправны и сами мастера (в отличие от прежних времен): одни пользуются всей полнотой прав, другие — лишь их частью (цирюльники по отношению к медикам, художники по отношению к аптекарям); в цеховые советы выбирают ограниченное число представителей. Во времена Данте эта дифференциация проявляется слабо, позднее, в XIV и XV веках, она усилится. Кроме того, основных прав лишены все категории наемных работников. Так, «подсобные работники» (*sottoposti*) текстильных корпораций не имеют никакой собственности, кроме своих рабочих рук, им отказано в праве на объединение, собрания и даже на оказание взаимопомощи.

Размер заработной платы устанавливается произвольно — хозяевами, без какого бы то ни было согла-

сования с наемными работниками. Более того, чтобы пресечь патерналистские поползновения отдельных хозяев, установлен максимальный размер заработной платы для всех членов цеха. Запрещены «картели» и монополии, нечестная конкуренция и конкуренция как таковая. Короче говоря, перед нами протекционизм в его наиболее последовательной форме. Целая агентурная сеть помогает консулам поддерживать дисциплину, пресекая любые попытки подрывной деятельности.

У этой системы есть и положительные черты. Прежде всего уважение к честному труду: вся продукция должна отмечаться своего рода «знаком качества». Обман преследуется, осуществляется дошный контроль с целью пресечения незаконной прибыли и превышения установленных тарифов. Сама нравственность находится под контролем: азартные игры членам цеха запрещены — и в городе, и за его пределами. В стремлении сохранить добрые нравы и обычаи доходят до того, что запрещают согражданам, отправляющимся в дальние края, вступать там в брак.

Эта корпоративная, крайне жесткая система обладает бесспорным полицейским аспектом: существует должность «чужеземного чиновника» (*ufficiale straniero*), назначавшегося из числа иногородних нотариусов: он следит за неукоснительным соблюдением цеховых статутов. Чужеземному чиновнику хорошо платят, он опирается на поддержку целого штата охранников и тайных агентов, отслеживает, не проводятся ли собрания, не создаются ли ассоциации и общества взаимопомощи (все это запрещено, карается денежными штрафами и тюремным заключением). Дойдет до того, что с 1356 года начнут применять наказание в виде отсечения правой руки и даже головы за неуплату наемным работником долга своему хозяину! Хозяин, вызвавший подозрение «чужеземного чиновника», может апеллировать к консулам цеха; наемный работник совершенно беззащитен перед его обвинениями и приговорами.

Такова цена, которую предприниматели Флоренции были готовы платить за недопущение общественных беспорядков. Но приходилось бороться и против иностранной конкуренции, равно как и против репрессивных мер со стороны конкурирующих городов и государств. С этой целью в 1308 году была создана специальная организация, Мерканция (буквальное значение итальянского слова *mercanzia* — «торговля»), точнее *Universitas mercatorum et artium civitatis Florentiae* (Объединение купцов и цехов города Флоренции). Сформировавшееся на основе пяти старших цехов, это объединение позднее стало называться также *Ufficio della Mercanzia* или *Tribunale di Mercanzia*⁹. Мерканцией руководит чиновник из числа иногородних, которому помогают пять, а потом шесть советников (по одному на каждый из старших цехов и один на все младшие цехи вместе взятые; попутно отметим эту вопиющую диспропорцию между старшими и младшими цехами). Основная задача объединения состоит в защите интересов флорентийских купцов за пределами города. Оно также пресекает мошенничество, разбирает тяжбы между ремесленниками, добивается выполнения решений цеховых консулов (избрание которых оно само же и контролировало), начинает процедуру банкротства. С 1359 года Мерканция размещается в собственном дворце на площади Синьории. У нее есть собственная полиция и тюрьма, она проводит допросы, в том числе с применением пыток. Сфера ее компетенции распространяется на пути сообщения, сбор дорожных и мостовых пошлин, на фрахт. Она надзирает за цеховыми консулами во время их пребывания вне города. Короче говоря, с 1318 года объединение становится своего рода трибуналом по вопросам коммерции, его юрисдикция распространяется на всю крупную флорентийскую торговлю. Объект восхищения и подражания в Италии и других странах (в частности, во Франции), Мерканция венчала собой всю цеховую систему, регулятором и судьей которой являлась.

Торговля, промышленность и банки

Деньги

До 1237 года флорентийцы, не имевшие собственной денежной единицы, пользовались пизанской маркой. Успехи в ремесле и торговле, сделавшие необходимым создание собственного банка, обусловили и появление сложной денежной системы на основе золотого флорина¹.

В ее основе — динар (*danaro*), «одновременно и первая единица системы счета денег, и наиболее древняя их разновидность»². В нем 1,76 грамма серебра 950-й пробы. Его реальная стоимость обнаружится лишь в 1321 году с появлением *picciolo* или *picciolo nero*, содержавшего в основном медь и малую долю серебра, ставшего самой мелкой монетой, находившейся в обращении в XIV веке. Оставаясь стабильным на протяжении десятилетий, динар будет девальвирован лишь в конце XIV века. Во времена Данте его стоимость постоянна, он находится в обороте. Один динар равнялся 1/12 солида, или 1/240 лиры.

Grosso — монета почти из чистого серебра, стоит 12 динаров и применяется при совершении крупных торговых сделок. Однако ее жизнь оказалась короткой: в 1306 году ее заменяет *popolino*, равнявшийся 24 динарам; на несколько лет он становится самой распространенной денежной единицей. Примерно в то же время появляются монеты *grosso da sei*, *grosso da venti* и *grosso da trenta*, стоившие, соответственно, 6, 20 и 30 динаров. Так было во времена Данте. По мере того как серебро становится все более редким металлом, на первое место выходит золото, из которого начинают чеканить флорины. В эпоху же Данте, еще раз отметим, динар остается наиболее популярной серебряной монетой, которой пользуются в повседневной жизни, расплачиваются в лавках, в частности при покупке продуктов.

Серебряный флорин известен с 1182 года. Тогда он стоил 12 динаров и назывался также *grosso*. С 1252 года чеканка серебряного флорина была прекращена, ему на смену пришел золотой. Именно этот год открывает историю самой знаменитой флорентийской монеты — золотого флорина, символа экономического могущества города и гордого вызова конкурентам (прежде всего Генуе и Венеции, монеты которых до того времени господствовали на внутренних и внешних рынках). Золотой флорин номинально равен 24 каратам, весит 3,54 грамма и стоит 20 *grossi* (240 динаров). На лицевой стороне изображен святой Иоанн Креститель, на оборотной — цветок лилии. Золотой флорин, можно сказать, стал официальной денежной единицей Флоренции.

Стабильный в течение всего XIII и почти всего XIV века, золотой флорин быстро становится денежным эталоном, причем не только в Италии, но по всему средневековому Западу. Образно выражаясь, это доллар Средневековья. Его используют представители самых различных общественных и профессиональных групп (мясники, торговцы и т.д.), состоятельные частные лица (нотариусы, врачи, школьные учителя). Подделка золотого флорина карается сожжением на костре. Данте поместил в «Ад» фальшивомонетчиков, наказав их водянкой:

Водянка порождала в нем застой
Телесных соков, всю его середку
Раздув несоразмерно с головой.

И он, от жажды разевая глотку,
Распялил губы, как больной в огне,
Одну наверх, другую к подбородку.

(Ад, XXX, 52—57)

Изготовление золотых флоринов — предмет особых забот, оно доверено двум должностным лицам, монетным мастерам (*domini monete* или *Maestri di Zecca*), избравшимся сроком на шесть месяцев из представителей цехов Калимала и Камбио. Монетные мастера несли персональную ответственность

за качество монеты (на каждый флорин они ставили свой собственный знак: изображение фрукта, цветка, короны или просто точку). Эмиссия достигала 400 тысяч монет в год, «а в первые четыре года XIV века нормой чеканки, по оценочным данным, было 350 тысяч монет ежегодно»³. На монетном дворе (*Zecca*), располагавшемся рядом с Дворцом приоров, трудилась дюжина золотых и серебряных дел мастеров, обязанных строго соблюдать чистоту металла и качество гравировки. Кроме того, по инициативе Джованни Виллани (известного хрониста), в 1316 году исполнявшего должность монетного мастера, начали вести *fiorinaio*, своего рода официальный альбом, в котором хранился экземпляр каждой чеканки с указанием имени гравера и приложением личного знака контролера. Одно это показывает, сколь большое значение придавали флорину граждане Флоренции. Впрочем, Данте не разделял этого отношения к официальной флорентийской монете, рассматривая ее как:

*...проклятый цветок,
Чьей прелестью с дороги овцы сбиты.*

(Рай, IX, 130—131)

Широкое применение флорина и прочих монет, о которых говорилось выше, не отменяло использования старых денег. Прежде всего лиры (*libbra, libra, lira*), которую не следует путать с единицей веса (*libbra*, фунт). Эта серебряная монета, введенная в обращение Карлом Великим в конце VIII века, в течение столетий оставалась «основной единицей новой денежной системы, даже если она в действительности превратилась в монету-фантом, поскольку прекратилась ее чеканка»⁴. Во времена Данте лира скорее единица счета, нежели реальная монета, равняется 20 солидам (*soldo*). Солид, в свою очередь, также является не реальной монетой, а единицей счета, равняется 12 динарам. Так, при заключении крупных сделок счет ведут на лиры и солиды: «вместо того, чтобы говорить 14 412 динаров, можно сказать 60 лир и 12 динаров, а еще лучше — 60 лир и один солид»⁵. Кро-

ме того, на территории Флорентийской республики находятся в обращении монеты других городов — Сиены, Вольтерры, Котроне, Неаполя, Венеции и даже французские деньги, причем их суммарная доля в денежном обращении существенна (около 30% в 1296 году)⁶.

Единицы мер и весов⁷

Самые распространенные единицы веса — *grano* (гран, для взвешивания драгоценных металлов, 9,63 миллиграмма), *libbra* (фунт, около 339,50 грамма, в Венеции 301, а в Генуе 317 граммов) и *oncia* (унция), равняющаяся половине фунта.

У каждого города свои единицы измерения. Так, мерой зерновых служил *staiò* (четверик, аналогичный французскому сетье), деревянный сосуд цилиндрической формы с обручами, вмещавший в себя около 45 фунтов или 15,360 килограмма пшеничного зерна, а если насыпали «с верхом», то и все 52 фунта (17 килограммов). Эти цифры со временем (иногда в течение одного и того же года) или в разных местах менялись. Традиционной мерой растительного масла служит *orcio* (по-итальянски «глиняный кувшин»), вмещавший в себя в середине XIV века около 29 килограммов или 1/12 коньё масла. Коньё был старинной мерой вина, использовавшейся оптовиками; он равнялся 10 бочонкам примерно по 45,6 литра, то есть 456 литрам (или, по мнению некоторых исследователей, 407 литрам). Для розничной продажи вина используются кварта (1/100 коньё, соответственно, 4,5 или 4,07 литра), метаделла (1/400 коньё), меццетта (1/800 коньё) и меццина (1/25 коньё), служащая также мерой растительного масла. Однако эти меры варьируются от города к городу.

Из мер длины упомянем локоть (*braccio*), равнявшийся 0,58 метра, канну (*canna*), около 2,33 метра (эталоном служила канна цеха Калимала), пядь (*pie*d), около 0,38 метра, стайоро (*staioro*) для измерения площадей (один стайоро равняется участку зем-

ли, который можно было засеять одним стайо пшеницы), и катасту (*catasta*), единицу измерения объема древесины, в частности дров, 4,77 кубометра.

Новые банковские операции

Одним из наиболее замечательных нововведений в этой области в конце Средних веков был вексель. Обмен монет непосредственно из рук в руки в городе не представляет собой каких-либо неудобств, если не принимать во внимание их веса. Перевозка же денег требует времени и сопряжена с большим риском, учитывая опасности на дорогах в Средние века. Меняла, положим, должен терпеть, это его профессия⁸. Но купец и промышленник испытывают потребность в банковском инструменте, который бы позволил избежать риска. Таким инструментом и стал вексель, изобретенный в Генуе и получивший применение во Флоренции в начале XIII века. Сначала это нотариальный акт, удостоверенный при свидетелях (*lettera da pagamento*, платежный документ), отказ платить по нему карается штрафом в двойном размере указанной в нем суммы. Вот что такое вексель и в чем его смысл: «Соглашение, по которому плательщик [...] выдает определенную сумму денег получателю [...], получая взамен платежное обязательство на срок (кредитная операция), по которому можно получить в другом месте и другой монетой (вексельная операция). Таким образом, обменный контракт порождает кредитную и вексельную операции, неразрывно связанные друг с другом»⁹. Возьмем примеры из истории Флоренции той эпохи. «Пьеро Адатти и Чие со Старого рынка должны дать 433 флорина по письму, кое предъявлю им я, прибыв из Сиены, из доли Бьяджо Риньери и Чие по 61 лире, 15 солидов, 4 динара *grosso da venti* и двенадцать динаров *spiccioli*, которые я дал в Сиене упомянутым Бьяджо и Чие и для него [Пьеро Адатти] Дельфино д'Ареццо»¹⁰. Другой пример, относящийся к более позднему времени (1392 год), когда использование векселей уже получило широкое распространение: «Во имя Бога,

шестого февраля 1392 года. Заплатите по этому письму Никколо да Уццано 103 флорина, 12 солидов, 6 золотых динаров взамен 100 золотых флоринов, полученных здесь от Никколо дель'Аманато, Тано да Гиноццо и Чие; заплатите в надлежащее время и внесите эту сумму в собственный счет Франкеско. Да хранит вас Христос. Для Франкеско и Манно и Чие, Пиза. Принято 7 февраля 1392 года. Уплачено 10 февраля 1392 года»¹¹.

Вексель отвечал четырем требованиям купца, открывал перед ним четыре возможности: а) платежное средство по коммерческой операции; б) средство перевода капитала в места, где используются другие денежные системы; в) источник кредита; г) получение финансовой прибыли (игра на разнице обменных курсов в разных местах). В результате помимо обеспечения основных коммерческих операций купец мог получать от векселей и прибыль¹².

Хотя имеющиеся в нашем распоряжении документы относятся к более позднему периоду, нежели интересующая нас эпоха, скажем несколько слов о другом важном банковском нововведении — о чеке (*assegno bancario*). Вот один пример: «Парадзоне, выдай Арриго из Вициньяно 3 лиры и 10 солидов. Выдай также Белласте из Пистойи 30 флоринов. Арриго да Креспина»¹³.

К эпохе Данте относится внедрение во Флоренции системы двойной бухгалтерии, для которой характерно параллельное ведение записей дебета и наличности¹⁴. Первые случаи ее применения известны с конца XIII века. Если прибавить операции по страхованию морских судов (пример которого подавала Генуя), засвидетельствованные во Флоренции в начале XIII века, а в начале XIV века ставшие предметом регулярной деятельности цеха Калимала (с агентствами во Франции и в Провансе), и если вспомнить также о фрахтовании или найме судов и о страховании жизни (с 1339 года), то «с полной уверенностью можно поддержать мнение тех, кто считает, что капиталистическое предпринимательство сделало во Флоренции свои первые шаги»¹⁵.

Флоренция времен Данте, вне всякого сомнения, — один из наиболее развитых торговых и ремесленных центров Европы. В отличие от нашего времени, когда заводы располагаются в промышленных зонах на окраинах городов, ремесло и торговля были сосредоточены тогда в самом центре Флоренции. Размер ремесленных мастерских (боттег) оставался скромным. Столь же скромными были и торговые предприятия — лавки. В начале XIII века во Флоренции около 300 мастерских цеха Лана, в совокупности производящих около 300 тысяч кусков ткани в год. Эти 300 мастерских дают средства к существованию примерно 30 тысячам работников обоего пола (причем доля женщин значительна), приходящим на работу из пригородов, удаленных на несколько километров от Флоренции (больше половины занятых в производстве не являются жителями города). Между тем появляются крупные предприятия, например, основанные Фр. Датини в Прато. Постоянный персонал наемных работников не превышает здесь восьми человек, да и работают полный рабочий день не все из них, но с учетом субподрядчиков и посредников такое предприятие обеспечивает работой более 1000 человек¹⁶.

Оптовая торговля концентрируется на двадцати складах (*fondachi*) цеха Калимала, в самом сердце города. К ним следует добавить около сотни лавок аптекарей и бесчисленное множество точек розничной торговли (продавцов галантереи, сапожников, бакалейщиков, молочников).

Весьма живописны лавки розничной торговли. У каждой своя эмблема, нарисованная или высеченная из камня («лев, орел, единорог, волк, лиса, кошка, свинья, леопард, пантера, верблюд, медведь»¹⁷). Мосты (и не только, как в наши дни, Старый мост) сплошь покрыты лавками и мастерскими, построенными из дерева (лишь в середине XIV века их заменят каменные строения). Живописно и внутреннее устройство лавки: товар (например, сукно) подвешивают на крючьях к деревянным поперечинам, выкла-

дывают на прилавок, делящий лавку пополам, или выносят на улицу, под навес, защищающий от дождя.

Многие ремесленники работают прямо на улице, под тентом или навесом: мясники, кузнецы, цирюльники, писцы и прочие. Тротуаров не существует, сточные воды свободно текут посреди улицы, по которой едут верхом на конях знатные аристократы, идут со своими ослами, мулами и тачками крестьяне. Летом женщины ткут прямо на улице — не для себя, но выполняя заказ какой-нибудь мастерской. Короче говоря, на улице постоянное оживление, и лишь зимние морозы или проливные весенние и осенние дожди могут на время разогнать всех по домам. Уличная жизнь полна событий: то гонятся за карманным воров, то пробегает перепуганный осел или мул, то проходит торжественная процессия или, что случается нередко, мрачный кортеж, сопровождающий осужденного на казнь, на пытку или к позорному столбу. Чтобы лучше представить себе, сколь оживленными и заполненными людьми были улицы Флоренции, вообразите, как въезжает в город царственная особа или проходит торжественная церемония вступления в должность крупного чиновника.

Таким образом, в самом сердце города кипит торговая и ремесленная жизнь, в том неразрывном единстве с жизнью населения, которое столь типично для Средних веков.

Компании

От живописных картин вернемся к структурам промышленности и торговли, поговорим о компаниях. Они объединяют несколько компаньонов вокруг одного большого семейства¹⁸. Как правило, эти компаньоны (максимум человек двадцать) связаны узами родства, но в компанию могут войти и посторонние для семейного клана люди. «Эти сообщества зиждились на договорных началах, объединявших их членов лишь для одной коммерческой операции и на ограниченный срок. Однако возобновление, как

это обычно бывало, некоторых из этих контрактов, участие в экономической деятельности под именем одного и того же предприятия, обладавшего значительными капиталами, создавали деловые связи вокруг нескольких человек и придавали стабильность организации, изначально временной, создававшей-ся для реализации одного проекта»¹⁹.

Эти компании, названные по имени главного семейства, «господствуют в определенном секторе и вытягивают в свою орбиту средние, а через них и мелкие предприятия, создавая условия для их развития»²⁰. Среди них встречаются славные имена popolani и grandi (Скала, Спино, Моцци, Веллутти, Фрескобальди, Черки, Барди, Францези, Перуцци, Аччайюоли, Буонаккорси, Альберти²¹). Их узнают по торговым знакам, они имеют обширный персонал и получают (в эпоху Данте) большие барыши; но они подвержены воздействию экономической и политической конъюнктуры. Эти «колоссы на глиняных ногах» в начале XIV века сконцентрировали в своих руках «все или почти все доходы казны Английского королевства»²². Однако Фрескобальди, Барди и Перуцци (именно о них идет речь) связали свою судьбу с превратностями судьбы королевства, что стало причиной их краха в 40-е годы XIV века при английском короле Эдуарде III.

Глава четвертая

Зарплата и цены

Зарплата

Если верить некоторым историкам, то уровень жизни наемных работников во Флоренции XIV века был близок к нищенскому, а век Боккаччо ознаменовался его дальнейшим снижением¹. Однако недавнее исследование уточняет эти оценки². К сожалению, оно относится к более позднему, нежели эпоха Данте, периоду. Но содержащиеся в нем сравнения с

Флоренцией времен Данте позволяют лучше осветить проблему.

Используем данные исследования излюбленной историками категории — строительных рабочих. Хотя выплата жалования производится по субботам, труд оплачивается поденно (*a giornata*). Заработная плата дифференцирована. Плотник-столяр (*maestro di legname*), кровельщик (*copritore di tetti*), каменщик (*maestro di cazzuola*) и каменотес (*maestro di scalpello*) зарабатывают больше подручного рабочего (*manovale*). Их дневной заработок в 1286—1288 годах в среднем составляет пять солидов (до восьми солидов в 1326—1332 годах), тогда как подручный рабочий в 1286—1289 годах получает лишь два солида и четыре динара в день (в 1326—1332 годах его ежедневный заработок не превышает четырех солидов). Садовник (другая показательная категория работников), работающий на тот же госпиталь при Санта-Мария Новелла, получает не больше подручного рабочего. Зато ткач (рабочая аристократия Флоренции, города, специализирующегося на производстве сукна) может заработать от семи до восьми солидов в день³.

Эта значительная разница в оплате труда (подручный рабочий получал вдвое меньше плотника и каменщика) усугубляется тем, что занятость мастера-каменщика более стабильна, чем занятость подсобного рабочего или садовника.

Цены

Чтобы оценить уровень жизни трудящихся во Флоренции времен Данте, рассмотрим, помимо зарплат, цены на основные товары повседневного спроса: хлеб, мясо и т. п. «Зерновые, прежде всего пшеница, составляли во Флоренции основу питания»⁴. Максимальная цена на пшеницу в 1326—1339 годах достигает почти 16 солидов за сетье. Если предположить, что весь заработок уходит на покупку хлеба, то холостой садовник со средней зарплатой может потратить 2 килограмма 860 грам-

мов пшеницы в день, вполне достаточно. Если садовник имеет семью из четырех человек, то при средней зарплате он живет впроголодь: даже максимальная зарплата позволяет ему питаться лишь при условии предельного урезания всех прочих статей семейного бюджета⁵. Если исходить из того, что в году было 280 рабочих дней, то в 1289—1293 годах бюджет обеспеченной семьи из четырех человек должен был составлять 134 солида в месяц. Таким образом, «в 1289—1293 годах даже самые высоко оплачиваемые женатые мастера (месячный заработок не менее 110 солидов) не могли обеспечить уровень жизни зажиточной семьи. Но при этом, по крайней мере, они могли улучшить свое жилище, купить праздничную одежду и даже, при желании, несколько ограничив себя в питании, отправить сына в школу»⁶.

Богатые

Положение буржуазии (*popolo grasso*), разумеется, гораздо лучше. Так, с января 1290-го по декабрь 1293 года семья Амманати истратила 87 лир, 8 солидов и 11 динаров, из которых на питание ушло 48 лир, 13 солидов и 6 динаров, чуть больше половины⁷. Контраст с типичным бюджетом садовника, весь заработок которого (даже в самые лучшие годы) уходит на то, чтобы плохо питаться, плохо одеваться и еще хуже обогревать свое жилище, очевиден. Поднимемся по социальной лестнице, рассмотрим бюджет банкира Перуцци. В 1309 году, ведя обычный для него образ жизни, он истратил 933 лиры. В 1313 году его общий бюджет составил 3025 лир, а в 1315-м — 3659 лир⁸. Правда, речь здесь идет о трех семьях Перуцци, живших под одной крышей. Из общего бюджета в 3659 лир в 1325 году Перуцци потратили на питание 1670 лир. Таким образом, больше половины пошло на другие статьи расходов. Так, 87 лир заплатили за лошадь, 36 лир потратили на жонглеров, шутков и прочие увеселения. Что касается семейства Барончелли, компаньонов Перуцци, то они были в со-

стоянии заплатить 37 лир и 14 солидов некоему посреднику, устроившему брак их сестры: «Этой суммы хватило бы семье из двух человек среднего класса жить в течение года»⁹. Те же Перуцци в XIV веке платили 30 лир в год одному из своих старших мастеров, а у их главных конкурентов, семейства Барди, заработки занятых на производстве варьировались от 65 до 450 флоринов в год¹⁰.

Бедность и нужда

Для лучшего понимания проблемы важно сравнить заработную плату нескольких категорий. К сожалению, наши источники чрезвычайно скудны. Рассмотрим, однако, пример. Выше мы показали, что в последние годы XIII века месячный заработок высоко оплачиваемого мастера-каменщика составлял около 110 солидов. Мы знаем, что это была привилегированная категория работников со стабильной занятостью; каменщики меньше других зависели от колебаний конъюнктуры. 110 солидов в месяц дает 1320 солидов в год. Одна лира равнялась 20 солидам, следовательно, годовой заработок составлял 66 лир. Итак, мастер-каменщик, глава семьи из четырех человек, имеет со своими 66 лирами годовой доход, составляющий 5% от годового дохода семейного клана Перуцци — 1219 лир.

Понятно, что почти весь заработок строительного рабочего уходил на питание. В месячном бюджете работников физического труда 1289—1293 годов на питание шло более 3/4 всех средств; оставшаяся четверть тратилась на покупку обуви, одежды, использование инструментов. Положение семьи из четырех человек удручает еще сильнее: 4/5 заработка уходит на питание, остальное — на квартиру и одежду, и лишь 2 солида «на прочее»: с одной стороны, это неизбежные расходы (уход за детьми, налоги), с другой — затраты на развлечения¹¹. Таков, с позволения сказать, достаток семьи из народа! Лишь холостые, молодые, физически здоровые люди, занятые в привилегированном секторе (например, на стройке),

могут в хорошие времена (когда нет голода, эпидемии, войны, гражданских смут) надеяться на нечто близкое к достатку. У отцов многодетных семей такой надежды нет. Правда, в первые десятилетия XIV века эта ситуация немного улучшится.

Мы говорим о привилегированных категориях работников! Если обратиться к другим секторам, то картина будет более мрачной. Нам предстоит встретиться с нуждой — во всех ее ипостасях. В рассматриваемый период (1289—1293 годы) 27% наемных работников, отцов семейств, должны «тратить на белый хлеб все или почти все деньги, предназначенные на питание». А 13% «не могут себе позволить есть белый хлеб, поскольку на него не хватило бы всего их заработка»¹².

Впав в бедность, флорентиец времен Данте вынужден прежде всего сократить расходы на питание, с белого хлеба перейти на серый, придерживаться меню, в котором преобладает хлеб, отказаться от мяса и овощей. Затем он должен урезать расходы на одежду, обувь, отопление. Он вынужден залезать в долги, чтобы оплачивать квартиру, или не платить вообще, подвергая себя угрозе оказаться в тюрьме в качестве несостоятельного должника. Если обстоятельства не меняются к лучшему, он заболевает, или случается неурожай — бедняга опускается до положения нищего, выживающего благодаря бесплатным обедам. Больше всего поражает то обстоятельство, что, в отличие от нашего времени, бедняками являются не жертвы безработицы или профессиональные нищие, а отцы семейств, занятые полный рабочий день! Если оценивать их положение с точки зрения современной социологии бедности, перед нами босяки — но при всем том это наемные работники, получающие зарплату! Это не маргиналы, не абсолютные бедняки, лишенные всего, кроме лохмотьев, живущие в трущобах на подаяния, монастырскую помощь, пожертвования светских и религиозных обществ, а трудящиеся. Недоедать стало для них правилом. И по этому правилу живут значительные категории населения: в 1290 году около 20% семей! То, что сегодня мы считаем разумным минимумом, гарантированным в большинстве

индустриально развитых стран даже в период мирового экономического кризиса, а именно, достойное жилье, одежда среднего качества, достаточное питание, во Флоренции времен Данте, одном из экономических центров Запада, остается идеалом, достижимым лишь для занятых в привилегированных отраслях хозяйства. Но и они находятся под постоянной угрозой экономической депрессии, голода, эпидемий, войн или даже просто болезни или рождения слишком большого количества детей. Даже если не изображать положение трудящихся в этом богатом городе исключительно в черном цвете (картина, которую нередко можно встретить в специальной исторической литературе), их жизнь далека от идиллии.

Описание нужды и бедности не будет полным, если не вспомнить о беднейших среди бедных — о нищих. Хороший год или плохой, во Флоренции при жизни Данте всегда было множество нищих. Как везде и как во все времена, среди них, разумеется, было немало «профессиональных» нищих: закоренелых бездельников, лишенных корней, всякого рода маргинальных элементов, уродов, появившихся на свет по капризу природы (вроде Квазимодо из романа Гюго), и прочих. Но, в отличие от Парижа времен Гюго, во Флоренции поры Данте не было Двора чудес, где подобные Квазимодо маргиналы могли бросать вызов законам и правилам приличия. Флорентийские торговцы, питавшие благоговейное уважение к труду и порядку, этого не потерпели бы. Нищие здесь подвизаются на улицах, перекрестках, у входа в церкви и монастыри. Иногда нищета имеет облик, не лишенный достоинства: солдаты, покалеченные на войне; жертвы жестокого правосудия или несчастных случаев на производстве; трудящиеся, честные и трудолюбивые, но ставшие жертвой болезни или экономического кризиса; крестьяне из контадо, бежавшие в город, спасаясь от бесчинств чужеземных войск; бывшие заключенные, осужденные по политическим обвинениям или за долги и с трудом вырвавшиеся из страшной тюрьмы Стинке в состоянии полного упадка физических сил, а потому не способные немедлен-

но приступить к работе. Случалось нищенствовать и мелким внецеховым ремесленникам и торговцам, у которых пожар уничтожил лавку или мастерскую. Нет ни социального страхования, ни системы взаимопомощи, к которым они могли бы прибегнуть в своем несчастье. Вот и приходится побираться ради куска хлеба или миски похлебки, ночевать в портиках церквей, развалинах домов или трущобах, лепившихся к городской стене. Такова повседневная жизнь. Когда же случались неурожаи, гнавшие крестьян прочь от бесплодных полей; эпидемии, заставлявшие их бежать в город в надежде найти защиту от несчастья; войны, уничтожавшие дома, урожай и колодцы, — тогда количество нищих резко возрастало. Так, в 1330 году оно увеличилось, по свидетельству хрониста Виллани, с одной до семнадцати тысяч! Обратим внимание на эту цифру: семнадцать тысяч нищих в городе с населением сто тысяч человек! Но флорентийцы справлялись с этой напастью¹³. Правда, в обычное время долгосрочных мер не принимают. В 1289 году коммуна выделяет 2 тысячи лир для оказания финансовой помощи бедным. Эта сумма, достаточно большая для одной тысячи нищих, не меняется в течение многих лет, несмотря на порчу монеты, рост цен и заработной платы¹⁴. Означает ли это, что количество нищих в городе уменьшилось? Едва ли. В действительности нежелание города-государства решать проблему компенсируется деятельностью светских и религиозных братств. Особенно усердны во вспомоществовании бедным, нуждающимся, жертвам экономического кризиса монастыри, а также храм Ор Сан-Микеле: они утоляют их голод регулярными раздачами продовольствия и милостыни. Организация столь хороша, что, например, Ор Сан-Микеле распределяет своего рода карточки (*polizze*), предварительно выявив наиболее нуждающихся (в частности, вдов с детьми)¹⁵. Такая помощь, надо полагать, была достаточной: во Флоренции времен Данте не отмечены ни социальные потрясения, ни сколько-нибудь значительные волнения бедноты. Для города торговцев и банкиров, знавших, что такое труд, это немалая заслуга.

Франческо дель Косса. Занятия женщин. *Фрагмент росписи Зала месяцев в Палаццо Скифаноя. Окончен в 1470—1471 гг. Феррара.*

Симоне Мартини. Гвидориччо да Фольяно. 1328 г. Сиена. Палаццо Пубблико.

Выезд на охоту итальянских феодалов. Фрагмент миниатюры кодекса Ломбардской школы. XIV в.

Скеджа. «Кассоне Адимари». 1440—1445 гг. Флоренция. Уффици.

Антонио Чочи. Скачки на старинной площади Санта-Мария Новелла.
XVIII в. Флоренция. Музей истории Флоренции.

Якопо дель Селлайо. Пир Ассура.
1490 г. Деталь шкафа. Флоренция. Уффици.

Понте Санта Тринита и Понте Веккьо. *Флоренция.*

Кампальдино и Арно.

Неизвестный художник. Приготовление шелковой ткани: окраска нитей. *Трактат об искусстве приготовления шелковой ткани. XV в.*

Неизвестный художник. Деяние святого Мартина. *Фреска. Флоренция. Церковь Святого Мартина.*

Неизвестный художник. Казнь Савонаролы и его сторонников.
Фрагмент. Флоренция. Музей Сан-Марко.

Боттичелли. Иллюстрация к «Божественной комедии». Ад, X.
1492—1498 гг. Ватикан. Библиотека.

Папы, запятнавшие себя симонией, в аду.
Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте.

Альтикьеро и его мастерская. Казнь святого Георгия.
Фреска оратории Сан-Джорджо в Падуе. 1384 г.

Донателло.
Конный памятник
Гатгамелате.
1443—1453 гг.
Флоренция.

Андреа дель Кастаньо.
Фарината дельи Уберти.
Около 1450 г. Флоренция.
Уффици.

◀ Нероччо ди Бартоломео
Ланди и Франческо
ди Джорджо Мартини.
Эпизод из жизни святого
Бенедикта. 1473—1475 гг.
Флоренция. Уффици.

Амброжо
Лоренцетти.
Святой Николай
избран епископом
Мирликийским.
1327—1332 гг.
Флоренция. Уффици.

Джотто. Папа Бонифаций VIII
в юбилейный 1300 год.
Рим. Латеран. Церковь Сан-Джованни.

Бернардо Зенале. Святой
Бернард и монах-цистерцианец.
XV—XVI вв.

Джотто. Мадонна с младенцем на троне с ангелами и святыми.
Первое десятилетие XIV в. Флоренция. Уффици.

Санта-Мария Новелла.
XIII—XIV вв. Флоренция.

Козимо Тура.
Святой Доминик.
XV в. Флоренция. Уффици.

Санта Кроче.
XIII—XIV вв.
Флоренция.

Франческо Франча.
Святой Франциск.
1490 г. Флоренция.
Питти.

Мастер Марии Магдалины.
Святая Мария Магдалина
и восемь эпизодов
из ее жизни.
XIII в. Флоренция. Уффици.

Джотто.
Мадонна с младенцем
и святыми Николаем,
Иоанном Евангелистом,
Петром и Бенедиктом
(Полиптих Бадиа).
1300 г. Флоренция. Уффици.

Церковь Сан-Франческо в Ассизи. *Освящена в 1253 г.*

Двор монастыря Сан-Франческо в Ассизи.

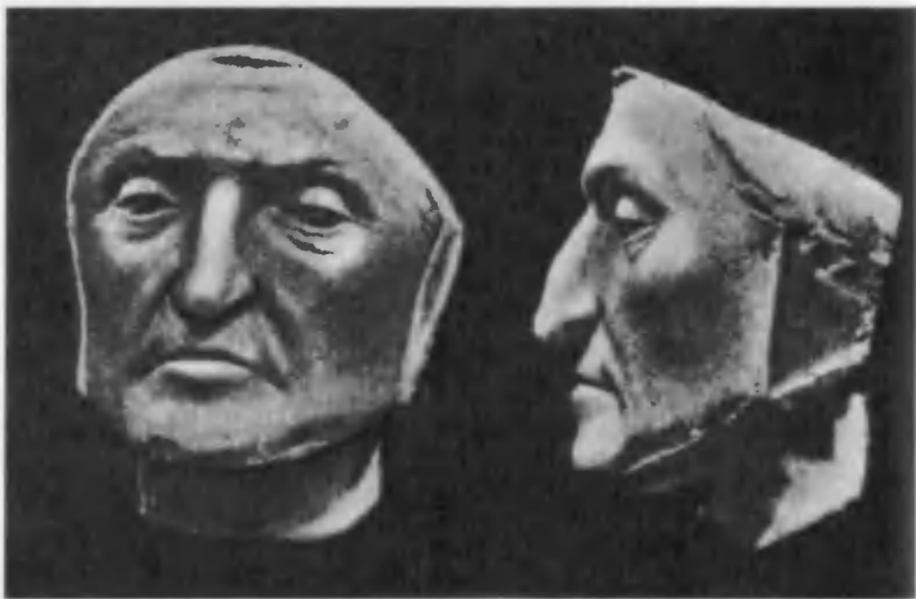
Остатки старой церкви
Санта Репарата в подвальном
помещении собора Санта-Мария
дель Фьоре. *Флоренция.*

Флоренция. Вид на собор Санта-Мария дель Фьоре.

Маска Данте, переданная Лоренцо Бартолини Киркупу.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая

Белое и черное духовенство

Облаченные в сутану

«Тогда во Флоренции и ее пригородах насчитывалось сто десять церквей (считая аббатства и монастырские церкви), среди которых было пятьдесят семь приходских церквей, пять аббатств, двадцать четыре женских монастыря... десять мужских монастырей...» Описание Виллани относится к 1338 году (Хроника, XI, 94). Это значит, что Флоренция, как и другие крупные города средневекового Запада, духовенством была обеспечена более чем достаточно.

По данным специалистов, в средневековом итальянском городе духовенство составляло 3% от численности населения¹. Эту оценку подтверждает Давидсон: «Общее количество духовенства [во Флоренции времен Данте] составляло 3 тысячи человек... на тридцать мужчин и женщин приходилось, по меньшей мере, по одному человеку, облаченному в сутану»². Автор одного недавно проведенного исследования пришел к такому же заключению³.

Виллани не ошибался, говоря о 57 приходских церквях, но он приуменьшил число аббатств: в действительности их было не 5, а 7. Из 57 приходских церквей во второй половине XIII века 47 находились в городе. Кроме того, Флоренция в те времена имела около пятидесяти церквей и капелл в мужских и

женских монастырях. В сельской округе было около шестидесяти приходских объединений (*pivieri* или *pievi*) со своими собственными канониками и клириками и, соответственно, большое количество приходских церквей. В городе размещались монашеские конгрегации бенедиктинцев, валломброзийцев, камальдолийцев, цистерцианцев, францисканцев, доминиканцев, сервитов, августинцев и кармелитов (в общей сложности как минимум 500 человек). Прибавим к ним 500 монахинь, насельниц 24 женских монастырей, послушников обоого пола, представителей третьих орденов* двух больших конгрегаций (францисканской и доминиканской), братьев-мирян, санитаров монастырских госпиталей. Вполне набирается упомянутая цифра — 3 тысячи служителей Церкви.

Нам она может показаться слишком большой. Однако для удовлетворения религиозных запросов эпохи Данте трех тысяч, пожалуй, было недостаточно: в предшествующий период доля духовенства в численности населения была гораздо выше. Это объясняется, в частности, упадком соборного капитула. Выходцы из нескольких знатных фамилий, каноники собора Санта Репарата (кафедральный собор до постройки нового — Санта-Мария дель Фьоре), чаще всего размещали свои резиденции вне стен Флоренции (в 1297 году только двое жили в городе), их численность к 1304 году сократилась до четырех человек, оставаясь неизменной до 1321 года. Кроме того, флорентийская церковь была обременена тяжелыми долгами, что вынуждало ее продавать земли и закладывать ренты.

Клир в кризисе

Флорентийская церковь в конце XIII — начале XIV века переживает кризис. Проявления кризиса, не составляющего отличительную особенность Флорен-

* Третий ордена (или терциарины) объединяют в своем составе мирян, стремящихся к религиозно-нравственному совершенству и примыкающих к тому или иному монашескому ордену, но продолжающих жить в миру и работать по своей профессии. Например, третий орден францисканцев в настоящее время насчитывает в своем составе около трех миллионов человек. (*Прим. пер.*)

ции, многообразны. Прежде всего это кризис во взаимоотношениях между папой римским и епископом. Разумеется, верховным законодателем является папа, но и епископ обладает законодательными полномочиями: отредактированные им статуты диоцеза регулируют повседневную жизнь верующих — «отправление культа и таинств, жизнь клириков, завещания и похороны, отлучение от церкви и interdикты. Эти статуты служат практическим руководством для пасторов, сельских священников, несут в себе свидетельства о действующем праве, повседневных обычаях и нравах»⁴. Другая причина конфликта между папой и епископом — назначение настоятелей церквей; это право некогда принадлежало епископу, но теперь его присвоил папа римский. Триумф нищенствующих орденов приводит к новому конфликту между этими церковными инстанциями: фискальный иммунитет, предоставленный папой орденам, создает внутри диоцеза своего рода островок, на котором юрисдикция епископа не действует.

Не менее остры и многочисленны конфликты со светской властью, как, например, в 1326 году, когда епископ Флоренции своей властью освободил всех терциариев францисканского ордена от податей в пользу коммуны. Источником конфликтов служит также участие мирян в избрании настоятелей некоторых церквей. Судебные полномочия светских и церковных властей не разграничены так четко, чтобы не возникало столкновений между ними. Более того, постоянным явлением политической жизни Флоренции было стремление ее правителей, провозглашавших себя добрыми гвельфами (сторонниками папы), держать под неусыпным контролем духовенство, ограничивая его свободу в налоговой сфере и полностью лишая свободы действий в области политической. В конфликтах с правителями, которые не только не оказывают ему должного почтения, но и не проявляют благонамеренности к нему, епископ может опираться на «народ Божий», к помощи которого ему доводилось прибегать и в спорах с папой. Не случайно в епископальном совете наряду с лица-

ми духовного звания заседают миряне. Участие мирян, представлявших исключительно самые влиятельные семейства Флоренции, позволяет епископу избегать крупных конфликтов с гражданской властью. Возможно, именно этим объясняется исключительно долгое пребывание в своей должности епископа Джованни Манджадори (1251—1273), сумевшего в период жестокого противостояния гвельфов и гибеллинов не признать себя сторонником ни тех ни других. Однако в большинстве случаев политический нейтралитет епископов является естественным следствием принадлежности их, как и других представителей высшей иерархии, к наиболее влиятельным семействам Флоренции и Тосканы⁵. Именно из представителей высшего общества епископ с согласия Святого Престола назначает настоятелей примерно 300 приходских церквей, хотя эти пастыри и не живут во Флоренции⁶.

Во флорентийском духовенстве существует резкий контраст между высшими сановниками и приходскими священниками, часто вынужденными трудиться ради куска хлеба. Что касается нравов духовенства, то к сообщениям новеллистов, в том числе Боккаччо, необходимо относиться с опаской. Но и нелицеприятные суждения Данте о представителях церковной иерархии, самого папы римского среди них, не следует в обязательном порядке расценивать как чрезмерно суровые, хотя и он, случается, вторит несправедливым обвинениям. Так, поместив среди предателей, мучающихся в аду, аббата валломброзийского монастыря Тезоро Беккерия, поэт признал справедливость предъявленного в 1258 году несчастному священнику обвинения в приверженности гибеллинам, стоившего тому жизни (Ад, XXXII, 118—120).

Ни евангельская бедность, ни целомудрие не были в чести у высшего клира, но и низшее духовенство не избежало пороков. Что касается целомудрия, то у них было некоторое оправдание: суждение папы Бонифация VIII о том, что требование соблюдать целибат должно распространяться только на представителей

трех высших рангов духовенства. Однако среди священников было немало тех, кто, пренебрегая церковными запретами, не брезговал денежными подношениями. Умолчим о тех, чье скандальное поведение давало повод для пересудов в обществе (как женском, так и мужском). Но недостойное поведение одних не должно бросать тень на достоинство других. Во времена Данте епископ Франческо Мональдески в короткий срок пребывания во главе диоцеза (1295—1301) явил пример качеств, коими должен обладать добрый пастырь. Иным темпераментом отличался епископ Антонио Д’Орсо, умерший в 1321 году и похороненный в кафедральном соборе: он был страстным защитником коммунальных свобод в период осады Флоренции императором Генрихом VII Люксембургом, прилагал усилия для исправления нравов духовенства, боролся против ростовщичества. Но (такова уж противоречивая натура человека!) этот самый прелат жил подобно важному сеньору; ходили упорные слухи, будто он охотно прощал ростовщиков, откупавшихся щедрыми дарами в пользу Церкви!

Конечно, частые и продолжительные периоды, когда епископская кафедра оставалась вакантной (в общей сложности почти 17 лет в интересующий нас период), давали полную свободу действий не обремененным совестью правителям. Такими были выходцы из семейных кланов Висдомини и их союзников Тосинги. По сложившейся традиции, Висдомини назначались на должность подеста, шателена (начальника крепости) или управителя неукрепленных населенных пунктов, подчинявшихся епископу Флорентийскому. Именно они в день вступления нового епископа в город собирались у ворот и сопровождали его в монастырь Сан-Пьер Маджоре, где он проводил свою первую ночь. Наутро они следовали за ним в кафедральный собор Санта Репарата, а затем, после мессы, в епископский дворец. Висдомини и Тосинги управляли доходами епископства (*mense*), имели право на почести и привилегии, присваивали часть пожертвований, деньгами и натурой, прихожан⁷. В стихах «Рая» (XVI, 112—114) некото-

рые исследователи усматривают намек на эту порочную практику обогащения за счет доходов вакантного епископского престола, которую поэт сурово осуждал. М. Пезар, однако, полагает, что стихи «метят во всех представителей господствующего класса Флоренции, а не только в выходцев из этих двух семейств»⁸.

Но как бы ни относился Данте к семейным кланам Висдомини и Тосинги, он не жалел слов, порицая церковнослужителей. В чем только он не упрекал их! В скупости:

Те — клирики, с пробритым гуменцом;
Здесь встретишь папу, встретишь кардинала,
Не превзойденных ни одним скупцом.

(Ад, VII, 46—48)

В жажде мирских благ:

Он [золотой флорин] папе мил и кардиналам мил;
Их ум не озабочен Назаретом,
Куда раскинул крылья Гавриил.

(Рай, IX, 136—138)

В торговле святынями, и притом в самом Риме:

Там, где Христос вседневным стал товаром.

(Рай, XVII, 51)

В упадке монашеских орденов, в коррупции, гнездящейся в стенах монастырей:

Те стены, где монастыри цвели, —
Теперь вертепы; превратились рясы
В дурной мукой набитые кули.

(Рай, XXII, 76—78)

В лжеучености, плодящей «проповедников вздора, разбойников с индульгенцией»:

Для славы каждый что-то норовит
Измыслить, чтобы выдумка блеснула
С амвона, а Евангелье молчит...

Нет стольких Лапо во Фьоренце людной
И столько Биндо, сколько басен в год
Иной наскажет пастырь безрассудный...

Теперь в церквах лишь на остроты падки
Да на ужимки; если громок смех,
То куколь пьжится, и все в порядке.

(Рай, ХХІХ, 94—96, 103—105, 115—117)

Церкви и монастыри

Мы отмечали, что религиозная жизнь Флоренции времен Данте имела два равных по значению центра: баптистерий и кафедральный собор. Говорили и о том, что в каждом приходе, помимо своей церкви, были многочисленные капеллы, не считая часовен монашеских орденов. Важными центрами духовной жизни являлись и храмы двух больших орденов: Санта Кроче у францисканцев и Санта-Мария Новелла у доминиканцев.

Монашеских орденов было много. Старейший — орден бенедиктинцев, церковь которого (Бадиа) основана в 978 году (ее прихожанином был Данте). Позднее церковь расширили по образцу цистерцианских храмов, возможно, по проекту архитектора Арнольфо ди Камбио (церковь, которую можно видеть в настоящее время, была капитально перестроена в 1627 году). Бадиа, с колокольни которой, расположенной, как мы помним, на старой городской стене, на протяжении столетий церковные колокола отмеряли часы трудового дня флорентийцев, во времена Данте большой роли в жизни Флоренции уже не играла. То же следует сказать о монашеском ордене Валломброзы (ответвлении ордена бенедиктинцев), переживавшем пору упадка, хотя в предшествующие десятилетия он был в числе процветающих конгрегаций Италии, около середины XIII века насчитывал в своем составе 68 монастырей, расположенных по всему полуострову. Во Флоренции ему принадлежала церковь Санта Тринита, построенная во второй половине XI века (во второй половине XIV века она была основательно перестроена, а ее современный фасад датируется XVI веком). Из числа орденов, живших по уставу святого Бенедикта Нурсийского, во Флоренции были представлены также

камальдолийцы, построившие в 1293 году храм Санта-Мария дельи Анджели (в настоящее время Сан-Фреддиано ин Каstellо); цистерцианцы-сеттиманцы, обосновавшиеся в том же квартале города — Сан-Фреддиано; умилиаты, резиденцией которых с 1256 года являлась церковь Д'Оньюссанти (в настоящее время сохраняющая облик, приобретенный в эпоху барокко) и которые, продолжая заниматься мытьем и прядением шерсти, стали, наряду с цистерцианцами-сеттиманцами, управляющими финансами коммуны (от ее имени и сборщиками налогов). Во времена Данте все эти ордена утратили былое величие, и поэт адресует суровое осуждение именно им, а не ордену святого Бенедикта исключительно:

...и для сынов земли
Писать устав мой — лишь бумага трата.

Те стены, где монастыри цвели, —
Теперь вертепы; превратились рясы
В дурной мукой набитые кули.

(Рай, XXII, 74—78)

Помимо бенедиктинцев во Флоренции обосновались августинцы-премонстранты и сервиты, или «слути Марии», появившиеся в городе в 1234 году по инициативе семи богатых флорентийцев и приступившие в 1250 году к строительству церкви Сантиссима Аннунциата (завершена в 1273 году, в XV веке перестроена архитектором Микелоццо). В 1250 году во Флоренцию прибыли монахи конгрегации Санто Спирито, построившие церковь, которую в середине XIV века снесли, чтобы освободить место для строительства собора, шедевра Брунеллески; им и по сей день можно любоваться. Августинцы, монахи с горы Кармель (кармелиты), поселились в городе в 1268 году, их церковь, Санта-Мария дель Кармине, была основательно перестроена в XVIII веке. Другое ответвление августинского ордена — монахи конгрегации святого Эгидия появились во Флоренции в середине XIII века; их полное название — «братья покаяния во имя Иисуса Христа», но они больше известны по насмешливому прозвищу «монахи в мешке» или «меш-

коватые» (*frati della sacca или saccati*) из-за сутаны из грубого материала. Они действовали во Флоренции вплоть до упразднения конгрегации в 1274 году, успев построить Оспедале да Санта-Мария Нуова, в котором и служили. Августинцами были и братья-джамбониты, получившие свое название по имени учредителя конгрегации святого Джованни Боно (1168—1249); некоторое время они служили в Оспедале да Сан-Галло, а затем (после 1265 года) построили в том же квартале свою церковь⁹.

Тамплиеры во Флоренции появились в 1242 году, обосновавшись с 1252 года близ церкви Сан-Якопо, квартал Кампо Корболини, улица Виа Фаэнца; позднее, после ликвидации тамплиеров, эта церковь перешла во владение Мальтийского ордена (ее портик и аркада относятся к той эпохе). Как и повсюду на Западе преследуемые, во Флоренции тамплиеры по крайней мере не были подвергнуты пыткам и сожжению на костре, хотя и лишились своего имущества (в 1311—1312 годах). Данте, не испытывая к ним особой симпатии, в весьма резких выражениях порицал их преследователя, короля Франции Филиппа Красивого:

Я вижу — это все не утолило
Новейшего Пилата; осмелев,
Он в храм вторгает хищные ветрила.

(Чистилище, XX, 91—93)

Он отправил в ад (XIX, 82—89) и папу Климента V, объявившего в 1312 году на соборе во Вьенне об упразднении ордена тамплиеров¹⁰. Но сколь бы ни были велики престиж и могущество этого ордена, ни одна монашеская конгрегация не могла в эпоху Данте соперничать с двумя нищенствующими орденами — францисканцами и доминиканцами¹¹. Флоренция — первый город в Италии, куда в 1211 году вслед за своим создателем прибыли францисканцы, с 1218 года обосновавшись в Оспедале да Сан-Галло. В том же году был открыт монастырь ордена кларисс Монтичелли, в котором они оставались до 1311 года, после чего перешли в Санта-Мария ди Монтедомини,

на Виа Фаэнтина. В 1228 году францисканцы приступили к строительству своего храма Санта Кроче. Проведенные недавно раскопки позволили обнаружить остатки этого храма под плиточным покрытием пола современного собора Санта Кроче, возведение которого началось в 1294 году и завершилось во второй половине XIV века. Первоначальный храм Санта Кроче, сколь бы прост он ни был, быстро стал одним из центров религиозной жизни Флоренции, особенно благодаря чудесам, происходившим на могиле блаженной Умилианы да Черки. Монастырь при Санта Кроче, сделавшийся популярным местом обучения детей из знатных флорентийских семейств, располагал большой библиотекой, где были книги не только религиозного содержания. Община Санта Кроче, похоже, далеко отошла от первоначальной строгости и героической простоты своего святого учредителя, равно как и от его любви ко всем тварям, от его безмерного милосердия. Даже слишком далеко: с 1254 года францисканцы становятся органом инквизиции во Флоренции и всем регионе. Глава местной инквизиции размещается в Санта Кроче.

В 1287—1289 годы Данте поддерживал тесные отношения с Санта Кроче. Именно здесь он узнал идеал чистоты и бедности святого Франциска Ассизского, полюбил его и позднее пространно восхвалял в «Божественной комедии» (Рай, XI, 43 и след.). Он изобразил и борьбу, которая беспрестанно велась в недрах ордена между сторонниками первоначального устава и теми, кто хотел его исправить (Рай, XII). Данте мог знать о полемике между «спиритуалами» и «конвентуалами», группировками внутри францисканского ордена. Одобрял ли он эту полемику? Едва ли, если судить по тому, что он написал в «Божественной комедии» (Рай, XI, XII), по намекам на противостояние серых братьев (миноритов) и черных братьев (или «братьев раскаяния»), — он определенно не одобрял подобного рода эксцессы¹².

Столь же смешанные чувства Данте испытывал к доминиканцам: безграничное восхищение святым учредителем ордена и раздражение из-за распрей

среди его учеников и последователей. Впервые появившись во Флоренции в 1219 году, доминиканцы в 1221 году обосновались в скромной церкви Санта-Мария Новелла, на месте которой в 1246 году начали строить новый, доныне существующий храм, завершённый лишь в 1360 году. Данте мог видеть лишь нижнюю часть его фасада. Кроме того, доминиканцам принадлежал и храм Сан-Якопо (в настоящее время Сан-Якопо сопр'Арно, в значительной мере перестроенный; не путать его с Сан-Якопо ин Кампо Корболини, церковью рыцарей Мальтийского ордена). Во Флоренции, как и повсюду, доминиканцы сумели быстро занять видное место в религиозной жизни. Данте и их упрекал за отход от идеалов их святого учредителя (Рай, XII). Несмотря на это, их влияние, прежде решающее (особенно в период с 1236 по 1254 год, когда в их ведении находилась флорентийская инквизиция), оставалось существенным, хотя сказать, кто в интересующий нас период преобладал — они или францисканцы — невозможно. Тот факт, что доминиканский орден не знал ожесточенной внутренней борьбы, пережитой их братьями-францисканцами, служит доказательством их большей сплоченности и объясняет причину симпатии, которую они внушали к себе. Способствовало этому и исключительно высокое качество обучения в школе при храме Санта-Мария Новелла (в 1272 году в ней преподавал сам святой Фома Аквинский). Именно там Данте узнал и полюбил философию томизма, составившую интеллектуальный костяк «Божественной комедии» и двух ученых трактатов («Пир» и «Монархия»). В Санта-Мария Новелла Данте мог бы, если бы не был изгнан из родного города, слушать самого знаменитого проповедника начала XIV века — брата Джордано да Ривальто¹³.

По-видимому, все, кто во Флоренции времен Данте интересовался литературой и философией, стремились попасть на проповеди и лекции в Санта-Мария Новелла; простой же народ, столь любезный святому Франциску своей простотой и неведением, с удовольствием внимал проповеди в Санта Кроче, хо-

тя францисканцы отошли к тому времени от изначальных идеалов ордена. Несомненно, Данте отразил в своем творчестве протест и возмущение современников, взволнованных, огорченных и оскорбленных постоянными распрями последователей святого Франциска. В интересующую нас эпоху распри стали особенно ожесточенными: ведь именно в эти годы множество братьев-спиритуалов бежало из монастыря Санта Кроче, спасаясь от преследований¹⁴.

Наиболее значительными из женских монастырей считались: обитель Санта Феличита, церковь которой была построена в XI веке на руинах храма времен первоначального христианства (та, которую можно видеть в настоящее время, была полностью перестроена в XVIII веке); монастырь Сан-Пьер Маджоре, пользовавшийся привилегией дать приют новому епископу в первую ночь его пребывания во Флоренции, когда он впервые прибывал в город; монастырь ордена кларисс Монтичелли, принимавший вдов и незамужних дочерей наиболее знатных семейств Флоренции; монастырь ордена кларисс, Санта-Мария ди Монтедомини, на Виа Фаэнтина; монастырь доминиканок Сан-Якопо ди Риполи, основанный в 1229 году; монастырь бенедиктинок Сант-Амброджио ин Питти; монастырь августинок Санта-Мария Маддалена, в Борго Пинти. Об этих, как и обо всех прочих женских монастырях, проповедники того времени придерживались не слишком высокого мнения: один из них уверял, что нет женщин, ставших монахинями по зову религиозного чувства, поскольку в монастырь идут или из-за некрасивой внешности, или по бедности. Правда ли, что в женских монастырях царили те вольные нравы, которые описал в своем «Декамероне» злоязычный Боккаччо? В одной из его новелл рассказывает, как некий Массетто из Лампореккьо, прикинувшись немым, устроился работником в женский монастырь поблизости от Флоренции, «весьма славный своей святостью», и вскоре стал сожительствовать со всеми обитавшими там святыми женщинами, включая и аббатису (Декамерон, III, 1). В другой

новелле Боккаччо рассказывает пикантную историю про аббатису, которая, желая застать посреди ночи врасплох одну из своих монахинь в объятиях ее любовника, поднимается и в темноте вместо платка покрывает себе голову штанами своего собственного любовника, священника! (Декамерон, IX, 2). Вполне возможно, что в этих фривольных историях отразился антиклерикальный фольклор, общий для западного Средневековья. Тем не менее нравы обитательниц женских монастырей Флоренции времен Данте отличались если не распутством, то известной светскостью: в святых обителях устраивали приемы с песнями и танцами! «Женские монастыри города и его окрестностей рассматривались не как убежище чуждых миру душ, а скорее как респектабельное место проживания для дочерей, которых хотели спрятать от глаз мирян, или на приданом которых хотели сэкономить, или которых не надеялись по той или иной причине выдать замуж, а также для вдов и жен, по политическим мотивам оставленных мужьями»¹⁵.

Третьи ордена и братства

С давних пор в Италии существовали ассоциации кающихся грешников, из которых и сформировались третьи ордена.

Третий орден францисканцев возник, по-видимому, во время пребывания святого Франциска во Флоренции в 1211 году. Его устав, в 1221 году утвержденный во Флоренции, быстро распространился по всей Италии. Он регламентировал жизнь терциариев, коим предписывалось жить в бедности и строгом воздержании, не носить оружия и не приносить присягу подеста. Позднее, с 1326 года, терциариев освободили от уплаты коммунальных налогов, что немало способствовало привлечению в третий орден францисканцев тех, кто стремился избежать налогового гнета. Этот приток ни в коей мере не снизил благотворного влияния ордена на политическую жизнь Флоренции времен Данте, когда политичес-

кие антагонизмы ощущались весьма живо, а насилие было повседневным явлением. Терциарии, по цвету сутаны из серой грубой ткани именовавшиеся «серыми братьями», помогали больным и нуждавшимся, занимались благотворительностью. Открытый и для женщин (правда, не сразу: в Санта Кроче они впервые появились только в 1244 году), третий орден францисканцев содействовал развитию мистического опыта и впоследствии испытал посмертное влияние Умилианы да Черки, умершей в 1246 году и похороненной в Санта Кроче; на ее могиле совершались многочисленные чудеса. Но социальное неравенство сказывалось и здесь: четко различались простые «серые сестры», выходцы из народа или мелких горожан, и «баронессы», представительницы аристократии и богатых пополанов. Третий орден францисканцев не избежал общего упадка, став в XIV веке, по мнению некоторых, в частности Боккаччо, «объектом осмеяния и презрения» (но заслуживает ли доверия свидетельство этого старого злослова?)¹⁶. Во времена Данте, который, возможно, и сам являлся терциарием ордена святого Франциска, такого, во всяком случае, не наблюдалось.

Третий орден доминиканцев тоже вышел в XIII веке из ассоциации кающихся грешников. Терциариидоминиканцы носили черную накидку (отсюда их прозвище *mantellate* или *vestite di Santa Maria Novella*, применительно к женщинам). По всей видимости, они играли менее значительную роль, чем их собратья францисканцы.

Братства кающихся грешников не жили общиной, в отличие от терциариев, но собирались вместе регулярно. Некоторые братства, называвшиеся «обществами» или «компаниями», формировались из мужчин и женщин по приходам или сестьерам, иногда — по профессиям. Помимо религиозной деятельности (культ Богородицы и святых, молитвы и процессии) братства оказывали помощь своим членам, бедным и нуждающимся.

Если коротко сказать о братствах, роль которых в повседневной жизни значительна¹⁷, то они занима-

лись разными видами деятельности. Некоторые, как было показано, оставались ассоциациями кающихся грешников, другие же, не ограничиваясь ролью ревнителей благочестия, приобретали важное значение в жизни флорентийской общины.

Все братства должны повиноваться каноническому обязательству: «Братство существует с момента издания епископом формального декрета о его учреждении»¹⁸. Понятию «братство» можно дать следующее определение: религиозная организация мирян, признанная в качестве канонического учреждения и являющаяся юридическим лицом с коллективной собственностью. Братство, связанное с гражданскими и церковными властями, вместе с тем пользуется определенной автономией. Стремясь к совершенной христианской жизни, оно творит милосердные дела. Братство служит одним из наиболее эффективных средств, с помощью которых Церковь окормляет Божий народ, даже если, по мнению некоторых из его членов, это лишь попытка «самоорганизации мирян»¹⁹. Задачи братства многообразны, но могут быть сведены к двум основным. С одной стороны, его члены должны вести жизнь в соответствии с религиозными предписаниями. Отсюда — усердные молитвы, почитание святых, активное участие в богослужении. С другой стороны, член братства является гражданином земного града, а посему должен заботиться о своих собратях, обделенных судьбой, впавших в бедность и нищету, о заключенных и пленниках, больных и умирающих, находиться близ них в последние минуты их жизни, а иногда брать на себя заботы по погребению, организации заупокойной мессы. Кроме того, многие братства идут в авангарде борьбы с ересями — задача, которая специально оговаривалась в их уставах.

Древнейшее и самое влиятельное — братство Девы Марии, учрежденное в 1244 году и утвержденное на следующий год церковными властями. Его создатель, Пьетро Веронский, будущий мученик, основную свою задачу видел в борьбе с ересью. Связанное с доминиканцами храма Санта-Мария Новелла,

братство, называвшее себя Обществом веры и Конгрегацией Богоматери, обратилось к делам милосердия и получило в свое управление сначала госпиталь Фонтевивы, а потом госпиталь Бигалло (не путать с Лоджиа дель Бигалло на площади Санта-Мария дель Фьоре, учреждением, связанным Братством милосердия, созданным в 1326 году).

Под влиянием доминиканцев находится и Конгрегация славящих; это первая в своем роде конгрегация, достигшая значительных успехов. Ее примеру последовали свыше десяти организаций славящих, связанных с одним из крупных соборов (Санта-Мария Новелла, Санта Кроче, Сантиссима Аннунциата, Санта Репарата, Сан-Лоренцо, Сан-Эджидио, Сан-Марко, Санто Спирито, Санта-Мария дель Кармине) или со светским братством Ор Сан-Микеле. Конгрегация посвятила себя главным образом развитию литургического хорового пения, уроки которого проводились каждое воскресенье. Она и возникшие по ее примеру конгрегации участвовали во всех торжественных процессиях. Чтобы прочнее скрепить свое единство, члены братства построили общий склеп поблизости от их церкви.

Первое францисканское братство возникает в 1290 году. Приняв название «Конгрегация славящих храма Санта Кроче», оно, как и вышеупомянутые конгрегации, всецело посвятило себя литургическому пению. Сказанное относится и к Конгрегации храма Санта Репарата (или *societas laudensium Marie Virginis*), называвшейся также Конгрегацией храма Сан-Дзаноби, которая после разрушения храма Санта Репарата переберется в храм Санта-Маргерита а Монтичи²⁰. Члены конгрегации имели право на торжественное погребение в церкви или на кладбище возле нее. В 1303 году были учреждены еще две конгрегации (при храмах Сан-Лоренцо и Сан-Марко), имевшие ту особенность, что в них принимали только женщин.

Из всех флорентийских братств наиболее влиятельным было братство Ор Сан-Микеле, учрежденное в 1291 году, после того как Арнольфо ди Камбио

построил помещение, предназначенное для торговли зерном, на месте капеллы, посвященной святому Михаилу. Братство обладало тремя характерными особенностями: оно было исключительно светским, не владело какой-либо недвижимостью и включало в список своих членов, как живых, так и умерших братьев. Несомненно, это послужило причиной его успеха среди крупной торговой буржуазии, рассматривавшей братство как свое дело. Официально признанное в 1294 году епископом, оно пользовалось значительными привилегиями. В 1318 году братство было официально признано и флорентийской коммуной. Руководителями братства могли быть только добрые гвельфы, иначе говоря, верные сторонники флорентийской модели демократии. В период своего наибольшего могущества (около 1365 года) братство Ор Сан-Микеле, получившее после чумы 1348 года завещанного имущества на общую сумму в 350 тысяч золотых флоринов (огромное состояние), было настоящим финансовым магнатом. Но Данте, современник учреждения этого братства, не застал его в период расцвета и, видимо, поэтому ни разу не упоминает его в своих произведениях.

Братство Ор Сан-Микеле специализировалось на оказании помощи бедным. Среди его членов бедняки встречались крайне редко: в братство входили представители состоятельных семей (трудящихся среди них нет). Зато все нуждавшиеся, а в голодные годы их были тысячи, могли быть уверены, что всегда найдут у братства денежную помощь (по шесть динаров на человека, до четырех раз в неделю во время голода). Мы говорили, что Ор Сан-Микеле вел списки получателей карточек (*polizze*), по которым предоставлялась помощь²¹. В список включалось в среднем до ста человек (чаще всего матери многодетных семей, вдовы с детьми, старики, инвалиды и даже люди, не имевшие средств для оплаты своего жилья). В голодные же годы помощь получали до семи тысяч человек деньгами, продовольствием, предоставлением ночлега (в принадлежавших брат-

ству больнице и доме во Флоренции или на постоянных дворах), одеждой. Кассы братства, пополнявшиеся за счет завещанного имущества, никогда не пустовали, что позволяло помогать всем нуждавшимся в городе и его округе²².

Глава вторая

Культ

«Народная религиозность в Средние века характеризовалась на протяжении всей интересующей нас эпохи (XI—XV века) определенным количеством почти неизменных черт: религия, нуждающаяся во внешних проявлениях культа, например, в том, чтобы видеть объект поклонения, и потому носящая в основном внешний характер; религия, основанная на тяге к чудесному, фантастическому, сводящаяся к постоянному ожиданию чуда, так что в конце концов само чудо начинает казаться чем-то естественным, утрачивая собственную трансцендентность и вообще смысл; религия антропоцентрическая, более озабоченная поисками путей спасения души, нежели прославлением Бога; религия, зачастую отделенная от морали и сводящаяся лишь к культу и добрым делам, но в любом случае к ритуалам; религия, вместе с тем, христоцентрическая...»¹

Эти строки одного из лучших специалистов по данной проблеме служат предисловием и руководством к главе, поскольку религиозность флорентийцев времени Данте по существу не отличалась от той, что мастерски охарактеризована выше.

Культ и проповедь²

Флорентийцы, похоже, не слишком прилежно посещали воскресную мессу (в принципе, обязательную для добрых прихожан), хотя женщины по будням присутствовали на утреннем богослужении. Впрочем, мессу можно было заказать, уплатив всего несколько динаров для поминовения усопших и за

собственное здравие. Однако бывали настолько важные службы, что верующие до отказа наполняли не только церковь, но и прилегающие к ней улицы. Так было по случаю перенесения во Флоренцию мощей святого Дзаноби в январе 1301 года, когда торжества продолжались целых десять дней. Этому не следует удивляться: с XI века в обязанность христиан было вменено присутствие на мессе с начала до конца; обязательным было и причащение на Пасху — требование, введенное Латеранским собором 1215 года. Ослушникам грозило отлучение от церкви, влекущее за собой запрет на погребение в освященной земле. Флорентийцы, однако, пренебрегали этими обязанностями. Предоставив женам и детям ежедневно славить Господа, они появлялись в церкви изредка, обычно по воскресеньям. Исключениями были Пасха, День святого Иоанна Крестителя и торжественные церемонии, в которых священное состязалось с мирским: въезд в город прелата или празднества по случаю победы.

В повседневной жизни на верующих возлагаются только две обязанности: воздержание от мяса по пятницам и соблюдение сорокадневного поста. Что касается молитвы, то она лишь рекомендуется. Короче говоря, религиозная жизнь Флоренции времен Данте знала два апогея: Пасху и День святого Иоанна Крестителя, но зато уж праздновались они со всеми надлежащими церемониями, долго и пышно. Повседневность отмечена некоторым безразличием к религии. Такова особенность Флоренции, неизменная на протяжении веков, хотя флорентийцы способны к мистической экзальтации, которая воспламенит Савонаролу в конце XV века. Но исключение лишь подтверждает правило.

Культ отражает это безразличие. От его древних форм не остается ничего, кроме нескольких проявлений, особенно на Святой неделе. В пятницу клир и верные преклоняли колена и целовали распятие, поставленное на коврике перед главным алтарем; в субботу свечу, зажженную в храме Санта-Мария Сопра Порта, приносили в сопровождении большой про-

цессии в Баптистерий, затем, после благословения, переносили в храм Санта Репарата, колокола которого после мессы начинали перезвон.

Зато проповеди³ в рассматриваемую эпоху стали придавать особое значение. Прежде она являлась прерогативой епископа, который, однако, брал слово лишь в редких случаях (Пасха, Майский праздник, праздник святого Дзаноби, являвшегося, наряду со святой Репаратой, покровителем Флоренции). Что касается каноников, то они были обязаны читать проповедь тридцать два раза в год, в частности во время Рождественского и Великого постов.

С 1250 года проповеди произносятся регулярно и часто. Проповедь была доверена доминиканцам и в меньшей мере францисканцам. Была ли проповедь исполнена благочестия? Если верить Боккаччо, «проповеди монахов в наши дни чаще всего изобилуют остротами, пустой болтовней и всяческой ерундой» (Декамерон, заключение). Мне возразят, что Боккаччо отнюдь не беспристрастен в вопросах религии. Однако Данте не менее суров. Он произносит те же слова, что и Боккаччо:

Теперь в церквах лишь на остроты падки
Да на ужимки; если громок смех,
То куколь пьжится, и все в порядке.

(Рай, XXIX, 115—117)

Впрочем, мы знаем, что даже лучшие, наиболее благочестивые проповедники, чтобы понравиться публике, не стеснялись щеголять показным, заимствованным знанием (за это их и упрекает Данте). Они разглагольствовали, например, об астрологии, о переселении душ, о языческой мифологии, или, как нередко случалось, о дожде и о погоде. Немало в проповеди «красивостей»: фамильярных сравнений, острот, намеков на известных лиц или события городской жизни.

Важно отметить разницу в проповедях доминиканцев и францисканцев. Доминиканцы, подготовленные лучше, специально обученные, строго держались правил композиции и следовали типовому

плану: тема (*thema*), введение (*introductio*), изложение по пунктам (*divisio*), иногда также вводные разъяснения к предмету изложения (*prothema*) и дробная разбивка материала (*subdivisio*). Францисканцы, верные духу учителя, говорили совершенно свободно, предаваясь вольной импровизации и не стесняясь, дабы тронуть сердца смиренных слушателей, вместо введения предаться шутовству и юродству, рискуя предстать чудаками в глазах разумных, здравомыслящих людей: пример был подан самим Франциском Ассизским.

Не стесненная жесткими рамками риторического периода, проповедь лилась совершенно свободно, изобилуя безыскусными притчами, поражая воображение простолюдина примерами чудесного и назидательного. Всеми этими приемами умело пользовался один из самых знаменитых проповедников брат Ремиджио Джиролами, возможность слушать которого была у Данте. Настоятель и преподаватель монастыря Санта-Мария Новелла, ученик и друг святого Фомы Аквинского, восприимчивый к различным наукам, философ, историк, поэт, Ремиджио умер в 1319 году в возрасте 84 лет, окруженный всеобщим уважением. Но, может быть, именно чрезмерная тяга к знаниям, риторическим приемам, лести, расточаемой в адрес высокопоставленных персон, и навлекла на проповедника критические упреки Данте. Зато у последнего не было возможности послушать преемника Ремиджио, доминиканца Джордано да Ривальто (1260—1311), проповедовавшего во Флоренции в 1303, 1304, 1305 и 1309 годах. Его ценили за эрудицию (он знал древнееврейский и немного древнегреческий язык), начитанность в латинской и древнегреческой литературе, умение овладеть аудиторией благодаря ученому, но вместе с тем и понятному стилю изложения. В своих проповедях он обличал роскошь и распутство, порицал ростовщичество и страсть к наживе, превозносил великие достоинства бедняков...⁴ О нем можно сказать, что «даже если бы оказались утраченными все прочие историчес-

кие и культурные документы [...], в боговдохновенных речах брата Джордано мы нашли бы исчерпывающую картину общества конца XIV века»⁵.

*Процессии, паломничества и реликвии*⁶

Жажда зрелищ, один из существенных компонентов народной средневековой религиозности, находит наиболее полное удовлетворение именно в процессиях. Бывали процессии экстраординарные, такие, как описанный выше перенос мощей святого Дзаноби или через три года доставка в Баптистерий фрагмента облачения Христа и костей святых Якова и Алексия. Но и обычные шествия получались не менее пышными, например, ежегодная процессия в честь святого Дзаноби, проходившая под музыку, или более частые процессии цехов в честь их святых покровителей (особенно многолюдная — в честь святой Агаты, защищавшей, как верили, город от пожаров, наиболее распространенного в те времена бедствия). Однако с процессией в честь святого Иоанна Крестителя, о которой уже говорилось и которая собирала, можно сказать, весь город и немалую часть обитателей контадо, не могла сравниться ни одна другая. Каждая церковь Флоренции имела своего святого покровителя, в честь которого, по крайней мере раз в год, устраивали процессию: в общей сложности за год набирается добрая сотня таких шествий! Наряду с ними по улицам города проходили шествия Конгрегации славящих — с развернутыми хоругвями Девы Марии, в самой гуще толпившегося народа. Короче говоря, в течение всего года длинной чередой следовали процессии, достигая апогея на Пасху и в День святого Иоанна Крестителя — одни в пределах прихода или ремесленного цеха, другие в масштабах города, собирая десятки тысяч участников. Но флорентийцы, обладавшие изрядной долей природного скептицизма, не доходили в проявлениях религиозного энтузиазма до крайности. Так, например, в 1262 году, когда движение флагеллянтов точно морской прилив захлест-

нуло Центральную Италию, граждане Флоренции захлопнули перед их носом ворота города, а затем изгнали из сельской округи. Спустя пятьдесят три года история повторилась⁷.

Народная религиозность Средневековья находила выражение и в паломничествах⁸. В те времена отправиться в паломничество было делом нешуточным, сопряженным с угрозой для жизни самого паломника, поэтому отправке в столь опасный путь предшествовало принятие «героического решения», ни в коей мере не связанного с удовлетворением материальных интересов. Разумеется, имела значение «естественная надежда на обретение волеизъявленного здоровья — для самого себя или близкого человека», но побудительным мотивом всегда был «дух покаяния, а отнюдь не поиск возбуждающих нервы приключений». Такое понимание средневекового паломничества, поддержанное большинством специалистов, в полной мере относится к флорентийцам времен Данте. Как и у всех паломников, у них были три цели: святые места в Палестине, могила святого апостола Петра и Сантьяго-де-Компостела. Одевание паломников не зависело от того, в какое место они направлялись (длинный плащ с капюшоном, круглая шляпа с широкими полями, посох, сума, знак на плаще — кокиль, изображение средиземноморской раковины, — у отправлявшихся в Сантьяго-де-Компостела и крест у шедших в Иерусалим). Называли они себя по-разному, соответственно тому, к какой святыне шли: *palmiere* — совершавшие паломничество в Святую землю, откуда (точнее, с берегов Иерихона) они привозили пальмовые ветви; *romeo* — направлявшиеся в Рим; *peregrino* или *pellegrino* — паломники в Сантьяго-де-Компостела.

Самым престижным считалось паломничество в Святую землю. «В иерархии объектов поклонения Иерусалим, бесспорно, затмевал все прочие». Во времена, когда Крестовые походы отошли в область преданий славной старины и стали поводом для благочестивых обетов, флорентийцы были вынуждены

ограничиваться паломничествами, объединяясь для этого в специальные братства «крестоносцев». Стоит ли серьезно относиться к этим «крестоносцам», зная, что они освобождались от налогов и от уплаты долгов? Но можно ли так легко их осуждать, помня об опасностях, которым они подвергались в пути? Жителю Флоренции было проще всего совершить паломничество в Рим — не потому, что путь был менее опасен (шайки разбойников нагоняли страху на путников), а просто расстояние короче, даже если его преодолевали пешком. В Риме паломник отправлялся в базилику Святого Петра помолиться на могиле апостола, а затем — в храм Святого Павла на могилу второго апостола. В Риме можно было поклониться святым мощам апостолов Варфоломея, Якова Младшего, Филиппа, Симона, Иуды, Андрея, Матфея. Инициатива папы Бонифация VIII, провозгласившего 1300 год юбилейным, придала дополнительный блеск этому паломничеству. Сотни тысяч паломников со всей Европы отправились в 1300 году в Рим; среди них были и два знаменитых флорентийца: Данте, вспоминая «наплыв толпы» на мосту Святого Ангела (Ад, XVIII, 28—30), и хронист Джованни Виллани. Однако поток паломников в Рим, как и в Сантьяго-де-Компостела, не иссякал никогда. Для флорентийцев паломничество в Испанию представлялось настоящей экспедицией, однако наиболее благочестивые (их было немного), как, например, лучший друг Данте, поэт Гвидо Кавальканти, заставляли себя его совершить.

О том, что паломничества в эпоху Данте были повседневным явлением, свидетельствует сам поэт. «В то время года, когда многие люди отправлялись в путь с целью увидеть благословенный образ, оставленный нам Иисусом Христом в свидетельство о самом себе [плащаницу]... случалось, что паломники проходили по нашей улице» (Новая жизнь, XI). Он, как и мы, подразделяет паломников на три категории. Данте сравнивает себя с паломником, приносящим «жезл с пальмовым листом» (Чистилище, XXXIII, 78), и вновь вспоминает о плащанице:

Как тот, кто из Кроации, быть может,
Придя узреть нерукотворный лик,
Старинной жаждой умиление множит.

(Чистилище, XXXI, 103—105)

Конечно, чаще всего флорентийцы посещали могилу святого Франциска Ассизского, благо она была неподалеку. Жители Флоренции времен Данте, судя по всему, не горели желанием совершать дальние экспедиции, какими были паломничества к святым местам. Видимо, можно согласиться с суждением Давидсона, в коем звучит разочарование: «Кто любил комфорт или не имел достаточных средств, тот ограничивался прогулкой к храмам Сан-Галло или Санта-Мария Примерана на Пьяцца да Фьезоле»⁹. Можно было также пойти помолиться в церквушку Сан-Джованни деи Кавальери или перед чудотворным образом Мадонны в капелле Святой Марии Магдалины.

Культ святых реликвий занимал особенно важное место в народной религиозности Средневековья. Боккаччо откровенно потешался над ним, рассказывая, как брат Чиполла, пообещавший крестьянам показать перо ангела Гавриила, открыл сундук и, к своему великому изумлению, не обнаружил там ничего, кроме угля, подложенного проказниками-ребятами вместо пера. Однако этот находчивый человек сумел выпутаться, заявив, что в сундуке лежит именно тот уголь, который разжигали, подвергая мучениям святого Лаврентия (Декамерон, VI, 10). Количество святых реликвий было огромно, а их подлинность зачастую сомнительна¹⁰. Вполне серьезно показывали флакон с молоком Девы Марии, прядь волос Магдалины, посох святого Иосифа (будто бы исцелявший паралитиков). «Простые люди верили, что реликвии обладают подлинно чудесными свойствами, поскольку в них живет святая и божественная сила Христа, Девы Марии и просиявших на земле святых»¹¹. Кроме того (и это обстоятельство, несомненно, имело большее значение), в вере, которая никогда не упускала из виду земной аспект религии, «присутствие реликвий святого мученика в городе пред-

ставляло собой своего рода талисман, которому приписывались чудотворные свойства и который крепил солидарность среди членов городской общины»¹². Одной из причин горячего почитания святого Дзаноби и святой Репараты была вера в то, что Флоренцию спасло от готов их заступничество, о чем рассказал хронист Виллани¹³.

Суеверия и магия

Где проходит граница между культом святых реликвий и суеверием? Некоторые аспекты этой проблемы удивительны даже не сами по себе, а тем, как реагировала на них инквизиция. Так, вполне невиновный, на наш взгляд, обычай делать и получать подарки по обету расценивался инквизиторами как преступная попытка избежать участи, предусмотренной Богом. Безобидные, по нашему мнению, кабалистические знаки и толкование снов получили столь широкое распространение, что Данте не преминул упомянуть о них устами Уголино:

... зловещий сон меня потряс,
Грядущего разверзши покрывало.
(Ад, XXXIII, 26—27)

Считали несчастливыми определенные дни недели: понедельник — для коммерсантов, четверг и пятницу — для всех без исключения.

Астрологии стоило бы посвятить целую главу, тем более что Данте дает повод для этого; он не стыдится признать, что, родившись под знаком Близнецов (период с 21 мая по 22 июня), талантом своим обязан созвездию:

О пламенные звезды, о родник
Высоких сил, который возлелеял
Мой гений, будь он мал или велик!
(Рай, XXII, 112—114)

И при этом, странным образом противореча самому себе, он полагает, что ад — наиболее подходящее место для магов и прорицателей:

... каждый оказался странно скручен
В том месте, где к лицу подходит грудь;

Челом к спине повернут и беззвучен,
Он, пятясь задом, направлял свой шаг
И видеть прямо был навек отучен.

(Ад, XX, 11—15)

Противоречит себе Данте и в том, что твердо верит в реальность огненного шара, появление которого на небе возвестило о смерти Августа (Пир, II, 14). Это такое же заблуждение, как и вера во влияние звезд и в возможность предсказывать будущее, известное одному лишь Богу. Давидсон в связи с этим напоминает, что лишь около 1435 года, спустя более века после смерти Данте, астрологию перестали отождествлять с астрономией. В интересующую нас эпоху вся Флоренция верила, что Баптистерий построен при благоприятном стечении звезд, что звезды помогали восстановлению Флоренции Карлом Великим, а победа на Кампальдино в 1289 году была предречена громким криком, огласившим весь город. Более того, коммуна не принимала ни одного важного решения, предварительно не проконсультировавшись с именитым астрологом. И даже такой рассудительный рационалист в делах политики, каким был Дж. Виллани, твердо верил, что наводнение 1333 года, разрушившее во Флоренции все мосты, объясняется сближением семи планет точно так же, как и праведным гневом Божиим (Хроника, XI, 2).

Среди официальных астрологов во времена Данте не было знаменитее Франческо Стабили, прозванного Чекко д'Асколи. Пройдя курс астрологии в Болонском университете, он в 1327 (?) году прибыл во Флоренцию, чтобы занять официальную должность астролога и личного врача герцога Карла Калабрийского. По причинам как политического (он нелицеприятно отзывался о дочери герцога Калабрийского Иоанне, будущей королеве Неаполитанской), так и «научного» (вызвал к себе ненависть флорентийских врачей) характера он был приговорен к смерти и в сентябре 1327 года заживо сожжен на костре; тогда же были преданы сожжению его книги. Вполне веро-

ятно, что Данте имел в виду именно его, выражая собственное отвращение к магам и прорицателям, тем более что Чекко заявлял о своей глубокой неприязни к Данте, в поэме «Жестокая», заслужившей восхищения Петрарки, потешаясь над лженаучными представлениями, нашедшими отражение в «Божественной комедии».

От астрологии до магии всего лишь шаг, и это расстояние люди средневекового Запада, в том числе и флорентийцы, преодолели очень быстро. Тогда верили в превращение металлов и суеверно боготворили золото: папа Климент V велел скоблить напильником золотой флорин, а полученную золотую пыль глотал! Верили в некромантию и в чудеса, которые прочно связывали со святостью и считали ее зримым доказательством. Скептик Боккаччо серьезно (или как бы серьезно) рассказывает многочисленные истории о магии. Так, мадам Дианора требует от синьора Ансальдо майский сад в середине января, и ему с помощью некоего некроманта удастся выполнить эту просьбу (Декамерон, X, 5). В том же роде и трогательная история о синьоре Торелло, который благодаря султану, своему другу, ночью переносится из Египта в Павию (Декамерон, X, 9). Или еще: ловкий обманщик дон Джанни превращает молодую женщину в кобылу (продолжение истории выходит за рамки приличия, поэтому мы отсылаем читателей к тексту новеллы) (Декамерон, IX, 10). Верили в чудодейственную силу растений, и тот же Боккаччо рассказывает, как благодаря удивительному порошку растительного происхождения некий аббат усыпил Феррондо, чтобы переспать с его красавицей женой (Декамерон, III, 8). Но, вне всякого сомнения, всех очаровательнее история о гелиотропе, камне, обладавшем свойством делать невидимым того, у кого в данный момент находился. Данте, похоже, в это верил (Ад, XXIV, 93). Впрочем, все средневековые авторитеты в области естественной истории (Плиний, Исидор Севильский и другие) придерживались общего мнения, расходясь в незначительных деталях, что гелиотроп приобретает упомянутое свойство

только после того, как натереть его соком, полученным из листьев растения с таким же названием — гелиотроп. У Боккаччо есть история о том, как два любителя глупых шуток уговорили некоего простака сделаться невидимым благодаря гелиотропу; сам рассказчик, по всей видимости, не заблуждался на счет достоверности легенды о чудесном камне (Декамерон, VIII, 3). Верили в любовный напиток, в колдунов и ведьм, в зловредную силу воронов, сов и даже некоторых цветов (в частности, зеленого цвета). Перечень суеверий можно продолжить, некоторые дошли до наших дней и еще живы в деревнях.

Но, пожалуй, наиболее примечательным было отношение духовенства: клир жил, с головой погрузившись в атмосферу суеверий. В 1300 году епископ Флоренции запретил доминиканцам заниматься алхимией и колдовством¹⁴.

Таким образом, народная религиозность во Флоренции времен Данте соответствует определению, данному специалистом¹⁵. Это была «наглядно-действенная» религия. Ее главными признаками были: процессии, хоровые молитвы, культ святых, среди которых важнейшее место занимала Дева Мария, почитание апостолов, паломничества, неотступная мысль о Страшном суде и воздаянии в загробной жизни, обилие чудес. Всему этому есть убедительные свидетельства в «Божественной комедии», где встречаются почти все перечисленные атрибуты. Некоторые из них преобладают: неотступная мысль о Страшном суде и вечных карах в загробной жизни, главенствующая роль Девы Марии и ее почитательниц (в том числе Беатриче), культ святых (среди них святой Бернар, святой Франциск, святой Доминик и святой Фома), почитание апостолов (прежде всего Петра), процессии (упоминаются в «Аду» и «Чистище»), хоровое пение (особенно в «Раю», представленном в виде одной большой симфонии).

Испытывала ли религиозность флорентийцев влияние святого Франциска и святого Доминика, которое в странах Западной Европы в XIII веке было преобладающим?¹⁶ Что касается святого Франциска

(о влиянии святого Доминика исследований нет): непохоже, чтобы во времена Данте его великие заповеди находили воплощение (жизнь по Евангелию, героическая бедность, подражание Христу вплоть до готовности претерпеть мучения, любовь ко всем Божьим тварям, радость и бодрость духа, прощение обидчикам). Произведения Данте служат лучшим тому свидетельством. Вы не найдете в них ни прощения обидчикам, ни любви ко всем Божьим тварям, ни подражания Христу. Напротив, они преисполнены жгучей, ничем не прикрытой ненависти к политическим противникам; ментальной и физической жестокости, находящей свое выражение в том мрачном наслаждении, с каким поэт описывает чудовищные казни; в его отношении к осужденным на муки. В конечном счете они пронизаны не религией, долженствующей быть невыразимой любовью (любовь присутствует разве что в высших сферах Эмпирея), а непреклонным желанием наказывать и преследовать побежденного противника, мелочным взвешиванием заслуг и грехов, пессимистическим отношением к человеческой природе — короче говоря, мы видим смесь мстительной ярости и необузданной надежды, несомненно, присущих его мрачному гению, терзаемому страстями. Данте никак не может быть учеником Франциска Ассизского. Его философская система вполне адекватна томизму, поэт, бесспорно, гораздо ближе к доминиканцам — рационализмом, вкусом к наукам, широтой ума и взглядов, пристрастием к достоверности и истолкованию.

Сказав о вдохновенном поэте, обратимся к смиренному народу Божьему. Приходится констатировать, что влияние францисканцев на протяжении всего XIII века неуклонно ослабевало¹⁷. Два примера: имя Франциск, крайне редкое до 1280 года, в последующие годы начинают употреблять чаще, но все равно: доля Францисков не превышает 0,5%, это имя занимает 22-е место, далеко позади таких имен, как Пьеро, Джованни или Якопо. Что касается влияния францисканцев в сельских пригородах, то их действия, непоследовательные и бессистемные, ста-

новятся заметными позднее. Распри, сотрясавшие орден в конце XIII века (Флоренция была главным в масштабах всей Италии центром движения миноритов-спиритуалов), вызвали сначала растущую неприязнь к конвентуалам, а затем, после поражения спиритуалов (1312—1314 годы), к ордену в целом. Кроме того, тот факт, что францисканцы исполняли функции инквизиции, слишком часто собирали пожертвования (строительство собора Санта Кроче требовало больших средств) в сочетании с другими мотивами, перечень которых был бы слишком длинным, обусловили суровое отношение Данте к сынам святого Франциска Ассизского и резко ослабили их влияние на религиозную жизнь Флоренции его времени.

Глава третья

Изгой¹

Евреи²

В истории еврейской диаспоры ее итальянская семья «не только самая древняя, но и единственная не знавшая перерывов в своем существовании на новой родине»³. На протяжении веков итальянские евреи не подвергались преследованиям и не были отверженными, мирно сосуществуя с итальянским народом, без осложнений и потрясений⁴.

Во Флоренции сколь-либо значительной еврейской общины не было вплоть до XV века. Когда еврей Бенжамин Йонас, отправившийся из Испании в 1159 (?) году в путешествие по свету, дважды проезжал по Италии (туда и обратно), во Флоренции он не встретил своих единоверцев, тогда как в Пизе насчитал десятка два еврейских семей, в Лукке — семей сорок и весьма многочисленную общину в Сиене. Во Флоренции евреи появляются лишь в начале XV века, хотя и раньше не было никаких препятствий; они прибыли по официальному приглашению коммуны, чтобы составить конкуренцию местным ростовщи-

кам, требования которых становились нестерпимыми⁵. Однако численность евреев во Флоренции еще долго оставалась незначительной.

Взаимоотношения евреев с Церковью на протяжении длительного периода регулировались Постановлением о евреях (*Constitutio de Judaeis*), обнародованном папой Каликстом II (1119—1124). Оно гарантировало привилегии, которыми пользовались их предки, и основные гражданские и религиозные права, а также предоставляло защиту от всякого рода преследований и посягательств против личности и имущества. Однако в 1215 году желание папы Иннокентия III искоренить ересь нашло свое выражение в том, что IV Латеранский собор свел евреев до положения вечных рабов⁶, обязав их носить одежду, отличающуюся от одежды других граждан, запретив им появляться на публике в течение трех последних дней Страстной недели, лишив права занимать официальные должности, поставив под жесткий контроль всех новообращенных в христианство и запретив заниматься ростовщичеством⁷. Подвергаясь после 1235 года преследованиям инквизиции, евреи, хотя и освобожденные в 1247 году папой Иннокентием IV от обвинения в совершении ритуальных убийств (иначе говоря, умерщвления христианских детей для использования их крови в ритуальных целях), оказались между постановлением Каликста II и репрессивными, дискриминационными решениями IV Латеранского собора. С тех пор они влачили жалкое существование изгоев, заложников, козлов отпущения и невинных жертв антисемитизма, корни которого, увы, в христианстве⁸.

В хозяйственном отношении евреи теоретически обладают правом заниматься любой профессией. Фактически их выбор ограничен торговлей и ремеслом, прежде всего ткачеством (шелк, шерсть, лен) и окрашиванием сукон. В связи с этим их отсутствие во Флоренции, одном из центров текстильного производства в Европе, кажется удивительным. Главная сфера их деятельности — ссудные операции, где они занимают первое место. Ростовщичество запрещено

церковным интердиктом, подтвержденным решениями IV Латеранского собора, предписывавшими воздерживаться от «получения тяжких и чрезмерных процентов»⁹; но ссуды под умеренные проценты разрешаются, и евреи специализируются на этом виде деятельности. Хотя им и запрещается вступать в цех, они активно осваивают профессии, включенные в цеховую организацию, — особенно их много среди врачей. Повторим, присутствие евреев во Флоренции времен Данте было столь незначительным, что мы не можем сказать о них что-либо определенное.

В завершение этой темы напомним, что первое гетто во исполнение распоряжения папы римского появится в 1555 году в Риме¹⁰. Во Флоренции гетто разместится в самом центре Старого города и будет ликвидировано в XIX веке; на его месте располагается современная Пьяцца делла Република. Что касается отличительного знака для евреев, то он появится во Флоренции лишь в 1446 году (кружок из желтой ткани на груди), хотя употребление его предписывалось еще в 1215 году решением IV Латеранского собора. Во Франции евреи носили круглый матерчатый значок, пришитый на левой половине груди, и остроконечный колпак.

Как Данте относился к евреям и иудаизму? Он знал историю еврейского народа (трактат «О народном красноречии», I, VI, 5; I, VII, 8). Ему было известно, что евреи, перешедшие Красное море, но убоявшиеся последовать за Моисеем, так и не увидели Земли Обетованной (Чистилище, XVIII, 133—135). Он упоминал о завоевании Палестины (Чистилище, XX, 109 и след.). Он поместил двух евреев в круг четвертый своего «Чистилища», где подвергаются наказанию унылые (Чистилище, XVIII, 130—135). Зато в рай он отправил, вместе с Беатриче, Рахиль, символ созерцательной жизни, Сарру, Ревекку, Юдифь и Руфь (Рай, XXXII, 8—12). Рахиль упоминается и в другом месте (Ад, IV, 55—60). Данте не преминул отправить в ад Каифу, представив его распятым на кресте (Ад, XXIII, 115—120); четвертому поясу, в котором мучаются предатели величества Божеского и

величества человеческого, он дал название Джудекка (Ад, XXXIV); здесь терпит мучения Иуда, стиснутый в одной из трех пастей Люцифера (Ад, XXXIV, 61—63)¹¹. Само название Джудекка служит, бесспорно, прямой смысловой отсылкой к гетто, которые в Средние века, например, в Венеции, назывались именно так¹². В «Божественной комедии» встречаются имена наиболее известных персонажей Ветхого Завета. Можно было бы заключить, что Данте знал Священную Историю. Но все же интереснее вернуться к некоторым стихам, чтобы сделать более важные выводы¹³. Для Данте нет ни малейшего сомнения относительно того, что евреи являются избранным народом (трактат «О народном красноречии», I, VII, 6), но после явления Спасителя это свое качество они утратили. Отныне народом Божиим являются христиане. Началом несчастий евреев послужило предание Христа на казнь (Ад, XXIII, 123; Рай, VII, 7). Их стали ассоциировать с неверными (Ад, XXVIII, 87; трактат «Пир», II, VIII, 9). Можно ли назвать Данте антисемитом? «Он лишь выражал суждения относительно иудаизма, распространенные среди христиан его, да и не только его, времени и основанные на Новом Завете...»¹⁴ Но, быть может, недостаточно ограничиться этим высказыванием, зная, что католическая церковь со времени II Ватиканского собора признает наличие в подобном суждении элементов антисемитизма. Данте был убежден, что разрушение Иерусалима и рассеяние еврейского народа были праведной карой за смерть Христа (Чистилище, XXI, 82—84; Рай, VI, 92—93; Рай, VII, 19—51). Всякий раз, когда он говорит о еврейском народе, «отчетливо звучит нота проклятия по адресу этого неверного народа»¹⁵. Этим объясняется и почтительное отношение Данте к ветхозаветным пророкам и героям, а также к миссии, возложенной на императора Траяна, которого он поместил в рай (Рай, XX): наказать евреев разрушением Иерусалима. Короче говоря, Данте разделял господствующую идеологию своей эпохи, видевшую в евреях, как и в еретиках, изгоев христианского общества¹⁶.

Если верить брату Джордано, в 1304 году во Флоренции не было еретиков. По крайней мере, они не осмеливались открыто заявить о себе. Ко времени Данте Флоренция уже давно не средоточие ереси катаров, каковым она была в середине XII века, когда давала приют епископу церкви катаров в Италии или подвергалась отлучению от Церкви (1173 год) за поддержку патаренов (термины «патарен» и «катар» ошибочно использовались как синонимы) — обвинение, кстати, так и осталось недоказанным¹⁸. В следующем столетии, несмотря на эдикт 1216 года, запрещающий занимать высокие должности лицам, заподозренным в ереси, флорентийским подеста в 1244—1245 годах был некий гражданин Бергамо, оказывавший покровительство еретикам. Впрочем, еретики могли находить и городе, и в контадо поддержку отдельных семей крупного пополанства и гибеллинской знати, пренебрегавшими угрозами инквизиции¹⁹. Однако флорентийские катары оказались бессильны перед проповедью и действиями воинствующего доминиканца Пьетро Веронского и в середине XIII века закончили свои дни на костре, как и несколько гибеллинов, лишь заподозренных в симпатии к катарам (часто, не имея достаточных оснований, гибеллинов приравнивали к катарам). Яркий пример подобного рода преследований — смертное осуждение вождя гибеллинов Фаринаты дельи Уберти, умершего в 1264 году, которого Данте отправил в ад вместе с эпикурейцами, хотя и считал его достойным человеком (Ад, VI, 79; X, 32 и след.). Создание светских братств (о которых мы уже говорили) под руководством того самого Пьетро Веронского очень помогло искоренению ереси; тех, кому удалось выжить, заставили замолчать и загнали в подполье. Действительно ли Флоренция была свободна от еретиков в XIV веке? Мало вероятно, учитывая, что в 1321 году арестовали епископа-катара, причисленного к патаренам, который, очевидно, был «последним епископом-катаром в Западной Ев-

ропе, о котором остались упоминания в источниках»²⁰. В 1340 году флорентийский инквизитор доносил, что город служит прибежищем большого количества патаренов — обвинение, строившееся, вероятнее всего, не на доктринальном уровне: подлинное учение катаров, некогда получившее распространение среди аристократии, городской верхушки и ремесленников, в городах было давно забыто. Лишь в сельской местности оно еще сохраняло своих последних сторонников²¹.

Что бы ни говорили о ереси катаров во Флоренции времен Данте, она была лишь одной из немногих в начале XIV века. В 20-е годы этого столетия в городе появилась новая секта; ее члены называли себя «апостольскими братьями» или «братьями апостольской жизни». Секта пришла из Северной Италии, точнее, из Пармы, где была создана около 1260 года мирянином Джерардо Сегарелли, проповедовавшим абсолютную бедность, подражание Христу и апостолам. Без кола и двора, в лохмотьях, собирая милостыню на пропитание, не имея внутренней иерархии, непрерывно переходя из одного города в другой и повсюду проповедуя отречение от мира, апостольские братья быстро нашли сторонников. Подвергаясь с 1296 года по распоряжению папы Бонифация VIII преследованиям, став мишенью для нападков со стороны инквизиции, Сегарелли и его сподвижники, среди которых было много женщин, в 1300 году взошли на костер. Однако память о них продолжала жить. В конце XIV века флорентийский новеллист Франко Саккетти в «Трехстах новеллах» (новелла 101) вывел одного из них — правда, в облике лицемера и сладострастника.

Эстафету подхватил Дольчино Торниелло из Новары, простой и любезный человек, вызывавший симпатии людей; в 1303 году он похвалялся тем, что возглавляет секту из 4 тысяч сподвижников. Среди них было много флорентийцев, в том числе представителей духовенства, рыцарства и богачей. Подняв восстание, обреченное на поражение, Дольчино с ближайшими соратниками был в 1307 году сожжен

на костре. Древний комментатор «Божественной комедии» уверяет, что он умирал целый день, что конечно же неправда.

Был ли Данте захвачен ересью Дольчино? Прежде всего отметим, что «Дольчино — единственный представитель еретических движений эпохи Данте, о котором поэт упоминает в «Божественной комедии» [...] однако Дольчино характеризуется здесь скорее как военный предводитель, нежели еретик [...] и воспоминание о нем не лишено известной симпатии в отношении этой безнадежной борьбы и даже некоторого восхищения смелостью еретика»²². Тем не менее Данте отправил Дольчино в ад наряду с другими еретиками и раскольниками, где те подвергаются жестоким казням:

Не так дыряв, утратив дно, ушат,
Как здесь нутро у одного зияло
От самых губ дотуда, где смердят:

Копна кишок между колен свисала,
Виднелось сердце с мерзостной мошной,
Где съеденное переходит в кало.

(Ад, XXVIII, 22–27)

Осуждал ли Данте в лице Дольчино и его секты мятеж против церковной иерархии, призыв к тотальной духовной свободе и к жизни общиной, дававшей повод к обвинению в аморальности? Действительно, проблема отношения Данте к ереси существует. Он проводил различие между ересью и схизмой: последняя представлялась ему гораздо более тяжким грехом, поскольку угрожала единству Церкви²³. Однако он одобрял и борьбу с ересью, что следует из хвалы Доминику и одобрения крестового похода против альбигойцев (Рай, XII). Таким образом, мы должны присоединиться к мнению лучших специалистов²⁴, что Данте не принадлежал ни к одной из еретических сект своего времени: ни к вальденсам, действовавшим во Флоренции в конце XIII — начале XIV века, ни к катарам, о которых он знал и обрек их в «Божественной комедии» на мучения (Ад, IX, X) среди тех (император Фридрих II, Фарината,

кардинал Убальдини, Кавальканти), которых общественное мнение обвиняло в симпатиях к движению катаров. Однако в этом вопросе следует проявлять разумную осмотрительность: Пезар убедительно показал, что отношение Данте к Эпикуру и к учению о бессмертии души, которое Эпикур отрицал, оказывается своеобразным камнем преткновения. Даже если эпикуреизм как философская доктрина и человеческая мудрость «вызывал уважение, а иногда и восхищение Данте», поэт не мог признать, что душа умирает вместе с телом, как учили Эпикур и его последователи; он не соглашался и с тем, что эпикуреизм как политическая секта несет ответственность за раскол Италии²⁵.

Инструментом борьбы с ересями служила инквизиция, обязанности которой во Флоренции исполняли францисканцы монастыря Санта Кроче, монахи в серых сутанах, парами ходившие с оружием в руках по улицам города в сопровождении нотариуса, под пытками вырывавшие признания, а затем подвергавшие виновных различным наказаниям (от денежного штрафа до сожжения на костре). Последнее применялось столь часто, что Данте вспоминает о нем:

Я, руки сжав и наклонясь вперед,
Смотрел в огонь, и в памяти ожили
Тела людей, которых пламя жжет.

(Чистилище, XXVII, 16–18)

Инквизиция заставила всех, не исключая и аристократов, бояться себя: слова «гибеллин» и «еретик» в политическом жаргоне флорентийских гвельфов служили синонимами. Усердие инквизиторов вызывало тем больше сомнений, что имущество осужденных еретиков делилось равными долями между папством, инквизицией и коммуной (на эти деньги строили собор Санта Кроче и новые городские стены 1284 года). От взглядов усердных инквизиторов не ускользало ничего: чтобы вызвать подозрение, достаточно было иметь еретическую книгу или оказаться замеченным за одним обеденным столом с

еретиком. Даже невинная шутка считалась предосудительной. Как рассказал Боккаччо, инквизитор преследовал некоего простака, более богатого деньгами, нежели умом, имевшего неосторожность отозваться о вине, будто оно столь хорошо, что «и сам Христос выпил бы его с удовольствием» (Декамерон, I, 6). Боккаччо не единственный, кто обвинял инквизиторов в «злостном лицемерии»: они носили оружие, но участвовать в ополчении им не позволял духовный сан.

Вместе с тем не следует представлять себе инквизицию как нечто нестигаемое и непоколебимое. Подозреваемый всегда имел возможность отречься от заблуждений, правда, при условии, что откроет имена сообщников. В этом случае удавалось отделаться легким штрафом или, самое большее, тюремным заключением. Непреклонной инквизиция оставалась лишь в отношении атеистов. Данте убедительно свидетельствует об этом, поместив двух атеистов, названных эпикурейцами, в огненные могилы (Ад, X) — inferнальный образ земных костров инквизиции.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая

Школа

Описывая Флоренцию 1338 года, Виллани уделил внимание общественному и частному образованию. «От восьми до десяти тысяч мальчиков и девочек учатся читать. От тысячи до тысячи двухсот мальчиков в шести школах изучают счет (*abbaco*) и алгебру (*algorismo*). Тех же, кто обучается грамматике и логике, насчитывается от пятисот пятидесяти до шестисот человек в четырех больших школах» (Хроника XI, 94). Эти сведения нуждаются в пояснениях.

Наши представления об обязательной, светской и бесплатной школе Средневековью известны не были: школа была тогда необязательной, платной и религиозной. Получить образование во Флоренции времен Данте считается для пополанов и духовенства необходимостью, для аристократии — полезным, хотя и не обязательным украшением, для городского и сельского простонародья — недоступной роскошью. В целом образование распространено достаточно широко, о чем свидетельствуют и приведенные Виллани цифры. От восьми до десяти тысяч детей, обучающихся чтению (иначе говоря, посещающих начальную школу), составляют значительную долю (десятую часть) от общей численности населения; этот показатель во Флоренции

выше, чем в большинстве европейских стран того времени.

Второе необходимое пояснение касается организации обучения. Культурный горизонт довольно ограничен. Тенденция к энциклопедизму, характерная для нашей образовательной системы, проявляется только в высшем образовании, ее нет в начальной и средней школе. Эта узость культурного горизонта находит свое оправдание в целях начального и среднего образования, непосредственно готовящего детей к взрослой жизни: будущему торговцу важно уметь читать и считать. Отвлеченное мышление остается уделом клириков и студентов высших школ. Что касается изящных искусств (танцы, пение, поэзия, музицирование, рисование и т. д.), то они полезны только девушкам из семей аристократии и крупной торговой буржуазии; вместе с тем они включены в программу высшего образования и практикуются каждым, кто считает себя образованным человеком. Данте в годы юности также занимался изящными искусствами.

Третье разъяснение касается образовательной пирамиды. В противоположность современному обществу тех, кто получил среднее, а тем более высшее образование, гораздо меньше. Соответствующие показатели гораздо скромнее приведенных Виллани цифр, характеризующих начальное образование: от пятисот до шестисот студентов, что в городе с населением свыше ста тысяч человек составляет лишь 0,5—0,6%.

Четвертое разъяснение относится к структуре образования. Если сравнительно легко провести грань между начальным и средним образованием, то переход от среднего образования к высшему весьма расплывчат: «Средневековые университеты являлись не только высшими учебными заведениями. В них нередко получали также среднее и даже начальное образование. Система коллежей [...] еще больше усиливала эту неразбериху, давая образование своим слушателям начиная с 8 лет»¹.

Пятое разъяснение относится к самой природе

образования и к тому, какое место в нем занимает латынь. Латинский язык, без преувеличения, хлеб насущный всех учащихся церковных школ — епископских и монастырских. Однако он занимает важное место и в светском образовании: все официальные и частные документы составляются на латыни, служащей основой книжной культуры и науки.

Шестое разъяснение касается методики преподавания. Существенное место отводится запомианию. Буквально все заучивают наизусть, за провалы в памяти полагаются розги или палка. Заучивать наизусть приходится, в частности, потому, что книги редки и дороги. У самого учителя их лишь несколько, у других и того меньше: «Библиотека из дюжины томов считается большой редкостью для мирянина, не связанного с книжностью»². Книги ценят как предметы роскоши, «предназначенные не для чтения... а для увеличения сокровищ церквей и богатых мирян»³. Именно крайняя редкость рукописных книг, изготовление которых требует много времени и средств, делает необходимым заучивание наизусть.

И, наконец, последнее разъяснение. Обучение зиждется на авторитете учителя. Ученик заучивает наизусть и повторяет слова учителя, считающиеся непререкаемой истиной: *magister dixit*, учитель сказал! О каких-либо спорах не может быть и речи. Непотъемлемая принадлежность учителя — особое обложение. Он заставляет уважать себя и посредством телесных наказаний (в начальной и средней школе), иногда столь суровых, что некоторые ученики убегают из школы, а коммуна вынуждена специальными постановлениями регулировать тяжесть наказаний.

Начальное образование

Начальное образование долгое время оставалось в руках духовенства. Примерно с XII века учителями становятся и миряне. Во Флоренции в 1300 году было пять или шесть школьных учителей (*doctores puerorum*), среди них и некий Романус, фигурирую-

щий в документе от 1277 года семейства Алигьери, возможно, первый учитель Данте⁴. Школьные учителя в 1316 году, похоже, имели свою корпорацию, в которую входили преподаватели арифметики и грамматики.

Данте, должно быть, пошел в начальную школу шести или семи лет и оставался в ней примерно лет до двенадцати. Он учился чтению, письму, счету и даже составлению нотариальных актов. Учебный год начинался 29 сентября. Учебный день продолжался много часов (правда, мы не знаем, сколько именно). Местом занятий служила одна из комнат в доме учителя или арендуемое помещение, где учитель (но могла быть и учительница) работал с небольшим количеством учеников, иногда прибегая к помощи ассистента. Обучение было платным, однако размер оплаты (обычно устанавливался по взаимному соглашению учителя и родителей учеников) был столь скромным, что в начале XIV века преподаватели начальной школы освобождались от уплаты налогов. Школьные учителя имели право на титул *ser* (господин), присваивавшийся также нотариусам и врачам. По случаю праздников и экзаменов они получали подарки и подношения.

Что касается девочек, то их обучение, порученное женщинам, включало в себя выполнение работы по дому, танцы и музыку. Цель состояла в том, чтобы вырастить хорошую хозяйку дома, разбирающуюся во всех тонкостях надлежащего ведения домашнего хозяйства. Само собой разумеется, что в состоятельных семьях аристократии и торговой буржуазии были частные учителя — как мужчины, так и женщины.

Среднее образование

За начальным образованием, предназначенным, как говорили, для *non facientes latinum* (не знавших латыни) или *pueri a tabula usque ad Donatum* (детей, обучавшихся с нуля и до учебника латинского языка Доната), следовало среднее образование⁵, начинавшееся примерно с одиннадцати лет. Его получали не

более тысячи — тысячи двухсот учеников (против восьми — десяти тысяч в начальной школе); это были прежде всего мальчики из семей торговцев и промышленников, готовившиеся к исполнению в будущем руководящих функций. Среднее образование получали в *scuola di abbaco* или *algorismo* (счетной школе), где преподавались основы счета, астрономии, геометрии, алгебры, бухгалтерии, в частности, начисление и погашение процентов на проценты⁶. Два или три года обучения в счетной школе, которые иногда включались в систему освоения банковского и промышленного предпринимательства, представляли собой теоретический курс будущего управляющего, дополнявшийся курсом *pratica di mercatura* (практической коммерции): на этом этапе изучали системы мер различных рынков и банков Европы, а также «портоланы» — карты морских побережий, известных к тому времени. Преподавание этих предметов в шести школах Флоренции вызывало наибольший интерес у горожан.

Обучение по гуманитарным направлениям (*grammatica*) было распространено гораздо меньше: в 1339 году насчитывались лишь четыре таких школы (а сколько их было во времена Данте?). Одаренный ученик мог одновременно обучаться и в счетной, и грамматической школах. Прохождение курса в грамматической школе занимало от двух до трех лет и подразделялось на два цикла. Первый был посвящен изучению грамматики Доната, римского ученого середины IV века, у которого учился святой Иероним и которого Данте поместил в рай (Рай, XII, 137—138)⁷. Донат был автором учебника латинской грамматики (*Ars grammatica*, состоявшего из *Ars minor* — начального курса и *Ars major* — продвинутого курса), официально принятого в качестве основного учебного пособия первого цикла. Второй цикл был отдан изучению книги Присциана, римского грамматика второй половины V века⁸, которого Данте поместил в ад (Ад, XV, 109), обвинив в содомии. Автор «Наставлений в грамматике» (*Institutiones grammaticae*), подразделявшихся на

две части («Присциан малый», *Priscianus minor* и «Присциан большой», *Priscianus major*) вводил своих читателей также и в латинскую литературу (Вергилий, Плавт, Лукан, Гораций, Ювенал, Овидий, Саллюстий, Персий, Лукреций и др.). Таким образом, Донат и Присциан служили надежным введением в латинский язык и древнеримскую литературу, из их книг почерпнул Данте первые представления о латыни и латинской литературе. Другие книги давали необходимые знания по истории и классической мифологии. Среди них «Двустигшия Катона», автора III или V века, не имевшего ничего общего с Катонем Утическим. Из этой книги Данте узнал о стоицизме, здесь прочитал сентенции «о жизни внутренней, домашней и социальной»⁹. Познакомился он и с баснями Эзопа и Федра в переложении некоего Ромула, автора X века, что нашло отражение в творчестве Великого флорентийца¹⁰. Прибавим сюда «Эклогу Теодола» (*Ecloga Theodoli*), произведение VI или VII века, в котором аллегорически доказывается превосходство христианской веры над другими религиями. Данте позаимствовал из этой книги несколько назидательных примеров для своего «Чистилища» (песни XII и XIV), а также почерпнул некоторые знания из области античной мифологии и Священной истории. Включив в список еще два или три маленьких произведения, в том числе и сборник правил приличного поведения в обществе, мы получим типичную библиотеку времен Данте, объем которой, если опубликовать ее современным типографским способом, «не превысит сотни страниц»¹¹.

Получив этот багаж знаний, багаж весьма скромный, Данте закончил среднюю школу; мы не знаем, когда именно, в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет. Помимо знания латыни, начальных сведений из истории, классической мифологии и Священной истории, он, видимо, мог писать весьма недурные сонеты: первый из дошедших до нас датируется 1283 годом. Автору было 18 лет.

Во Флоренции времен Данте не было университета, тогда как в Ареццо он существовал с 1215 года, в Сиене — с 1246 года, не говоря уже о Болонье с ее древнейшим и самым престижным, наряду с Оксфордским, Парижским и Саламанкским, университетом. Однако зачаточная форма высшего образования во Флоренции существовала с XII века: школа права, поначалу не имевшая постоянного места и лишь с 1318 года разместившаяся в монастыре Санта-Мария Новелла. В ней преподавал родственник Данте, некий Лапо Сальтарелли, юрист и поэт, «замешанный в темные дела»¹³. Данте отзывался о нем с презрением¹⁴. Лишь в 1321 году, в год смерти Данте и спустя двадцать лет после его изгнания, во Флоренции появится *Studium generale*, настоящий университет, в котором главное место займет обучение праву. На работу туда пригласят из Болоньи «учителя грамматики», профессора медицины и юристов, специалистов по гражданскому и каноническому праву. Это довольно убогое учебное заведение будет владеть жалкое существование и даже прекратит на несколько лет свою деятельность, чтобы возобновить ее после чумы 1348 года.

Детальное разъяснение, что такое средневековый университет, выходит за рамки нашей темы¹⁵. Отметим лишь самое главное. «Университет, так же как и парламент, является порождением Средних веков»¹⁶. Слово «университет» поначалу использовалось исключительно для обозначения корпорации преподавателей и студентов (*Universitas magistrorum et scholarium*). Затем слово *universitas* уступило место названию *studium*, к которому стали присоединять определение *generale* (правда, долгое время оно применялось только к Парижскому, Болонскому и Оксфордскому университетам), чтобы подчеркнуть универсальный характер обучения: преподавались не только гуманитарные, но и точные науки. Первое время и преподаватели, и студенты университетов были лицами духовного звания. Позднее, во времена

Данте произошли глубокие перемены: сначала преподавание приобрело светский характер, а затем университеты добились автономии как от светских, так и церковных властей. В Болонье жестокий конфликт между коммунной и высшим учебным заведением закончился тем, что университет обрел юридическую и фактическую независимость, хотя папа римский по-прежнему формально оставался сеньором города. Университеты добивались свободы, увеличивалось и их количество — это характерная черта эпохи Данте. Общее число этих учреждений в Италии достигло девяти, последним по времени создания был Флорентийский университет.

Полноценный университет включает в себя четыре факультета (свободных искусств, гражданского и канонического права, медицинский и богословский) во главе с деканами. Связаны отдельные факультеты между собой слабо. Располагаются они чаще всего в разных местах, обычно в церквях или монастырях. Во главе университетской иерархии стоит ректор, одновременно являющийся деканом факультета свободных искусств; поскольку он заведует финансами, его иногда называют канцлером. Большинство студентов иногородние. В крупнейших университетах, таких, как Парижский, Болонский и Оксфордский, студенты группируются «по нациям». В Болонье четыре «нации»: ломбардцы, тосканцы, римляне и ультрамонтане, подразделяющиеся на «поднации»; позднее они объединятся в две «нации»: ультрамонтане и цисмонтане, каждая во главе со своим выборным ректором. В Парижском университете также четыре «нации»: французы, пикардийцы, нормандцы и англичане.

Поступают в университет в весьма раннем возрасте, здесь преподаются дисциплины, которые мы относим к циклу средней и даже начальной школы (иногда начинают с того, что учат письму). На богословский факультет записываются с восьми лет, а на остальные факультеты — в среднем с четырнадцати лет. Средняя продолжительность обучения шесть лет. Курс наук включает в себя подготовку к сдаче эк-

замена на звание бакалавра, продолжающуюся полтора года и состоящую из девяти «лекций» и шести «упражнений». Новоиспеченный бакалавр получает мантию и, как правило, устраивает банкет для своих учителей и товарищей. Чтобы получить допуск к преподавательской работе (*licentia docendi*), требуется, например, в Париже, подготовка в течение четырех — шести лет; кроме того, молодой лицензиат должен достичь возраста двадцати лет. После сдачи последнего экзамена выпускники, облаченные в мантии, проходят торжественной процессией до резиденции епископа или канцлера, где получают из рук ректора диплом. После этого в течение шести месяцев готовят речь по случаю вступления в должность преподавателя. Эта вступительная лекция нового лицензиата проходит публично. Он получает шапку из рук старейшего профессора, целует президента своей «нации», официально вступает в должность и занимает место за кафедрой.

Много написано о беспутной жизни студентов, больших любителей пирушек, постоянных посетителей домов разврата, дебоширов — короче говоря, настоящих негодяев-висельников (вспомним хотя бы знаменитого Франсуа Вийона), грозе богатых горожан и Церкви, видевшей в них врагов божественного и мирского порядка. Несомненно, в этой характеристике много неоправданных преувеличений, и ни один из лучших специалистов по истории средневековых университетов не верит в ее правдивость¹⁷. Как бы то ни было, Флоренция не знала подобного рода эксцессов студенческой жизни в своем скромном «университете», из которого уходили студенты, предпочитавшие преподавателей и развлечения Болоньи или Парижа. Нет ничего странного и в том, что Данте, поучившись в Болонье, направил свои стопы в университет на холме Святой Женеьевы — именно эти места угадываются в его стихах:

То вечный свет Сигера, что читал
В соломенном проулке в оны лета.

(Рай, X, 136—137)

Впрочем, не все биографы Данте допускают, что он бывал в Париже. Преподавание в средневековых университетах коренным образом отличалось от принятого в наши дни. Одним из основных видов учебных занятий являлось комментирование текстов, фраза за фразой (Аристотель и Цицерон на факультете свободных искусств, Библия на богословском факультете, один или два учебника). Чтение (*lectio*) «начиналось с грамматического анализа, раскрывавшего смысл фразы, и завершалось истолкованием содержания и главной мысли произведения»¹⁸. Но чтение было бы неполным, если бы не ставились вопросы к тексту (*quaestio*). Тут-то преподаватель и получал возможность продемонстрировать собственную оригинальность, выразить свои мысли. В XIII веке это «вопрошание» «оторвалось от прочитанного текста, начав существовать само по себе. Оно превращалось в обсуждение (*disputatio*), когда преподаватель задавал вопросы, а студенты отвечали»¹⁹. Подобного рода диспуты объявлялись заранее и проводились по теме, выбранной преподавателем. На диспутах присутствовали бакалавры и студенты преподавателя, другие преподаватели и бакалавры, задававшие вопросы, на которые должны были отвечать бакалавры при помощи своего учителя. После диспута, часто проходившего весьма оживленно и даже беспорядочно, преподаватель должен был сформулировать заключение — в тот же день или, по крайней мере, в один из последующих дней, причем в письменной форме. Диспуты лучших преподавателей привлекали многочисленную публику, случалось встретить даже королей (король Роберт Неаполитанский, современник Данте, весьма прилежно посещал подобные мероприятия, активно участвуя в обсуждении) и прелатов, проездом оказавшихся в университетском городе. Диспуты называли турнирами клириков, намекая на духовное звание университетской братии. Дважды в год проводились словесные состязания на вольную тему (*disputatio de quolibet*), когда любой из присутствующих мог предлагать для обсуждения какой угодно вопрос — нередко с недоб-

рыми намерениями, чтобы посадить оппонента в лужу; такой диспут становился опасным испытанием для вступавшего в него преподавателя, требуя от него «редкого присутствия духа и почти универсальных знаний»²⁰.

Экзамены проходили не менее торжественно, причем, несмотря на университетскую автономию, существовали определенные правила, единые для всех крупных университетов Западной Европы. Присутствие публики, прежде всего представителей гражданской и церковной властей, усиливало чувство солидарности преподавателей и их учеников перед лицом внешнего, неуниверситетского мира. Солидарностью объясняется и использование университетскими преподавателями отличительных знаков, делавших зримым различие этих двух противостоявших друг другу миров (золотое кольцо — символ обручения с наукой, шапочка или берет, парившие над аудиторией, украшенное резьбой внушительное кресло, с высоты которого вещал мэтр). Вся эта показная торжественность, весь этот ритуал дожили в университетах и колледжах Англии до наших дней, а на юридических и медицинских факультетах Франции до событий 1968 года.

Мир средневековых университетов — плоть от плоти и кровь от крови средневекового общества. Он образует сообщество, замкнутую корпорацию, по своему усмотрению нанимающую преподавателей и оплачивающую их труд по установленным тарифам. Повсеместно распространена практика получения преподавателями подарков, чувствительно поправляющих их материальное положение. Между тем во Флоренции времен Данте, особенно после 1289 года, коммуна наложила руку на монастырские школы францисканцев и доминиканцев, существенно урезав их педагогические прерогативы. Но за ними сохранились юридические прерогативы, защищавшие их в случае конфликта с городом, из которого происходили учащиеся, и дававшие ректорам и сторожам право носить оружие.

Что мог знать Данте об этом университетском ми-

ре? Ничего, если говорить о его родной Флоренции: светский университет появится во Флоренции после его изгнания; он знал немного лишь о монастырских школах. Именно поэтому Данте, по свидетельству Боккаччо (правда, оспоренному некоторыми специалистами²¹), отправится между 1281—1282 и 1287 годами (или чуть позже) в самый престижный итальянский университет — Болонский, в котором было немало флорентийцев.

Зато у нас есть прямое свидетельство самого Данте, что после смерти Беатриче в 1290 году он «посещал монастырские школы и диспуты философствующих» (Пир, II, XII, 7).

Этими монастырскими школами, соответственно, были доминиканская школа в Санта-Мария Новелла, учрежденная в 1231 году и добившаяся таких успехов, что в 1318 году ее, благодаря поддержке коммуны, расширили; францисканская школа в Санта Кроче, учрежденная позднее (но до 1277 года), и августинская школа в Санто Спирито. Основу образования в этих школах составляли богословие и толкование Библии. Однако толкование, особенно в Санта-Мария Новелла, осуществлялось в духе Аристотеля и Фомы Аквинского или, точнее говоря, в том духе, как понимал Аристотеля святой Фома. Руководил занятиями брат Ремиджио Джиролами, учившийся в Париже у Фомы Аквинского, влияние которого на Данте бесспорно. Именно его философию он усвоил. Примечательно, что он писал не о «диспутах философов», а о «диспутах философствующих»: школа при монастыре Санта-Мария Новелла была не философским, а богословским учебным заведением, в котором с 1318 года начали преподавать и логику. В школе послушников и мирян, среди которых был и Данте, обучали также грамматике. Когда в 1311 году школа при Санта-Мария Новелла обретет статус университета (*studium generale*), Данте уже десять лет как не будет во Флоренции. Что же касается диспутов, о которых мы подробно рассказали, то они проводились еженедельно и были открыты для всех желающих. Данте, вполне вероятно, хотя с уверенностью ут-

верждать невозможно, в них участвовал. Зато он не мог, как иногда пишут, слушать лекции и диспуты двух знаменитых преподавателей францисканской школы при Санта Кроче, Пьера Жана Ольё и Убертино да Казале, учивших там в пору, когда поэт еще не интересовался ничем, кроме лирики. «Влияние на Данте двух монастырей, доминиканского и францисканского, дополняло друг друга, и когда он в «Божественной комедии» устами святого Бонавентуры прославляет святого Доминика, а устами святого Фомы превозносит святого Франциска, кажется, что он отдает дань признательности обоим»²². Помимо публичного преподавания, монастырские школы иногда предоставляли мирянам свои библиотеки — совершенно определено Санта-Мария Новелла и вполне вероятно Санта Кроче. Именно здесь Данте мог читать римских и греческих (в латинских переводах) классиков, явные и завуалированные ссылки на которых встречаются в его сочинениях флорентийского периода.

Именно в монастырских школах Данте и его современники могли знакомиться с античной классикой, пересмотренной и подправленной в свете христианской философии, и с теологией Фомы Аквинского, положенной в основу официальной доктрины католической церкви, что и послужило предпосылкой для зарождения того христианского гуманизма, наиболее типичным представителем которого являлся в свое время автор «Божественной комедии»²³. В этих школах Данте познакомился с философскими методами своей эпохи.

Все среднее и высшее образование того времени зиждилось на семи свободных искусствах, включавших в себя две группы дисциплин, соответственно, тривиум и квадривиум. В тривиум входили грамматика, диалектика и риторика, в квадривиум — арифметика, геометрия, астрономия и теория музыки. Обобщая (детали увели бы нас слишком далеко), можно современным языком сказать, что тривиум включал в себя гуманитарные, а квадривиум точные науки. Или иначе: предметы тривиума служили для

выражения мысли, а квадравиума — для изучения вещей²⁴. До каких крайностей доходила интеллектуальная изощренность этих методов, видно не только по тому, что философия, согласно Данте, любую вещь или явление толковала в четырех смыслах (буквальный, аллегорический, моральный и мистический), но и по аллегорическим фигурам трактата «Пир», делающим столь сложным (если не сказать слишком сложным) его понимание нашими современниками. Достаточно сказать, что для трех канцон «Пира», в общей сложности насчитывающих всего 296 стихов, Данте сочинил, используя всю свою эрудицию, тяжеловесный комментарий в двести тридцать страниц.

Глава вторая

Наука и техника

«Средневековый Запад — бедно оснащенный мир. Хочется сказать, мир технически отсталый. И все же, вряд ли допустимо говорить в данном случае об отсталости и тем более о неразвитости... Конечно, в период между V и XIV веками изобретательство проявлялось слабо. Но как бы то ни было, прогресс — в основном скорее количественный, нежели качественный, — не может не приниматься во внимание. Распространение орудий труда, механизмов, технических приспособлений, известных с античности, но остававшихся в большей или меньшей мере редкими исключениями, случайными находками, а не общими нововведениями, — таков позитивный аспект эволюции на средневековом Западе»¹.

Причиной этой отсталости служила ментальность господствующих классов, остававшаяся антитехнической², что находило выражение в «преобладании ручных орудий над механизмами, малой эффективности оборудования, недостаточной технической оснащённости сельского хозяйства [...], скудости энергетического обеспечения, слабом разви-

тии транспорта и техники финансовых и коммерческих операций»³.

Какое место занимала Флоренция времен Данте в этой общей картине средневекового Запада? Заурядное, без каких-либо особенностей. Картина в целом для республики верная, за одним исключением: техника финансовых и коммерческих операций, о чем уже говорилось, была, напротив, высокоразвитой. Вот почему мы ограничимся несколькими штрихами, чтобы описать роль науки и техники в повседневной жизни флорентийцев.

Медицина⁴

О медицинской науке того времени бытуют превратные представления и стойкие предрассудки. На самом деле «из всех практических знаний периода Средних веков медицина более, чем какая-либо иная сфера человеческой деятельности, объединила в себе руки и разум, опыт и мысль и благодаря этому достигла воистину поразительных результатов»⁵. Средневековый врач — отнюдь не всегда что-то вроде шарлатана, орудующего на многолюдной площади, умеющего лишь щупать пульс, оценивать на глазок мочу, применять варварские методы лечения (например, исцелять геморрой прижиганием раскаленным железом) и прописывать ветхозаветные средства: травы, отвары и мази из вызывающих отвращение компонентов (например, голубинового помета для избавления от перхоти).

Медицина, преподававшаяся в знаменитых учебных заведениях Запада, — серьезная наука. Наибольшим престижем пользуется медицинская школа в Салерно, однако Монпелье и Болонья не уступают ей по своим научным достижениям. Именно в Болонье, куда чаще всего приезжали за знаниями флорентийцы, был в 1316 году опубликован первый на Западе анатомический трактат, сочиненный знаменитым Мондино деи Луцци. «Этот трактат не добавил почти ничего нового к анатомическим знаниям той эпохи»⁶, накопленным благодаря Гилельмо из

Саличето (который около 1270 года вновь стал применять скальпель вместо раскаленного железа, использовавшегося арабскими хирургами), Рожеру Салернскому (чей трактат о практической хирургии относится к концу XII века) и его преемнику в медицинской школе Роланду Пармскому, умевшему производить трепанацию черепа и являвшемуся лучшим специалистом по хирургии головы. Именно хирургия отмечена впечатляющими достижениями: умели вправлять переломы, с помощью перетяжек останавливать кровотечение, оперировать грыжу (или подтягивать ее посредством бандажей), производить трепанацию черепа, соединять концы разорванных нервов, оперировать пораженные раком органы, лечить детскую гидроцефалию «методом удаления жидкости через маленькое отверстие, проделанное в черепе с помощью каутера»⁷. Умели делать анестезию посредством губки, пропитанной микстурой опиума, белены и мандрагоры. Все эти успехи были достигнуты, несмотря на формальный церковный запрет вскрывать человеческие трупы; однако врачи тайно, а иногда и открыто, препарировали трупы, особенно в Болонье, а позднее в Монпелье и Париже.

В повседневной жизни медицина занимала важное место, широко используя лечебные травы. «Лечение в Средние века, если оно не сводилось к простому методу Гиппократов (больного заставляли лежать в постели, всецело доверившись природе), основывалось на травах»⁸. Широко применяли мяту, мак, белену, укроп, амбру, алоэ. Использовали и медикаменты минерального происхождения (квасцы, селитру, камфору, мышьяк, серу, ртуть, сурьму и др.).

Широкое применение растений, полезное само по себе, дополнялось различными мазями, которые оказывались подчас весьма эффективными (например, мази на основе ртути для лечения кожных болезней), и отвратительными микстурами, снадобьями старых знахарок. В порядке профилактики болезни легких употребляли средство, изготовленное из толченого нута, перемешанного с сахаром и сварен-

ного в козьем молоке или свежем масле⁹; при опухолях или воспалении нервных узлов применяли инжирные пластыри. Среди рекомендаций врачей были весьма здравые: гнать прочь тревоги, не допускать, чтобы гнев владел вами, соблюдать умеренность в еде и питье, особенно летом, воздерживаться от плотских сношений в жаркое время года¹⁰.

И тем не менее средневековая медицина была бессильна перед тяжелыми болезнями, особенно эпидемического характера (проказой, чумой, туберкулезом), перед болезнями кожи (язвами, опухолями, шанкрами), авитаминозом, врожденными физическими недостатками, нервными болезнями (эпилепсией, пляской святого Витта, различными горячками), сумасшествием, «бесчисленными детскими болезнями, излечить которые пытались при помощи святых заступников»¹¹. Вот тот физиологический фундамент, на котором «внезапно расцвели коллективные кризисы, произрастали новые телесные и душевные недуги, религиозные сумасбродства»¹².

Взять хотя бы проказу и сумасшествие, этих «всадников Апокалипсиса» средневековой медицины. Нет сомнений, что больше всего — и вполне оправданно — страшились проказы. Она пришла из Азии и свирепствовала в Европе в течение XII и XIII веков, в XIV веке пойдя на убыль. Ее отвратительные проявления, превращавшие несчастного больного в изгоя, страшного, дурно пахнущего (зловоние было одним из проявлений этой болезни), внушали непреодолимое отвращение, справиться с которым могли лишь немногие избранные: когда святой Франциск Ассизский поцеловал прокаженного, не стал ли этот поцелуй первым явным доказательством его святости? Именно поэтому прокаженных помещали в специальные лазареты, или лепрозории, расположенные в стороне от города; больные могли выходить из них, предупреждая о своем приближении непрерывным шумом трещотки. Отношение к прокаженным в средневековом обществе «было двойственным [...]». Казалось, оно испытывало к

ним отвращение и восхищение одновременно, смешанное чувство влечения и страха»¹³. Ж. Ле Гофф не упускает случая рассказать о наказании, наложенном королем Марком на прекрасную Изольду: та была отдана сотне страстно желавших ее прокаженных¹⁴. В Европе времен Данте проказа встречалась везде: насчитывалось до 19 тысяч лепрозориев, из них 2 тысячи во Франции. Церковь, готовая помогать прокаженным, в то же время отсекала их от человеческого общества посредством торжественной церемонии *separatio leprosororum* (отделения прокаженных): ее проводил епископ, хотя в Средние века она была сравнительно редким явлением¹⁵. Проказа вызывала такой страх, что Данте наказал ею фальшивомонетчиков, терзающихся кожной болезнью, в которой отдельные комментаторы склонны усматривать чесотку, тогда как другие находят в ней все симптомы проказы¹⁶: автор «Божественной комедии» мог наблюдать их лично или иметь о них представления, почерпнутые из медицинских книг:

Их ногти кожу обдирали сплошь,
Как чешую с крупночешуйной рыбы
Или с леща соскабливает нож.

(Ад, XXIX, 82—84)

К сумасшедшим эпоха Данте была гораздо более терпима. Столь мастерски описанные М. Фуко времена «великого закрытия» классической Европы¹⁷ были впереди. К сумасшедшим люди Средневековья питают различные чувства: симпатию к шутам, королевским дуракам, к деревенским дурачкам, «являющимся фетишем для всей общины»¹⁸; деятельное сострадание к буйнопомешанным, за которыми ухаживают в специальных больницах; терпимость и снисходительность к впавшим в меланхолию, коих препоручают заботам духовенства; одержимых лечат заклинаниями. Примечательно, что скорый на расправу Данте не поместил ни одного сумасшедшего в ад, разве что в чистилище. Если ему случалось употребить слово «сумасшедший» (*folle* или *folia*), то почти всегда в смягченном или даже символичес-

ком смысле («безрассудный»), как, например, «шальной полет» Улисса навстречу неведомым землям (Ад, XXVI, 124). Однако «не следует преувеличивать эффективность лечения сумасшедших в Средние века; в отношении психических больных, вне всякого сомнения, часто проявлялось надменное непонимание, смешанное с жестокостью и благоговейным отчаянием»¹⁹. Кромби приводит такой факт: в XVII веке англичане избивали сумасшедших на четырнадцатый день после новолуния²⁰.

Итак, средневековая медицина, находившаяся под влиянием житейского прагматизма и суеверий, была, за исключением хирургии, скорее ремеслом, нежели наукой.

Флорентийские врачи, чьи научные познания, как мы видели, были весьма приблизительны, тем не менее пользовались уважением. Почти все они получали медицинское образование в Болонье, состояли в одном цехе с аптекарями и торговцами галантереей, их было сравнительно немного: в 1339 году всего шестьдесят человек — вместе с хирургами. Уже существовала специализация: терапевты (*fisici*), хирурги (*cerusuci*), дантисты или «врачи полости рта», первый из которых известен с 1301 года. Врачебный труд оплачивался совсем неплохо. Знаменитый Таддео Альдеротти получал баснословные гонорары от своих богатых пациентов, среди которых были папы римские, но он мог ничего не взять с бедняка. Однако поведение отдельных представителей цеха бросало тень на всю корпорацию: некий врач (дело происходило в Генуе) заключил нотариально удостоверенный договор о том, что вылечит своего пациента меньше чем за полтора месяца, получив авансом деньги на покрытие всех необходимых расходов и обязавшись в случае неудачи не разглашать размер гонорара! Отметим, что подобного рода случаи редки, гонорар определяется по усмотрению больного в зависимости от результатов лечения.

Врач пользуется известным престижем. Он имеет право на титул «господин» (*messer* или *dominus*) или «сир» (*ser*), который является титулом нотариусов.

Его одежда напоминает облачение судьи: длинное манто до пят, подбитое беличьим мехом, и красная шапка. Некоторые врачи жили в памяти поколений. Так, знаменитый Таддео Альдеротти появляется в «Пире» Данте (I, X, 10), правда, как плохой переводчик на народный язык, и в «Божественной комедии» (Рай, XII, 83), уже в качестве врача: автор порицает его за стяжательство и любовь к деньгам. В конце XIV века новеллист Франко Саккетти посвятит несколько новелл Дино дель Гарбо, другому знаменитому врачу, ученику Таддео. Зато Боккаччо не слишком высокого мнения о врачах. Двух он описывает в «Декамероне»: одного бросили в выгребную яму (VIII, 9), другой стал соучастником гнусной проделки над наивным простаком (IX, 3). Злословие Боккаччо не дает оснований забывать, что многие флорентийские врачи пользуются заслуженной славой далеко за пределами родного города, как, например, Альдобрандино, в середине XIII века издавший в Париже медицинский трактат, написанный по-французски и получивший широкое распространение («Книга о сохранении здоровья, или Строение тела»). Знамениты нападки Петрарки на врачей. Тем не менее во Флоренции времен Данте медициной занимаются достойные, честные и серьезные люди; ошибки, заблуждения и даже ложь — удел, уготованный их ремеслу повседневностью Средневековья.

Флорентийцы во времена Данте знали целебные свойства термальных вод, особенно серных источников, которым приписывали, помимо лечения ревматизма, способность исцелять от женского бесплодия. Многочисленные пациенты ехали лечиться на курорты: Петриоло (считавшийся наиболее престижным), Мачерето (специализировавшийся на лечении инфантильной сыпи) и Виньоне в Валь д'Орча, близ Сан-Квирико (неподалеку от Сины), не говоря уже о Баньи ди Кашиана, Баньи ди Лукка (подагра), Порретте (расположенный в Апеннинских горах, знакомый страдающим от болезней печени и почек), наконец, Монтекатини в Вальдиньевале (болезни желудка), который в 1581 году посетит Монтень²¹.

Флоренция особенно гордилась своими больницами, их количеством (согласно Виллани, около тридцати в 1339 году, с более чем тысячью коек) и качеством²². Одной из самых старых была больница Сан-Джованни Эванджелиста, расположенная на площади перед Баптистерием. Учрежденная в начале XI века и предназначавшаяся для бедных и паломников, она была снесена в 1296 году (Данте, входивший тогда в Совет ста, проголосовал за ее снос), чтобы освободить место для строительства новой, более вместительной больницы. Наибольшей известностью пользовалась больница Санта-Мария Нуова, учрежденная в 1286 году богатым банкиром Фолько Портинари, отцом воспетой Данте Беатриче, и освященная в 1288 году. Первоначально рассчитанная только на двенадцать коек, в 1296 году она была расширена, а в 1312 году разделена на два отделения, мужское и женское. Слава этой больницы была столь велика, что в XVI веке английский король Эдуард VI выбрал ее в качестве образца для строительства в Лондоне аналогичного богоугодного заведения.

Отметим три характерные особенности средневековых больниц. Прежде всего, ни одна, возможно, за исключением той, что была учреждена для заключенных тюрьмы Стинке, не принадлежала городу. В число обязанностей города-государства забота о здоровье граждан не входила. Проблему решали горожане и духовенство. Именно поэтому учредителями и распорядителями больниц были частные лица, ремесленные корпорации и монашеские ордена (нищенствующие ордена в особенности). По той же причине в содержании больниц важное место занимали частные дарения по завещанию. Но удивительнее всего больница как таковая: в одно и то же время это и собственно больница, и хоспис для умирающих, и даже гостиница, где принимают на ночлег бедных паломников. Уединенные места выбирались для лепрозориев. В одной из больниц для прокаженных, Сан-Якопо ди Сант-Эусебио, созданной корпорацией Калимала, в 1278 году больные, возмущенные плохими условиями содержания, подняли на-

стоящий бунт. Санитарное состояние даже лучших больниц было совершенно неудовлетворительным. Считалось нормальным класть на одну кровать как минимум двух больных, на отдельное место имели право только тяжелобольные. Однако так было не везде и не всегда. Недавнее исследование²³ показало, что больница Санта-Мария Нуова обеспечивала больных разнообразным и сбалансированным питанием (в частности, давали мясо и вино — в достаточном количестве и приемлемого качества), поддерживала в палатах чистоту и порядок. Разумеется, это лишь образцовый пример. В большинстве лечебниц дела обстояли не столь блестяще: знаменитый проповедник Джордано да Ривальто в 1305 году в весьма мрачных тонах изображал моральное и физическое убожество пациентов больницы Сан-Галло.

Характерной чертой средневековых лечебных учреждений было и то, что их персонал состоял из монахов и монахинь, которым помогали миряне, отвечавшие за управление и материальное снабжение. Существовал особый монашеский орден Святого Духа, при вступлении в который послушник давал обет посвятить себя «Богу, Пресвятой Деве Марии, Святому Духу и нашим господам — больным, дабы служить им в течение всех дней моей жизни»²⁴. Устав больницы Санта-Мария Нуова предусматривал, чтобы «бедные больные, поступающие на излечение, находили здесь утешение и заботу, питание и уход, как если бы это был сам Христос, явившийся собственной персоной»²⁵. А вот слова из типового устава больниц средневекового Запада: «Принимать больных, как самого Христа [...] обращаться с каждым больным, как с хозяином дома»²⁶.

*Математические науки*²⁷

Собственный вклад флорентийцев в средневековую теоретическую математику был незначительным и относился уже к эпохе более поздней, нежели эпоха Данте. Так, Паоло Дагомари (1281—1365) опубликовал «Трактат об абак» (отсюда его прозви-

ще: Паоло-Абако). Правда, историк считает, что этот трактат представляет собой лишь наиболее известное резюме на народном языке латинского трактата Фибоначчи «*Liber abaci*» («Книга абака»)²⁸. Но Даго-мари писал также и об астрономии, о тайнах природы и медицины, составил сборник элементарных правил арифметики и алгебры.

Но все же именно Леонардо Фибоначчи по прозвищу Леонардо Пизанский (1170—1240) является «наиболее крупным математиком Средних веков»²⁹. С детских лет знакомый, благодаря своим поездкам (в Алжир, Египет, Сирию, Грецию, на Сицилию) и пребыванию при дворе императора Фридриха II Штауфена, с математической мыслью греков и арабов, Леонардо написал в 1202 году в Пизе «Книгу абака», переработанную в 1228 году. В пятнадцати разделах книги рассмотрены не только собственно математические проблемы (арабские цифры, арифметические действия, дроби, квадратные и кубические корни и т. п.), но и практические вопросы (калькуляция цен, меновая торговля, уступка, сплавы благородных металлов, денежные системы и пр.) — убедительное доказательство того, что в Средние века математические дисциплины «часто были ориентированы на практическое применение»³⁰. В других научных центрах, например в Шартре и Париже, составляют учебники математики, также ориентированные главным образом на практику (межевание, измерения, практическую астрономию). Леонардо Пизанский, как мы уже сказали, интересуется не только теоретическими проблемами, решение которых ему дается легче потому, что он пользуется арабскими цифрами: их значение для дальнейшего развития математики он осознал одним из первых и написал о нем в трактате «Книга абака». В 1220 году он создает «Практическую геометрию» (*Practica geometriae*), в которой в связи с рассмотрением проблемы межевания определяет приблизительное значение числа π .

Однако гениальные открытия Леонардо Пизанского пробивали себе дорогу не без сопротивления.

В 1316 году цех менял специальным постановлением запрещает пользоваться арабскими цифрами, предписывает применять римские цифры и грозит ослушникам денежным штрафом. Так нувориши отплатили черной неблагодарностью человеку, решившему, в частности, проблему амортизации ссуды³¹. Что ж, сила традиции велика, распространению новых идей всячески противятся. Однако помешать новой математике решать практические проблемы того времени, особенно в области физики, уже невозможно. Именно в Италии около середины XIV века разработана теория истинной перспективы, появляются сухопутные и морские карты, создаваемые с использованием сетки координат. Во Флоренции времен Данте следят за научными достижениями: абак занимает важное место в средней и высшей школе, в обучении будущих предпринимателей.

Астрономия и астрология

Данте и его современники не делали различий между астрономией и астрологией. Говоря об одной, они подсознательно подразумевали другую, к обеим относясь с большим уважением:

«Она [астрология] занимает наиболее высокое место среди прочих [наук], поскольку, как пишет Аристотель в начале своего трактата «О душе», эта наука славна как благородством своего предмета, так и своей достоверностью; она более, чем какая-либо из вышеупомянутых наук, благородна и возвышенна, ибо трактует движение небесных сфер; к тому же она возвышенна и благородна достоверностью, исходящей из совершеннейшего и точнейшего принципа и потому не имеющей ни единого изъяна. И если кто-то полагает, что находит в ней изъяны, то изъян заключается не в ней самой, но, как утверждает Птолемей, в нашем нерадении, которому и следует его приписывать» (Пир, II, XIII, 30).

Данте, как и все образованные люди его времени, знал почти все, что было известно в этой области —

с теориями Аристотеля и Птолемея он был знаком³². Свидетельством тому структура «Рая», воспроизводящая концепцию космоса, разработанную Птолемеем. неподвижная Земля в центре мироздания, конечного и имеющего сферическую структуру; вокруг Земли девять концентрических кругов, или «подвижных небес», на которых крепятся, перечисляя по порядку от Земли, Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн, фиксированные звезды и, наконец, «хрустальная сфера», или «перводвигатель». Выше всего этого располагается второе небо или Эмпирей, сам неподвижный, но дающий движение «перводвигателю». Эмпирей — небо покоя, расположенное вне времени и пространства, обиталище Бога и блаженных. Данте, любитель астрономии, не упускает случая обнаружить свое знакомство с трактатом Птолемея «Альмагест», что можно понять из многочисленных реприз, особенно в «Пире». Он поместил Птолемея в «высоком замке» «Ада» среди великих мудрецов Греции и Рима: Евклида, Гиппократа, Галена, Демокрита, Фалеса и других, составляющих «семью мудролюбивую», во главе коей — «учитель тех, кто знает», Аристотель (Ад, IV, 130—144). Теоретический вклад флорентийцев в астрономию эпохи Данте равен нулю, их практический вклад, пусть и незначительный, заключается в конструировании теодолитов, астролябий, солнечных часов и небесных сфер³³, которые можно видеть в Музее науки во Флоренции.

Астрология, как известно, берет начало в области верований и суеверий. За бесспорную истину она принимает тезис о влиянии звезд на судьбы людей. Автор «Божественной комедии» разделял это убеждение (Новая жизнь, XXIX, 2), напоминая, что, рожденный под знаком Близнецов, им обязан своим гением, «будь он мал или велик» (Рай, XXII, 112—114). Впрочем, это не помешало ему обречь на адовы муки тех, кто выдавал себя за прорицателей будущего (Ад, XX), поместив среди них и Микеле Скотто (умер в 1235 году), астролога императора Фридриха II Штауфена, переводчика арабских и греческих трактатов по ас-

трономии (прежде всего Аристотеля) и автора сочинений по оккультным наукам³⁴. В насмешку над прорицателями Данте изобразил их повернутыми «челом к спине» и двигающимися «пятысь задом» (Ад, XX, 13—15). Данте показывает, что вера во влияние звезд на судьбы людей имела тяжелые последствия — отказ от свободы воли. Устами одного из своих персонажей, Марко Ломбардца, он пытается установить пределы этого влияния:

Влеченья от небес берут начало, —
Не все; но скажем даже — все сполна, —
Вам дан же свет, чтоб воля различала

Добро и зло, и ежели она
Осилит с небом первый бой опасный,
То, с доброй пищей, победить должна.

Вы лучшей власти, вольные, подвластны
И высшей силе, влившей разум в вас;
А небеса к нему и непричастны.

(Чистилище, XVI, 73—81)

Однако ни один современник Данте не избежал связанных с астрологией суеверий: как уже говорилось, правители Флоренции не предпринимали ни одного важного дела (война, строительство новой церкви), предварительно не проконсультировавшись с официальными астрологами коммуны.

Химия и алхимия

«Говорить о химии в Средние века — значит говорить об алхимии»³⁵. Отсюда лишь один шаг до предположения, что химики и алхимики были обманщиками и шарлатанами, однако этого шага нужно остерегаться. В самом деле, «если средневековая химия у своих истоков представляла собой эмпирическое ремесло, то с XIII века она обогащается значительным запасом теоретических данных, необходимых для объяснения превращений, интересовавших химиков, то есть качественных и субстанциальных изменений в неодушевленных телах на земле»³⁶. Известно, что слова «химия» и «алхимия» имеют общую

этимологию (от арабского слова «аль кимия», производное от греческого «хума», «плавление металла», или от египетского слова «хеми» — «черный», служившего для обозначения Египта, «черной земли», или свинца, «первобытной тьмы»)³⁷. Обе основаны на греческой и арабской науке, применявшейся в некоторых видах деятельности, например в покраске тканей, рисовании, пиротехнике, металлургии. Одной из главных целей алхимии было превращение металлов: из исходного вещества (свинец) в конечном счете должен был получиться благородный металл — золото. Процесс представлял собой получение сплава в процессе плавления и чернения свинца, который постепенно замещался ртутью, с добавлением субстанций, «имевших естественное сродство с ним и способных придать ему все качества благородного металла»³⁸. Главная трудность состояла в поисках катализатора этого синтеза: на протяжении столетий алхимики вели тщетные поиски «эликсира» или «философского камня», с помощью которого можно было бы превратить свинец или медь в золото. Эти поиски, окруженные тайной и маскировавшиеся эзотерической терминологией, имевшей целью сбить с толку непосвященных, были сплетены с мистическими бреднями вроде «возвращения здоровья, молодости, могущества и совершенства»³⁹ и с фальсификацией металлов. Нетрудно догадаться, что в таком городе, как Флоренция, где основной денежной единицей был золотой флорин, правительство принимало все меры для пресечения деятельности фальшивомонетчиков, особенно после того, как папа Иоанн XXII в 1317 году предал проклятию алхимию. Именно поэтому Данте, и без того испытывавший естественное отвращение к мошенничеству и надувательству, обнаруживает неумолимую суровость к фальшивомонетчикам, обрекая их на беспощадную казнь:

Я видел двух, спина к спине сидевших,
Как две сковороды поверх огня,
И от ступней по темя острупевших.

(Ад, XXIX, 73—75)

Несчастные пытаются освободиться от этих стру-
пьев:

Их ногти кожу обдирали сплошь,
Как чешую с крупночешуйной рыбы
Или с леща соскабливает нож.

(Ад, XXIX, 82—85)

Однако пристрастие к чистому золоту было столь
неодолимо, что алхимики пренебрегали запретами,
продолжая свои тщетные поиски, в которых участ-
вовали даже люди Церкви: в 1300 году епископ Фло-
ренции запретил занятия алхимией доминиканцам
монастыря Санта-Мария Новелла, грозя отлучением
и тюрьмой.

Разумеется, средневековая алхимия шла по лож-
ному пути, однако в ее актив следует записать цен-
ные открытия в области дистилляции. Усовершенст-
вовав перегонный аппарат, унаследованный от
греков и арабов, дополнив его охладителем, сред-
невековые алхимики открыли способ получения
спирта. Знаменитый флорентийский врач Таддео
Альгаротти (1223—1303), о котором мы уже говори-
ли, усовершенствовал способ охлаждения, «заклю-
чавшийся в удлинении трубы, проведенной от пере-
гонного аппарата к водосливу, и в горизонтальном
пропуске ее через емкость с водой»⁴⁰. В Италии знали
«горящую воду» (*aqua ardens*, 60% спирта) и «воду
жизни» (*aqua vitae*, 90% спирта); первую получали,
соответственно, способом простой, а вторую —
двойной перегонки⁴¹. Спирт использовали не только
«в качестве растворителя при изготовлении духов»
или лечебного средства: «алкогольные напитки ста-
ли входить в употребление наряду с вином и пи-
вом»⁴². Перегонный аппарат позволял производить
азотную и серную кислоту. Таким образом, средневе-
ковая химия или, вернее говоря, алхимия, без пре-
увеличения, «была предшественницей современной
химии, хотя у своих истоков она может показаться
нам странной»⁴³ — у истоков, значит, в философии
Аристотеля, переосмысленной арабами и сдобрен-
ной мистическими бреднями.

Подробное рассмотрение техники эпохи Данте не входит в наше намерение. Мы отсылаем читателя к классическим работам Кромби, Татона и их сотрудников, равно как и к мастерски написанному синтетическому исследованию Ж. Ле Гоффа, убедительно показавшего, что «Средние века, бедные изобретениями [...], знаменовали собою важный этап в покорении природы человеком посредством техники»⁴⁴. В частности, благодаря применению водяной и ветряной мельниц, насосов, прессов, зубчатой передачи, кинематических цепных приводов (винт, колесо, кулачковая шайба, защелка и блок)⁴⁵, а также задней цепи и вертлюга, неизвестных в античности: они позволяли «преобразовывать попеременное движение в движение вращения и наоборот»⁴⁶.

Рассмотрим подробнее технику текстильного производства, поскольку, как уже говорилось, именно оно лежало в основе процветания Флоренции. По оценочным данным хрониста Дж. Виллани, в 1338 году более двухсот мастерских цеха Лана произвели от 70 до 80 тысяч кусков сукна; он добавляет, что тридцатью годами раньше, то есть во времена Данте, Лана имела около 300 мастерских, в общей сложности производивших более 100 тысяч кусков сукна в год. Однако, пишет он, «это были грубые сукна, стоившие вдвое дешевле, поскольку тогда не умели столь хорошо обрабатывать привезенную из Англии шерсть, как это делают сейчас» (Хроника, XI, 94).

Тщательность, с какой изготовлялись эти шерстяные ткани, пользовавшиеся заслуженной славой во всем мире, видна в длинной цепи производственных операций, в результате которых появлялось сукно, продававшееся в лавках Ланы и Калималы. Шерсть, купленную в Англии, Шотландии, Франции, на Балеарских островах, в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в самой Тоскане, привозили по морю на генуэзских и пизанских судах или наземным путем. Основными операциями в сукноделии были: чесание, прядение, ткачество, валяние, разгла-

живание и стрижка. Посмотрим, как это делалось во Флоренции⁴⁷.

Первой операцией была сортировка шерсти, второй — мытье: использовали мочу и содовый раствор. Затем шерсть полоскали в Арно или его притоке Муньоне, неподалеку от монастыря Онъиссанти, растилали на ивовых плетенках и отбивали палками, часто с использованием специальных приспособлений (*vergheggiatura*). Следующая операция — дополнительная переборка шерсти, из которой удалялись все посторонние примеси. Затем шерсть тщательно расчесывали: в трактате XV века, посвященном обработке шерсти, говорится о десяти взмахам гребня для каждого пучка. Короткие нити отделяли от длинных, для прядения были пригодны только длинные нити. Лишь после этого шерсть попадала в руки чесальщиков (*cardatori*, название происходит от слова *cardo*, чертополох, который когда-то использовали чесалки для шерсти). Во времена Данте чесальщики работали с помощью двух валиков, снабженных металлическими шипами, между которыми протягивали пучки шерсти. Обработанная таким образом, мягкая и превращенная в хлопья или волокна шерсть была готова для прядения. Им занимались женщины, чаще всего у себя дома — в городе или деревне. Вид женщин, занятых прядением, был столь типичен, что Данте вспоминает о нем дважды (Ад, XX, 121; Рай, XV, 117). Вступали в дело веретена и прялки, как простые, так и усовершенствованные, колесные.

Что касается собственно ткачества, то оно к тому времени было облегчено внедрением горизонтального станка, который приводился в действие двумя работниками. Готовая ткань подвергается новой операции по механической очистке — с использованием щипцов, затем сукно моют в горячем растворе из мыла, глины и мочи. Наступает очередь валяния на специальных валяльных мельницах вдоль Арно и Муньоне: деревянными колотушками ритмично отбивают ткань, находящуюся в чанах с горячим раствором. Благодаря этому ткань становилась более плотной и прочной, ее называли валяной.

Наконец практически готовую ткань расчесывают и подстригают специальными ножницами. Остается ее высушить и окрасить. Именно в этой последней стадии производства, окрашивании сукон, флорентийцы достигли непревзойденного мастерства, основанного, возможно, на утраченном секрете использования квасцов и различных красителей: индиго для получения темно-синего цвета и вещества, называвшегося *indaco*, для окрашивания в светло-синий цвет; марена, обычно привозившаяся из Прованса, давала красный цвет, гелиотроп — фиолетовый. Получали целую гамму цветов, прославивших, но не обогативших красильщиков Флоренции, из рук которых наконец выходили сукна, экспортируемые во все страны средневековой Европы (на севере, за линией Венгрия — Бордо фламандские суконщики составляли серьезную, постоянно усиливавшуюся конкуренцию).

Доля ручного труда еще значительна. Однако появляются и первые механические устройства. Так, валяние, прежде производившееся ногами, теперь осуществляется на сукновальных мельницах на берегу Арно, которые приводят в действие водяные колеса. То же относится к прядению, где в производственный процесс внедряются колесная прялка и веретено, появившиеся в конце XIII века.

Революцией в ткачестве стало внедрение горизонтального станка, оказавшегося особенно эффективным в производстве шелковых тканей, зарождавшемся во Флоренции. Но труд все равно в основном оставался ручным.

В заключение несколько слов об очках, появившихся в Европе именно во времена Данте, около 1285 года. Они быстро нашли широкое применение. Однако речь идет о линзах для дальнозорких, близорукие получают в свое распоряжение аналогичное средство корректировки зрения лишь в XVI веке. Было ли налажено во Флоренции производство очков? Давидсон не обнаружил никаких следов этого ремесла, тогда как в Венеции оно утвердилось в начале XIV века⁴⁸.

Литература и искусство

Мы не ставим задачу написать историю литературы и искусства Флоренции времен Данте¹. Но краткий рассказ необходим: они являлись неотъемлемой составной частью повседневной жизни, «выходили на улицу», сливались со зрелищами и праздниками, которыми жил город.

*Театр*²

Театр Флоренции времен Данте не имеет ничего общего с современным нам театром. Начать с того, что это слово не употребляется в значении, которое придаем ему мы. Нет зданий, предназначенных для выступления театральных трупп: «До появления в первой половине XVI века фронтальных сцен не знали самого понятия театральных или, точнее говоря, театрализованных пространств, естественных или воссозданных. Театр тяготел к нетеатральным пространственным моделям или к многофункциональному театрализованному пространству, наиболее типичным примером которого служит рыночная площадь»³. Другими словами, местом для сценического действия могли служить церковь или помост, сооруженный прямо на улице перед гражданским или церковным зданием и разбиравшийся сразу же по окончании представления.

Известно, что театр в течение долгого времени помещался внутри церкви, которая создавала сценическое пространство: оно, по крайней мере во Франции, включало в себя почти все здание, ориентированное по оси восток — запад и концентрируя действие в трех точках: восток, запад, центр⁴. Располагалась ли сцена, таким образом, в центре здания? Предположение весьма спорное. Можно допустить, что на время представления сооружали помост. Использовались простейшие декорации, как нарисованные, так и изготовленные из дерева — для изображения ада, храма, Гроба Господня, замка, дворца и т.п. Эти

декорации, в высшей степени стилизованные, по-итальянски назывались *luoghi deputati* (представительные места). Среди специалистов нет единого мнения относительно декораций: одни считают, что это были просто рисунки на ткани, весьма схематичные, образывавшие задник сцены и размещавшиеся в соответствии с принципом синхронности сценического действия и декораций; другие полагают, что применялись довольно основательные, тщательно выполненные декорации, которые переносили с одного представления на другое. Последние, вероятно, появились позже интересующего нас периода, а современники Данте их не знали или могли видеть нечто им подобное в исключительно редких случаях, возможно, в 1304 году во время большого представления на реке Арно, описанного хронистом Джованни Виллани: «На лодках и гондолах установили балаганы, в которых представляли сцены адовых мук: одни участники спектакля нарядились ужасными на вид демонами, тогда как другие изображали бестелесные души, подвергавшиеся всевозможным пыткам, а потому оглашавшие место действия невообразимыми воплями и криками, так что получилось зрелище, которое было в равной мере страшно и смотреть, и слушать» (Хроника, VIII, 70). Об этом представлении мы уже рассказывали; оно закончилось трагически (мост, на котором собрались зрители, рухнул, унеся жизни многих) и не являлось театральной постановкой в собственном смысле слова, с действием и диалогами: «Это было не что иное, как изображение адовых мук, без какой-либо фабулы и вымысла»⁵. Некоторые склонны считать театральным представлением религиозные сцены, разыгрывавшиеся в Сиене в 1257 году и во Фриуле в 1288 и 1303 годах. Однако в первом случае речь идет о немой сцене, изображавшей распятие Христа в день Страстей Господних, во втором — о настоящем представлении (последовательно изображались сотворение прародителей, Благовещение, Страсти Господни, Воскресение, Вознесение), причем исполнителями были священнослужители, сценой — резиденция

епископа, а говорили на латинском языке⁶. Ничего похожего во Флоренции не бывало, пройдет немало времени, прежде чем в городе появятся спектакли такого уровня.

История театра во Флоренции не отличается от истории театра в других городах средневековой Италии. Истоки этого искусства следует искать в литургии, а точнее говоря — в богослужении на Страстной неделе. С XIV века четыре Евангелия читаются по ролям тремя клириками (раньше их читал один человек, «переменами тона голоса выделявший диалоги и включение в действие других персонажей»⁷). Это чтение на несколько голосов сопровождалось «действиями и жестами чисто театрального характера»⁸. Литургию в Чистый четверг и Страстную пятницу проводили так, чтобы подчеркнуть многоголосием драматический характер мессы. Своего апогея эта театрализация достигала в Пасхальное воскресенье после пения псалмов, в тот момент, когда жены-мироносицы, придя к пустой могиле Христа, слышат голос ангела: *Quem quaeritis? Jam surrexit. Venite et videte. Alleluia. Alleluia* («Кого вы ищете? Он воскрес. Идите и смотрите. Аллилуйя. Аллилуйя»). Разумеется, здесь можно видеть лишь эмбриональную форму театрального представления. Специалисты сходятся во мнении, что собственно церковная драма появилась в бенедиктинском монастыре Санкт-Галлен, в его «тропах» или секвенциях перед литургическим пением, во время или после него. Но, вполне возможно, прав и П. Тоски, полагавший, что монахи бенедиктинского аббатства Монте-Кассино еще раньше использовали тот же поэтический прием в сочетании со «сценической игрой», хотя и весьма примитивной, с вовлечением в нее других клириков, участвовавших в молебне. Короче говоря, «именно на плодородной почве элементов драмы, содержащихся в католической литургии, произрастал густой и пышный лес западноевропейской литургической драмы»⁹.

До подлинного религиозного театра путь был еще долог, этапы его становления более или менее гипо-

тетичны. Обычно говорят, что только флорентийское *sacra rappresentazione* (церковное представление) знаменует собой рождение театра в точном смысле слова. Но это церковное действие датируется XV веком, так что Данте и его современники могли знать только литургические драмы. Такие представления давали по всей Западной Европе, особенно во Франции, сперва внутри церквей и на латинском языке, с клириками в качестве актеров, по драматическим схемам, навеянными Священным Писанием, а затем, с XII века, на церковных папертях, с декорациями, о которых мы вкратце рассказали, с актерами-мирянами, и на «народном языке» (важнейшее новшество, делавшее театр популярным в народе). Иначе говоря, монологи и диалоги произносились по-итальянски (и, соответственно, по-французски на французских сценах; однако итальянцы понимали и французский язык, охотно собираясь на представления трупп, прибывавших из Франции). Не стоит заблуждаться на тот счет, что в этой области будто бы происходило последовательное развитие: первоначальная форма (церковная драма, разыгрывавшаяся внутри храмов) замещалась последующей, более светской формой. Долгое время эти формы сосуществовали, несмотря на запреты римских пап и синодов, начиная с буллы папы Иннокентия III от 1207 года и вплоть до постановления Утрехтского синода 1293 года, предписавшего изгнать из церквей действия, едва ли совместимые со священным характером места. Все, что касается истории театра, остается догадкой; тем не менее можно предположить, что переходу от церковной драмы на латинском языке, которую в храмах представляли клирики, к драме, разыгрываемой на открытом воздухе мирянами на народном языке, способствовала деятельность Конгрегации славящих, о которой мы рассказывали.

Хвалебная песнь (*lauda*) как литературный жанр появилась раньше, чем возникло широкое движение последователей Раниери Фазани, который в 1260 году обошел Умбрию, всюду встречая восторженный прием. Братство славящих существовало во

Флоренции с 1183 года (*confraternita dei laudesi della Beata Vergine Maria*). Что касается хвалебных песнопений, то «нет ни малейшего сомнения относительно их происхождения: изначально это были те же самые хвалины, читавшиеся на утреннем каноническом богослужении, то есть три последних псалма Псалтири, а также тропы антифонного и респонсорного пения — хвалебные гимны, сочинявшиеся поэтами и музыкантами бенедиктинского монастыря Санкт-Галлен»¹⁰. В качестве примера можно назвать наиболее знаменитое произведение, «Гимн брата Солнца» (1225—1226) святого Франциска Ассизского, навеянный CXLIII псалмом (музыка не дошла до наших дней). Но каким бы ни было его происхождение, хвалебное песнопение достигло своего наибольшего распространения во второй половине XIII века, получив признание по всей Италии. Именно тогда сформировался тот тип представления, который можно назвать театральным: он повторялся десятки раз в течение литургического года в неразрывной связи с мессой, причем особое предпочтение ему отдавалось на Страстной неделе, когда кульминационным моментом становились Страсти Господни. Наиболее известным образцом этого жанра служат хвалебные гимны Якопоне да Тоди (1230—1306), в которых у подножия Распятия разворачивается патетический диалог между Марией, Иоанном, Христом и толпой, предельно лаконичный в знаменитом гимне «*Stabat Mater*». Переход от первых хвалебных гимнов, представлявших собой своего рода речитатив по образцу танцевальной песни, к драматическим хвалебным гимнам осуществлялся постепенно. В эпоху Данте этот процесс находился на промежуточной стадии: двое, трое или четверо чтецов, различавшихся своими типичными нарядами, выступали на фоне простейшей декорации, схематично обозначающей место действия в соответствии с основным принципом театра того времени — принципом одновременности. Что касается музыкального сопровождения, неразрывно связанного с диалогической декламацией, то использовалось уже

не григорианское пение, а «линейная музыка, чистая, выразительная, созвучная поэзии, не формальная и не литургическая»¹¹, музыка, перемены которой отражали вступление каждого чтеца, что предвещало скорое зарождение флорентийского «нового искусства» (*Ars Nova*).

Как видим, все сказанное относится к религиозному театру. Рядом с ним жила элементарная форма драматизации, которая нравилась простой публике, но которой не пренебрегали и попопаны, и гранды. Имеется в виду театр жонглеров, мимов, фигляров и прочих шутов, плясавших, певших, выделявавших пируэты, заговаривавших с публикой, вовлекавших ее в действие, или же, к ее изумлению, изображавших в карикатурном виде паладинов императора Карла, рыцарей Круглого стола и многое другое из французского средневекового эпоса, — сценки, которые итальянские скоморохи и сказители представляли публике на протяжении столетий. Церковные власти косо смотрели на этот светский театр, предавая его (впрочем, тщетно) анафеме за непристойности. Впрочем, и светские власти побаивались уроков, которые давали театральные представления народу, боялись и критики, подрывавшей устои существовавшего порядка (во Флоренции комедиантов подозревали в пропаганде гибеллинских идей и преследовали их).

Итак, во Флоренции времен Данте театр — это и светское представление жонглеров, и религиозное действие, одинаково популярные и нерасторжимо связанные друг с другом: как тогдашняя жизнь, сплетавшая воедино священное и суетное.

*Музыка, танцы и пение*¹²

Музыка, танцы и пение занимают важное место в повседневной жизни времен Данте. Престиж музыки высок и в доктринальном смысле. «Музыка, — писал святой Фома Аквинский, — занимает первостепенное место среди семи свободных искусств. Именно музыка прославляет в церкви битвы и победы Бога,

именно ее предпочитают святые в своих молитвах, именно через нее грешники вымаливают прощение [...] Музыка — наиболее благородная из человеческих наук, и каждый должен научиться предпочитать ее всем прочим, поскольку ни одна из них, кроме музыки, не осмелилась переступить порог церкви»¹³. В этом знаменитом тексте речь, разумеется, идет о духовной музыке. Светская музыка занимала важное место в повседневной жизни мирян — ее слушавших, под нее певших и танцевавших.

Музыку изучали в университетах в качестве одного из свободных искусств в составе квадривиума (о чем говорилось), ее престиж основывался, как следует из слов святого Фомы Аквинского, на моральном значении. «Творящий зло доказывает, что он не владеет музыкой», — писал Рабан Мавр, теоретик Каролингского возрождения¹⁴. Ему вторил итальянец Гвидо д'Ареццо (995—1050), изобретатель пяти нотных линеек: «Кто пытается исполнять музыку, не учившись ей, тот по праву называется глупцом»¹⁵.

Очистительную силу музыки признают повсеместно. «Музыка, — пишет современник Данте, — обладает способностью смягчать сердца злых людей, приуготовляя их к созерцанию небесной красоты. [...] Целью, к которой она устремлена, служит беспредельное восславление Бога, ибо все голоса должны славить Господа»¹⁶. Более того, считается, что музыка связана с движением Вселенной, как учил один из духовных наставников Данте, Боэций (V век); Боэций в трактате «*De musica*» («О музыке»), над которым много размышлял Данте, различал три разновидности музыки: *mundana* (мировая, вселенская), *humana* (человеческая) и *quae in quibusdam constituta est instrumentis* (инструментальная), первая из которых сопровождает движение небесных сфер¹⁷. Это учение восходит к греческой философии и имело сторонников среди просвещенных современников Данте, начиная с него самого. Вместе с тем отмечалось, что «музыка в собственном смысле слова, вокальная или инструментальная, отодвинута на третье место; таким образом, она представляет собой лишь один

из аспектов, к тому же не самый важный, широкого комплексного представления»¹⁸, а именно, о Вселенной и ее движении. Не вторгаясь в эту область, выходящую за пределы нашего сюжета, ограничимся рассмотрением вокальной и инструментальной музыки, сакральной и светской.

Во Флоренции времен Данте нет более или менее крупной церкви, которая не имеет одного или двух органов. Именно в XIII веке появляется современный тип органа с клавишами, которые исполнитель нажимает пальцами. Органы были двух разновидностей: маленькие, называвшиеся портативными, и обычные, достаточно мощные для того, чтобы наполнить звуками музыки обширное пространство готического собора, такого, как Санта-Мария Новелла, располагавшего в 1330 году двумя большими органами, Санта Кроче или Сантиссима Аннунциата, в котором в этом же году также было два инструмента. Органы использовали, очевидно, для аккомпанемента при исполнении григорианских гимнов, которые доминиканцы и францисканцы разучивали при помощи трактата Гвидо д'Ареццо *Micrologo*. Монодическое пение чередовалось с полифоническим, и все же флорентийская полифония по своему качеству уступала той, что была в парижском соборе Парижской Богоматери, и применялась в исключительных случаях¹⁹. Можно встретить утверждение, что «в Италии, родине пения, Тоскана считалась его подлинным очагом, и каждый желавший овладеть певческим искусством отправлялся именно в Тоскану, поскольку только там можно было услышать хорошую вокальную музыку»²⁰.

Флорентийцы эпохи Данте на протяжении всего года развлекаются светской музыкой, звучащей на частных или общественных праздниках, просто в веселых компаниях молодежи. Музыка, танцам и пению учили в семьях пополанов и знати, учили как мальчиков, так и девочек. Что касается детей простых горожан, то, чтобы петь и танцевать, им учиться было не нужно. Боккаччо рассказывает о некоей Бельколоре, жене простого труженика, которая уме-

ла лучше любого «играть на чембало, петь «Вода бежит в огород...», водить хороводы и танцевать» (Декамерон, VIII, 2). «Декамерон» вообще наполнен танцами и песнями, в которых выражалась радость жизни флорентийцев: они не могли представить дружескую посиделку, не украшенную хоровой и инструментальной музыкой, танцами. К песням и инструментам, весьма разнообразным, мы еще вернемся. Они иллюстрируют хорошо известный факт, что Флоренция времен Данте создала все необходимые предпосылки, чтобы спустя несколько десятилетий стать родиной «нового искусства» (*Ars Nova*).

Возьмем наиболее популярные из народных танцев и песен, прежде всего ту, что так славно исполняла Монна Бельколоре: «Вода бежит в огород по канаве»²¹. Как пишет критик, это было что-то вроде детской игры²²: танец сопровождался незамысловатой песенкой. Солист запевал припев, и хор подхватывал:

Вода бежит в огород по канаве,
А в саду уж созрел виноград.

Когда доходили до слов:

Милая моя крепко любит меня,
Так отдайте ее за меня,

распорядитель игры выводил из хоровода одну девушку за другой и становился на место. Когда все девушки оказывались по левую руку от него, первая часть игры заканчивалась. Тогда меняли припев, называя по имени юношу, который должен был встать между двух девушек по его собственному выбору — так и развлекались девушки и юноши из народа: распевая песни и танцуя, держась за руки, кружась в хороводе. Совсем иным был бальный танец, медленный, размеренный, сдержанный, целомудренный, более приличествующий знати и богатым горожанам. Церковь не осуждала его — не то что народный танец, непринужденный, вакхический, чувственно-эротический: считалось, что, когда народ веселился, можно забыть на время о строгости нравов. Однако

богатые буржуа хорошо знали (о чем свидетельствует тот же «Декамерон») фривольные народные песни и танцы: весельчак Дионео хочет затянуть одну из таких песенок, несмотря на полусерьезные, полушутливые протесты со стороны молодых дам.

Во Флоренции, как и в других местах, любовь к пению и танцам была столь велика, что, как только наступало теплое время года, пели и танцевали на лугах, окружавших город, особенно в Майский праздник, и на городских улицах. «Веселые компании» молодых людей, празднично одетых, под водительством избранных ими короля и королевы ходили по центральным кварталам города.

Во Флоренции народная музыка была одним из проявлений музыкальной жизни. Другая ее форма была представлена музыкой, которую мы назвали бы «литературной», поскольку она сопровождала стихи Данте, его современников и друзей.

Союз поэзии с музыкой ведет свое происхождение, как известно, из Прованса²³. В Италии после Альбигойских войн начала XIII века нашли убежище несколько провансальских трубадуров. У них появились ученики, из которых наибольшей известностью пользовался Сорделло Мантуанец, заслуживший похвалу Данте за то, что, «отказавшись от просторечного слога», сочинял «изысканнейшие стихи» («О народном красноречии», I, XV, 2). Данте поместил его в чистилище, его встреча с Вергилием — один из наиболее волнующих эпизодов поэмы (Чистилище, VI, 58 и след.). Сближение провансальцев с итальянцами породило поэзию и музыку, ставшие общим достоянием обеих культур. Сам Сорделло одинаково хорошо писал как на провансальском, так и итальянском языках. Именно в эти годы в Италии прижились провансальские музыкальные жанры: баллада или «танцевальная песня», любовный диалог (*contrasto*), сирвента и дискорда. Провансальское влияние было столь сильным, что затронуло религиозную поэзию, подчеркнув родство между хвалебным гимном и балладой: «Строфе предшествует и следует за ней рефрен, мелодия которого полностью или частично

используется для последней части строфы»²⁴. К сожалению, от итальянского музыкального творчества, развивавшегося под провансальским влиянием, следов почти не осталось. Не потому ли, что утрачены рукописи? Не только. В Италии просто не существовало полифонической школы, сопоставимой с теми, что действовали, например, в Сен-Марсьяль или Нотр-Дам. «Музыкальная жизнь Италии, по крайней мере до расцвета «нового искусства» (*Ars Nova*) в XIV веке, имела второстепенное значение, в том смысле, что она оставалась в рамках скромной локальной деятельности, основываясь на заимствованном репертуаре»²⁵. Вместе с тем она породила чрезвычайно важный культурный феномен: итальянцы поначалу и не стремились быть оригинальными, усваивая южно- и северофранцузские влияния; взаимопроникновение культур, облегчавшееся свободным перемещением жонглеров и трубадуров, способствовало появлению своеобразного единого репертуара²⁶. Лишь позднее с возникновением школы «нового сладостного стиля» (*dolce stil nuvo*), выдающимся представителем которой являлся Данте, в полной мере проявится оригинальность собственно тосканского, флорентийского творчества. И, несмотря на гордость и сознание собственной значимости, Данте считал своим долгом высказать признательность всем поэтам по ту сторону Альп, давшим образцы любовной поэзии, и в их числе Арнальду Даньелю, о котором он говорит в «Чистилище» (XXVI, 115—148). В поэтическом отношении «новый сладостный стиль» ничуть не уступал провансальской поэзии, напротив, его достоинства были таковы, что ему могла соответствовать только музыка флорентийского «нового искусства», спустя некоторое время вступившего в пору расцвета. К великому сожалению, «новое искусство» во Флоренции времен Данте делало только свои первые шаги.

Ограничимся рассмотрением канцоны (песни), главного поэтического и музыкального жанра в эпоху Данте²⁷. Поэт разработал его теорию в трактатах «О народном красноречии» и «Пир», сочинил пре-

восходные канцоны, одну из которых исполняет персонаж «Чистилица», певец и композитор Каселла. Каселла обладал талантом, его пение трогательно:

«Любовь, в душе беседея со мной», —
Запел он так отрадно, что отрада
И до сих пор звенит во мне струной.

Мой вождь, и я, и душ блаженных стадо
Так радостно ловили каждый звук,
Что лучшего, казалось, нам не надо.

Мы напряженно слушали...

(Чистилице, II, 112—118)

Эта канцона Данте, которую он снабдил длинным ученым комментарием, насыщена двойным и тройным смыслом; поэт включил ее в третью книгу трактата «Пир» и посвятил Беатриче, достоинства и красоту которой прославлял:

В ее явленье радость всех времен,
И в облике ее блаженство рая.
На очи и уста ее взирая,
Амор принес ей множество даров.
Наш скудный разум ею превзойден.
Так слабый взор луч солнца, поражая,
Слепит...

(Пир, III. Пер. И. Н. Голенищева-Кутузова)

Впрочем, нас в данном случае интересуют не собственно литературные достоинства или скрытый смысл канцоны, а ее музыкальное сопровождение и, более широко, проблема связи любовной поэзии и музыки во времена Данте.

Прежде всего, перед нами встает непростой вопрос: по мнению некоторых комментаторов, процитированная канцона Данте вовсе не была положена на музыку его другом композитором Каселлой — по той простой причине, что во времена Данте канцоны были предназначены для чтения, а не для исполнения в качестве песен. Если предположить, что рассказ Данте правдив и Каселла пел ему его собственную канцону, положив ее на музыку, то музыка «не только не могла добавить красоты к поэтическому

тексту, но и, вероятнее всего, утяжеляла его»²⁸. Высказывается даже мнение, что эта музыка, если она вообще существовала, скорее всего представляла собой своего рода импровизированный речитатив, что объясняет практически полное отсутствие записей инструментальной музыки. Вместе с тем вполне вероятно, что этот вид музыкального аккомпанеента не являлся оригинальным произведением, он заимствовался из провансальской или французской, иногда из церковной музыки, под которую исполняли светские тексты (так называемый *contrafactum*). Может быть, стихи и музыка рождались одновременно, в зависимости от таланта автора. В любом случае, «эпоха Данте знаменовала собой конец изначальной идентичности двух этих искусств. В дальнейшем канцона отбрасывает свою музыкальную оболочку, чтобы стать чисто литературным произведением»²⁹. Но от чего отказалась канцона, то приобрел другой литературный жанр — баллада, структура которой сводилась к единственной строфе, а поэзия «приобретала традиционный тон», из чего следует, что «стихи служили всего лишь поводом для пения»³⁰.

Впрочем, оставим эту сложную проблему, от решения которой специалисты далеки. Поговорим об инструментах, хотя бы о наиболее известных, упоминаемых в сочинениях Данте, таких, как арфа, волынка, цитра, гитара, рожок, жига, лира, лютня, труба. К ним можно добавить несколько смычковых: кротту, ребек и виолу. Мы не ставим перед собой цели написать историю музыки, ограничимся поэтому несколькими инструментами, менее всего знакомыми нашим современникам, не являющимися специалистами по истории средневековой музыки. Скажем несколько слов о жиге (*giga*), которую Данте упоминает в связи с арфой (Рай, XIV, 118). На этом инструменте, имевшем различное количество струн, играли с помощью смычка. Текст Данте дает основание полагать, что жига могла служить и щипковым инструментом (этим объясняется ее сближение с арфой). Но была ли она таковым в действительности? Трудно сказать. Сколько имела струн — одну или не-

сколько? И это неясно. Как бы то ни было, жига издавала приятные, сладостно-нежные звуки, почему и появляется в той грандиозной, многозвучной симфонии, какой является «Рай». Несколько слов об арфе, которую Данте связывает с жигой. Арфе в Средние века приписывали воистину чудесные свойства: она могла «изгонять злых духов, останавливать бег водных потоков и движение военных отрядов»³¹. Благородный, аристократический инструмент, арфа имела тогда в общем и целом известную нам форму, с той лишь разницей, что ее передняя часть была прямой, а не изогнутой. А вот лира, также встречающаяся у Данте (Рай, XV, 4 и XXIII, 100), имела две разновидности — щипковую и смычковую. Данте имел в виду скорее всего первую. Что касается лютни, один раз упомянутой в «Божественной комедии» (Ад, XXX, 49), то примечательно следующее: именно Данте впервые в итальянской литературе называет этот инструмент; следовательно, он только начал входить в употребление (как известно, лютня происходит из Персии, в Европу была завезена арабами, которые и дали ей название). Были две разновидности лютни: длинная, от которой отказались еще в раннее Средневековье, и короткая, получившая распространение в эпоху Данте. Не исключено, что поэт имел в виду некую промежуточную форму, ни длинную, ни короткую (различие в длине определялось длиной грифа). Была известна виола (как и лютня, признанная «благородным» инструментом). Упомянем *sen-pamella*, представлявшую собой разновидность волынки с двумя самшитовыми трубами, одна из которых издавала звуки, а другая служила для надувания. Использовались также рота — разновидность гитары; собственно гитара; флейта; самбука — струнный инструмент треугольной формы; ребек — смычковый инструмент, издававший пронзительные звуки; трубы различной длины (*tube* — более длинные и *trombe* — более короткие), гобои (*oboe*). В завершение разговора напомним очаровательную сценку из «Декамерона», хотя и относящуюся к несколько более позднему времени, но, несомненно, отражающую

щую нравы и обычаи времен Данте. Молодые герои «Декамерона», юноши и девушки, бежав от свирепствующей в городе чумы, устроились на большой красивой вилле среди живописных холмов. Ужин закончен. Слуги убирают столы, накрытые в одном из залов. Королева дня отдает распоряжение принести инструменты, и по ее приказу Дионео берет лютню, Фьямента — виолу, дуэтом начинают играть танцевальную мелодию. Дамы и кавалеры во главе с королевой образуют круг (*carola*) и медленно танцуют. После танца наступает черед песен, весьма приятных и веселых. И так они проводили все вечера, пока королева не отдавала распоряжения расходиться по комнатам.

О музыкальной жизни Флоренции того времени никто не рассказывает лучше Данте. Его теоретические знания в этой области огромны, судя по трактатам «Пир» и «О народном красноречии». Он достаточно хорошо знаком с музыкой трубадуров, вспоминает Бертрана де Борна (Ад, XXVIII, 118—142), Арнаута Даныеля (Чистилище, XXVI, 115 и след.), Джираута де Борнеля (Чистилище, XXVI и «О народном красноречии»), Фолько Марсельского (Рай, IX и «О народном красноречии»), Тибо Наваррского («О народном красноречии»), Аймерике де Пегийяне («О народном красноречии»). Он хорошо знает духовную музыку, цитирует *Asperges me* («Окропи меня») (Чистилище, XXXI, 98), *Sperent in te* («Да уповают на тебя») (Рай, XXV, 98), *Summae Deus clementiae* («Бог высшей милости») (Чистилище, XXV, 121), *Beati pacifici* («Блаженны миротворцы») (Чистилище, XVII, 68—69), *In te, Domine, speravi* («На тебя, Господи, уповаю») (Чистилище, XXX, 83) — и многие другие. Можно сказать, что музыка, в сочетании с танцем и без него, пронизывает всю «Божественную комедию». Ее присутствие, разумеется, не столь значительно в «Аду» (и тем не менее: III, 25; XIII, 111 и т.д.). Музыка становится существенным элементом структуры и общей атмосферы в «Чистилище» и «Рае». В «Чистилище» она обретает очистительную силу, способность волновать слушателей:

Данте выразительно показал силу музыки в эпизоде, когда Каселла исполняет собственную канцону создателя «Божественной комедии» (Чистилище, II). И — тонкое наблюдение — «в земном рае все поют: Матильда, маленькие птички на вершинах деревьев, сам лес и двадцать четыре старца»³². Наконец, «Рай» — место, где царят радость, свет и песни, так что сами небеса в своем вращении издают божественную музыку сфер:

Когда круги, которых вечный ход
Стремишь, желанный, ты, мой дух призвали
Гармонией, чей строй тобой живет...

(Рай, I, 76—78)

Таким образом, как в творчестве, так и в жизни Данте музыка была постоянно связана с высокой поэзией. В годы юности он чувствовал музыку, как ее чувствует человек: воспевал с приятелями молодых красоток и сочинял стихи, которые, став песнями, поют в веселых компаниях. Позже, в годы своей зрелости, уже в иные времена, он откажется от легкомысленной фривольности, но, сознавая себя добрым учеником святого Фомы Аквинского, сохранит живую любовь к благороднейшему из свободных искусств, единственно достойному прославлять невыразимую радость Чистой Любви — не к женщине, как в годы молодости, а к Богу, перводвигателю мира, гармония которого достигает слуха тех, кто способен, невзирая на рев и ярость человеческих страстей, ощущать:

Любовь, что движет солнце и светила.

(Рай, XXXIII, 145)

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ. ДАНТЕ И ФЛОРЕНЦИЯ

Присутствуя в Риме на юбилее 1300 года, флорентийский хронист Джованни Виллани задумал написать «Хронику», в которой есть примечательное высказывание: «...наш город Флоренция, дочь и творение Рима, переживающая стремительный подъем, предназначена для великих дел, тогда как Рим клонится к упадку». Так началось сотворение мифа о Флоренции, доведенного до высших пределов флорентийскими писателями эпохи Ренессанса, прославлявшими свой город, как Новые Афины. Виллани еще сдержан в выражении переполняющей его гордости, но и он не упускает ни единой возможности, чтобы сравнить могущество Флоренции с мощью других городов и королевств. Так, описывая свой город в 1338 году, хронист уверяет, что его доходы превышают фискальные поступления короля Неаполитанского, королей Сицилии или Арагона. Путешественник, впервые увидевший с расстояния трех миль от города «богатые сооружения и роскошные дворцы» Флоренции, думает, не к Риму ли он приближается. Говоря о Данте, Виллани без тени сомнения называет его самым великим из писателей, которых Флоренция дала Италии.

Но именно Данте был тем редким флорентийцем, который не разделял

общих восторгов. Разумеется, у него были причины для обиды. Но его злопамятность не знает границ. Среди семидесяти девяти персонажей, помещенных им в «Ад», тридцать два — флорентийцы. Зато в «Чистилище» флорентийцев всего трое, а в «Раю» — двое, один из которых прадед поэта. Откуда эта неумолимая суровость? Флоренция, считает он, при жизни двух или трех последних поколений сталаместилищем гордыни, зависти и жадности (Ад, VI, 74—75; XV, 68). Это те самые грехи, олицетворения которых — лев, рысь и волчица — появляются в первой песне «Ада», не дают взобраться на холм спасения. Данте клеймит бесстыдство, роскошь, половые извращения, лицемерие, несправедливость, политическое легкомыслие, неодолимую тягу к нововведениям, непостоянство, раздоры и ненависть — вплоть до финансового могущества города и его символа, золотого флорина:

...проклятый цветок,
Чьей прелестью с дороги овцы сбиты,
А пастырь волком стал в короткий срок.
(Рай, IX, 130—132)

Эта бескомпромиссная неприязнь к родному городу питалась и неуступчивостью, которую флорентийцы проявили в отношении политических планов императора Генриха VII, и поддержкой, которую они оказывали папам, в коих Данте видел лишь алчных, продажных, растленных князей.

Между дифирамбами хрониста и проклятиями поэта историку не составит труда найти нечто среднее — это восхищение городом, исключительная роль которого в итальянской истории вполне отчетливо обозначилась, благодаря достигнутому огромным успехам, уже в эпоху Данте.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ В любом хорошем сочинении по истории Италии освещается рассматриваемый нами период. Что касается Флоренции, то рекомендуем нашу работу: *Antonetti P. L'Histoire de Florence*. Paris, 1973. P. 16—33. См. также произведения, приведенные в библиографии к данной книге. Можно порекомендовать также разделы, написанные Джованни Табакко для первой части 2-го тома «Истории Италии» (*Storia d'Italia*), и статью Филиппо Бранкуччи «Italia» в издании «Enciclopedia dantesca».

² *Renouard Y. Les villes d'Italie*. Vol. II. Paris, 1969. P. 503.

³ В его письме № 6 «Злокозненным флорентийцам, окопавшимся за своими стенами», написанном 31 марта 1311 года, «в первый год счастливого марша императора Генриха по Италии».

⁴ И все же см. противоположное мнение в блестящей работе: *Goudet J. Dante et la politique*. Paris, 1969.

⁵ *Antonetti P.* Op. cit. P. 43—45.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая

¹ Фундаментальным произведением на эту тему является: *Davidsohn R. Storia di Firenze*. Firenze, Vol. VII. P. 621 sq.; *Fasoli G. La Vita quotidiana nel Medioevo italiano // Nuove questioni di storia medievale*. Milano, 1964. P. 469—472; *Barbadoro B., Dami L. Firenze di Dante*. Firenze, 1965. P. 113—123; *Vita privata a Firenze nei secoli XIV e XV*. Firenze, 1966. P. 53—74; *Viscardi A., Barni G.-L. L'Italia nell' eta comunale*. Torino. P. 319—342.

² *Davidsohn R. Storia di Firenze*, VII. P. 489.

³ *Boccace. Décaméron*, II, 5.

⁴ *Heers J. Le Clan familial au Moyen Age*. Paris, 1974. P. 190 et sq.

⁵ *Le Goff J. Le Moyen Age*. Paris, 1962. P. 189.

⁶ *Dante*. Rime, LI; Enfer, XXI, 136—138.

⁷ См. глоссарий в издании: *Castellani A. Nuovi testi fiorentini*. Firenze, 1952.

⁸ «Чтоб воспретить бесстыжим флорентийкам / Разгуливать с сосцами напоказ» (Чистилище, XXIII, 101—102).

⁹ Процитировано по: *Viscardi, Barni*. P. 316.

¹⁰ *Sacchetti F. Il Trecentonovelle*. № 137.

¹¹ В переводе М. Лозинского: «Не знала ни цепочек, ни корон, / Ни юбок с вышивкой, и пояпочки / Не затмевали тех, кто обряжен» (Рай, XV, 100—102).

¹² *Le Goff J. La Civilisation de l'Occident médiéval*. Paris, 1982. P. 437 et sq.

¹³ *Pinto G. Firenze e la carestia del 1346—1347 // Archivio storico italiano*, 1972. P. 3—84. См. также: *De La Roncière Ch. Florence centre économique régionale au XIV siècle*. Paris, 1976.

¹⁴ *De La Roncière Ch.* Op. cit.

¹⁵ *Le Goff J.* Op. cit., loc.

- ¹⁶ Процитировано по: *Viscardi, Barni*. P. 312—313.
¹⁷ *Pampaloni G.* В книге: *Vita privata a Firenze nei secoli XIV e XV*.
P. 51.
¹⁸ *De La Roncière Ch.* Op. cit., I. P. 403 sq.

Глава вторая

- ¹ *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age. Paris, 1977. P. 46 sq.
² *Pézard A.* Œuvres de Dante. P. 1495, примечание к стиху 98.
³ *Pézard A.* Op. cit., loc. cit.
⁴ *Fasoli G.* Op. cit.
⁵ *Le Goff J.* Op. cit. P. 75.
⁶ *Bargellini P.* Il Costume domestico — в коллективном труде: «Il Trecento». P. 207.
⁷ *D'Haucourt G.* La Vie au Moyen Age. Paris, 1968. P. 76.
⁸ *Fasoli G.* Op. cit. P. 494.
⁹ *Pampaloni G.* Op. cit., P. 31.
¹⁰ *Antonetti P.* L'Histoire de Florence. P. 18—21.
¹¹ В частности, см.: *Aries Ph.* Les Hommes devant la mort. Paris, 1977.
¹² *Le Goff J.* Op. cit. P. 46 sq.
¹³ *D'Addario A.* В книге: *Vita privata...* P. 27.

Глава третья

- ¹ Фундаментальным трудом по данной теме по-прежнему остается: *Tamassia N.* La famiglia italiana. Palermo, 1910.
² *Tamassia N.* Op. cit. P. 111.
³ *Barbadoro, Dami.* Firenze di Dante. P. 119.
⁴ *Dante.* Rime, LXXIV.
⁵ *Davidsohn*, VII. P. 695.
⁶ *Tamassia N.* Op. cit. P. 258, note 4.
⁷ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 428.
⁸ Цитата по: *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 429.
⁹ *Tamassia N.* Op. cit. P. 266.
¹⁰ *Ibid.* P. 351.
¹¹ *Zanelli A.* Le Schiave orientali a Firenze nei secoli XIV e XV. Forni, 1976.
¹² *Sacchetti Fr.* Sposizioni dei Vangeli, XXIX.
¹³ *Davidsohn*. VII. P. 697.
¹⁴ *Antonetti P.* Op. cit. P. 158—159.
¹⁵ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 447.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУБЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая

- ¹ *Sestan E.* Статья «Firenze» в: *Enciclopedia dantesca*.
² *Sestan E.* Op. cit.
³ *Fasoli G.* La Vita quotidiana. P. 475; *La città medievale italiana*. P. 67.
⁴ *Borsook E.* Ecco Firenze. Milano, 1972. P. 161.

Глава вторая

- ¹ Antonetti P. Op. cit. P. 25 sq.
- ² Pampaloni G. Статья «priorato» в: Enciclopedia dantesca.
- ³ Sestan E. Il comune, в коллективном труде: Il Trecento. Firenze, 1953. P. 27.
- ⁴ Renouard Y. Histoire de Florence. P. 72.
- ⁵ Sestan E. Il comune. P. 30.
- ⁶ Waley D. Les Républiques médiévales italiennes. Paris, 1969. P. 77.
- ⁷ Фундаментальным трудом по этому вопросу является: Barbadoro B. Le finanze della repubblica fiorentina. Firenze, 1929.
- ⁸ De La Roncière Ch. Op. cit. P. 18.
- ⁹ De La Roncière Ch. Op. cit. P. 29.
- ¹⁰ Davidsohn. V. P. 219.
- ¹¹ De La Roncière Ch. Op. cit. P. 47.
- ¹² De La Roncière Ch. Op. cit., loc. cit.
- ¹³ Viscardi, Barni. Op. cit. P. 883—884.
- ¹⁴ Villani G. Chronica, VI, 75.
- ¹⁵ Davidsohn. V. P. 473.

Глава третья

- ¹⁶ Pampaloni G. Firenze al tempo di Dante. Roma, 1973. P. XVII.
- ¹⁷ Plessner J. L'Emigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIII siècle. Copenhague, 1934.
- ¹⁸ Pampaloni G. Op. cit. P. XVII.
- ¹⁹ De La Roncière Ch. Op. cit. P. 679.
- ²⁰ De La Roncière Ch. Op. cit. P. 696.
- ²¹ Antonetti P. Op. cit. P. 60—63.
- ²² Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze. Milano, 1972. P. 101—203.
- ²³ Salvemini G. Op. cit. P. 168.
- ²⁴ Ammirato S. Delle famiglie nobili fiorentine. Forni, 1969.
- ²⁵ Renouard Y. Histoire de Florence. P. 72.
- ²⁶ Pampaloni G. Op. cit. P. XX.
- ²⁷ Pampaloni G. Op. cit. P. XXXVII.
- ²⁸ De La Roncière Ch. Op. cit.
- ²⁹ Viscardi, Barni. Op. cit. P. 450.
- ³⁰ Интерпретацию этого эпизода см. в комментариях к переводу «Божественной комедии».
- ³¹ Viscardi, Barni. Op. cit. P. 457; Le Goff J. La Civilisation de l'occident médiéval. P. 392.
- ³² Davidsohn. VII. P. 612.

Глава четвертая

- ¹ D'Haucourt G. La Vie au Moyen Age. P. 62.
- ² Villani G. Chronica, VIII, 70.
- ³ Pézard A. Œuvres de Dante. P. 916 и примечание.
- ⁴ Боккаччо. Декамерон, I, 8.
- ⁵ См. статью «zara» в: Enciclopedia dantesca.

Глава первая

- ¹ *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age. Paris, 1977. P. 46 sq.
- ² *Le Goff J.* Op. cit. P. 68.
- ³ *Le Goff J.* Op. cit.
- ⁴ *Le Goff J.* Op. cit.
- ⁵ *Le Goff J.* Op. cit. P. 69.
- ⁶ *Le Goff J.* Op. cit. P. 71.
- ⁷ *Le Goff J.* Op. cit. P. 75.
- ⁸ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 653—654.
- ⁹ *Rutenburg V.* Popolo e movimenti popolari nell'Italia del '300 e del '400. Bologna, 1971. P. 67.
- ¹⁰ *Rutenburg V.* Op. cit. P. 68.
- ¹¹ *Rutenburg V.* Op. cit. P. 74.

Глава вторая

- ¹ Классическим трудом по этому вопросу является: *Doren A.* Le arti fiorentine. Firenze, 1940. См. также: *Renard G.* Histoire du travail à Florence. Paris, 1913.
- ² *Le Goff J.* Op. cit. P. 105.
- ³ *Le Goff J.* Op. cit. P. 106.
- ⁴ *Santi Galleri.* L'Arte dei giudici e notai di Firenze. Firenze, 1968.
- ⁵ *Santi Galleri.* Op. cit. P. 29.
- ⁶ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 114—178.
- ⁷ *Pampaloni G.* Arti maggiori // Enciclopedia dantesca.
- ⁸ *Renard G.* Histoire du travail à Florence, I. P. 159.
- ⁹ *Bonolio G.* La giurisdizione della Mercanzia in Firenze nel secolo XIV. Firenze, 1901.

Глава третья

- ¹ *Bernocchi M., Fantappiè R.* Le monete della Republica di Firenze. Firenze, 1974; *De La Roncière Ch.* Un changeur florentin du Trecento. Paris, 1974.
- ² *De La Roncière Ch.* Florence centre économique régional. P. 510.
- ³ *Davidsohn V.* 254.
- ⁴ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 828.
- ⁵ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 829.
- ⁶ *De La Roncière Ch.* Un changeur florentin du Trecento. P. 219—222.
- ⁷ *De La Roncière Ch.* Op. cit. P. 21 sq.; *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 853 sq.
- ⁸ *De La Roncière Ch.* Un changeur florentin du Trecento. P. 37.
- ⁹ *Le Goff J.* Marchands et banquiers du Moyen Age. Paris, 1972. P. 31.
- ¹⁰ *De La Roncière Ch.* Op. cit. P. 37.
- ¹¹ Цитируем по: Mostra di Firenze ai tempi di Dante. P. 90.
- ¹² *Le Goff J.* Marchands et banquiers du Moyen Age. P. 32.
- ¹³ Цитируем по: Mostra di Firenze ai tempi di Dante. Firenze, 1966. P. 89.
- ¹⁴ *Melis F.* La vita economica di Firenze al tempo di Dante // Atti del Congresso internazionale di studi danteschi. Firenze, 1966. II. P. 109.

- ¹⁵ *Melis F.* Op. cit. P. 110.
¹⁶ *Melis F.* Op. cit. P. 119.
¹⁷ *Davidsohn.* VI. P. 18—19.
¹⁸ См.: *Melis F.* Op. cit. P. 103 sq. См. также: *Renouard Y.* Les hommes d'affaires italiens au Moyen Age. Paris, 1949. P. 152.
¹⁹ *Le Goff J.* Marchands et banquiers... P. 22.
²⁰ *Melis F.* Op. cit. P. 103.
²¹ По истории каждого из этих семейств см.: *Peruzzi S.* Storia del commercio e dei banchieri di Firenze. Roma, 1966; *Davidsohn.* VI. P. 364—378.
²² *Sapori A.* I secoli d'oro del mercante di Firenze // Il Trecento. Firenze, 1953. P. 191.

Глава четвертая

- ¹ *Rutenburg V.* Popolo e movimenti popolari... P. 69 sq.
² *De La Roncière Ch.* Florence centre économique...
³ *De La Roncière Ch.* Florence centre économique... а также его работы: *Pauvres et pauvreté à Florence au XIV siècle.* P. 661—745.
⁴ *De La Roncière Ch.* Florence centre économique... P. 61.
⁵ *De La Roncière Ch.* Pauvres et pauvreté... P. 674.
⁶ *De La Roncière Ch.* Florence centre économique. P. 425.
⁷ *Sapori A.* Un bilancio domestico a Firenze alla fine del Duecento // *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 841.
⁸ *Peruzzi S.* Storia del commercio e dei banchieri di Firenze. Roma. P. 371—372.
⁹ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 843.
¹⁰ *Sapori A.* Un bilancio... // *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 846; *Rutenburg V.* Popolo e movimenti popolari... P. 87, note 276.
¹¹ *De La Roncière Ch.* Florence centre économique... P. 415.
¹² *De La Roncière Ch.* Florence centre économique... P. 431.
¹³ *Villani G.* Cronica, X, 162.
¹⁴ *Davidsohn.* V. P. 322.
¹⁵ *De La Roncière Ch.* Pauvres et pauvreté à Florence... М. Гоглен в своей книге (*Goglin J.-M.* La pauvreté dans l'Occident médiéval. Paris, 1977) лишь резюмировал исследование Де Ла Ронсьера, на которое мы в основном и опирались.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая

- ¹ *Hay D.* Profilo storico del Rinascimento italiano. P. 63, note 3.
² *Davidsohn.* VII. P. 108.
³ *Quilici B.* La Chiesa di Firenze // Archivio storico italiano, 1969. P. 283.
⁴ *Le Bras G.* Histoire de l'Eglise. Vol. XII. P. 88.
⁵ *Becker M.* Florentine politics and the diffusion of heresy...
⁶ *Quilici B.* Op. cit. P. 283.
⁷ *Quilici B.* Op. cit. P. 274, note 22.
⁸ *Pézarid A.* Œuvres de Dante. P. 1511, note 113.
⁹ *Quilici B.* Op. cit. P. 296—305; *Davidsohn.* VII, 76—80.

¹⁰ См. также: *Villani G.* Cronica, VIII, 92; статьи «Templari» и «Pempio» в: *L'Enciclopedia dantesca*; *Cbelini J.* P. 294—295, 379—382.

¹¹ *Cbellini J.* Op. cit. P. 339—348.

¹² См. комментарий в книге: *Pézard A.* Œuvres de Dante. P. 1468, примечания.

¹³ *Davidsohn.* VII. P. 69—76.

¹⁴ *Davidsohn.* VII. P. 55—64.

¹⁵ *Davidsohn.* VII. P. 31.

¹⁶ *Davidsohn.* VII. P. 64.

¹⁷ Классической работой по этой теме остается: *Monti G. M.* Le confraternite medievali dell'Alta e Media Italia. Venezia, 1927. Относительно флорентийского «контадо» («contado») см.: *De La Roncière Ch.* La place des confrères...

¹⁸ *Cimentier F.* Dictionnaire pratique des connaissances religieuses, Vol. II. См. также: *Dubr J.* «Confrérie» // Dictionnaire de spiritualité chrétienne, Vol. II, 2 partie.

¹⁹ *Lagarde.* La naissance de l'esprit laïque... P. 88.

²⁰ *Morghen R.* Vita religiosa e vita cittadina... P. 227, note I.

²¹ *De La Roncière Ch.* Pauvres et pauvreté... P. 691.

²² Важные сведения по рассматриваемому вопросу содержатся в книге: *Jannotti-Rayard M.* Religion et religiosité à Florence (XIII—XIV siècles). Aix-en-Provence, 1975.

Глава вторая

¹ *Delaruelle E.* Dévotion populaire et hérésie au Moyen Age // La piété populaire au Moyen Age. Torino, 1975. P. 198.

² *Cbelini J.* Op. cit. P. 304—315.

³ *Delcorno C.* La predicazione nell'età comunale. Firenze, 1976.

⁴ *Davidsohn.* VII. P. 128—142; *De La Roncière Ch.* Pauvres et pauvreté... P. 686—691.

⁵ *Davidsohn.* VII. P. 142.

⁶ *Cbelini J.* Op. cit. P. 315—316.

⁷ *Villani.* VIII, 121.

⁸ *Oursel R.* Les pèlerins du Moyen Age. Paris, 1963.

⁹ *Davidsohn.* VII. P. 147.

¹⁰ *Cbelini J.* Op. cit. P. 316.

¹¹ *Manselli R.* La religion populaire au Moyen Age. Naples, 1963. P. 63, note.

¹² *Morgen R.* Vita religiosa e vita cittadina... P. 199.

¹³ *Villani G.* I, 61.

¹⁴ *Davidsohn.* VII. P. 205.

¹⁵ *Delaruelle E.* La piété populaire... P. 43—78.

¹⁶ *De La Roncière Ch.* L'influence des franciscains... P. 27—103.

¹⁷ *De La Roncière Ch.* Op. cit. P. 31 sq.

Глава третья

¹ Мы позаимствовали это название в книге: *Le Goff J.* La civilisation de l'Occident médiéval. P. 387.

² См.: *Davidsohn.* VII. P. 194—197; *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 458 sq.; *Milano A.* Storia degli Ebrei in Italia. Torino, 1963; ясное резюме данного вопроса в работе: *Cbelini J.* Op. cit. P. 323—327; *Le Goff J.* La civilisation... P. 389—390.

- ³ *Milano A.* Op. cit. P. XV.
⁴ *Milano A.* Op. cit. P. XVI—XVII.
⁵ *Davidsohn.* VII. P. 196.
⁶ *Milano A.* Op. cit. P. 76.
⁷ *Chelini J.* Op. cit. P. 367—368.
⁸ *Isaac J.* L'antisémitisme a-t-il des racines chrétiennes? Paris, 1960.
⁹ *Milano A.* Op. cit. P. III.
¹⁰ Правда, во Франции гетто появилось гораздо раньше: в 1294 году Филипп Красивый повелел устроить его для евреев Бокера.
¹¹ *Penna A.* «Giuda» // *Enciclopedia dantesca.*
¹² *Bigi E.* «Giudecca» // *Enciclopedia dantesca.*
¹³ *Penna A.* Op. cit.
¹⁴ *Penna A.* Op. cit.
¹⁵ *Penna A.* Op. cit.
¹⁶ *Le Goff J.* La civilisation... P. 387.
¹⁷ *Davidsohn.* VII. P. 159—181.
¹⁸ *Stephens J. N.* Heresy in Medieval and Renaissance Florence // *Past and Present*, 1972. P. 27.
¹⁹ L'eresia medievale. P. 170.
²⁰ *Stephens J. N.* Op. cit. P. 30.
²¹ L'eresia medievale. P. 172.
²² *Miccoli G.* «Dolcino» // *Enciclopedia dantesca.*
²³ *Manselli R.* «Eresia» // *Enciclopedia dantesca.*
²⁴ Их перечень был бы слишком длинным, поэтому ограничимся именами А. Пезара, П. Ренуччи, Э. Жильсона во Франции и М. Барби, Н. Сапенье, С. Кименц, Р. Манселли в Италии.
²⁵ *Pézarad A.* Dante épiscopien? P. 317—318.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая

- ¹ *Le Goff J.* Les Intellectuels au Moyen Age. P. 85.
² *D'Haucourt G.* La Vie au Moyen Age. P. 78.
³ *Le Goff J.* Les Intellectuels... P. 13.
⁴ *Zingarelli N.* Dante. Vol. I. P. 93.
⁵ Наши источники по данному вопросу многочисленны; см., в частности: *Zingarelli N.* Dante.
⁶ *Melis F.* Vita economica ai tempi di Dante.
⁷ *Brugnoli G.* «Donato» // *Enciclopedia dantesca.*
⁸ *Brugnoli G.* «Prisciano» // *Enciclopedia dantesca.*
⁹ *Zingarelli N.* Dante. P. 94.
¹⁰ *Pézarad A.* Œuvres de Dante. P. 1023.
¹¹ *Zingarelli N.* Dante. P. 96.
¹² *Wieruszowski H.* The Medieval Universities. Princeton, 1966; *Chelini J.* Op. cit. P. 348—354.
¹³ *Pézarad A.* Œuvres de Dante. P. 1498.
¹⁴ *Pézarad A.* Œuvres de Dante. P. 1023, note 127—129.
¹⁵ См. литературу, указанную в примечании 12.
¹⁶ *Wieruszowski H.* Op. cit. P. 5.
¹⁷ *Wieruszowski H.* Op. cit.
¹⁸ *Le Goff J.* Les Intellectuels... P. 100.
¹⁹ *Le Goff J.* Les Intellectuels... P. 102.

- ²⁰ *Le Goff J.* Les Intellectuels... P. 104.
²¹ В частности: *Renucci P.* Dante disciple et juge... P. 27.
²² *Davis Ch.T.* Education in Dante's Florence. P. 435.
²³ См. по этому вопросу классические произведения: *Renaudet A.* Dante humaniste; *Renucci P.* Dante disciple et juge...
²⁴ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 572.

Глава вторая

- ¹ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 249.
² *Le Goff J.* La Civilisation... P. 252.
³ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 254.
⁴ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 180—213; *Crombie A. C.* Histoire des sciences de saint Augustin à Galilée. Paris, 1959. Vol. I. P. 200—215; *Beaujouan G.* La science dans l'Occidental médiéval // Histoire générale des sciences. Paris, 1957. P. 524—526, 578—581.
⁵ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 200.
⁶ *Beaujouan G.* Op. cit. P. 580.
⁷ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 210.
⁸ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 202.
⁹ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 825.
¹⁰ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 819—820.
¹¹ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 303.
¹² *Le Goff J.* La Civilisation... P. 303.
¹³ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 388.
¹⁴ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 388—389.
¹⁵ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 393.
¹⁶ *Bosco U.* «Lebbra» // Enciclopedia dantesca.
¹⁷ *Foucault M.* Histoire de la folie à l'âge classique. Paris, 1977.
¹⁸ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 390.
¹⁹ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 214.
²⁰ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 214.
²¹ *Davidsohn.* VII. P. 647—650.
²² *Davidsohn.* VII. P. 87—104.
²³ *De La Roncière Ch.* Florence centre économique régional.
²⁴ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 492.
²⁵ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 492—493.
²⁶ *D'Haucourt G.* La Vie au Moyen Age. P. 109.
²⁷ См.: *Crombie A. C.* Op. cit.
²⁸ *Beaujouan G.* Op. cit. P. 565.
²⁹ *Beaujouan G.* Op. cit. P. 531.
³⁰ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 159.
³¹ Mostra di Firenze ai tempi di Dante. P. 95—96.
³² Об этом см.: *Renucci P.* Dante disciple et juge du monde gréco-latin. Paris, 1954.
³³ Mostra di Firenze... P. 73.
³⁴ *Beaujouan G.* Op. cit. P. 531.
³⁵ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 804.
³⁶ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 112.
³⁷ *Beaujouan G.* Op. cit. P. 379.
³⁸ *Beaujouan G.* Op. cit. P. 380.
³⁹ *Beaujouan G.* Op. cit. P. 569.
⁴⁰ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 118.
⁴¹ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 118.

- ⁴² *Crombie A. C.* Op. cit. P. 119.
⁴³ *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 804.
⁴⁴ *Le Goff J.* La Civilisation... P. 275.
⁴⁵ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 173.
⁴⁶ *Crombie A. C.* Op. cit. P. 173.
⁴⁷ *Davidsohn.* VI. P. 107—164; *Viscardi, Barni.* Op. cit. P. 779—792.
⁴⁸ *Davidsohn.* VI. P. 23.

Глава третья

¹ По этому вопросу существует достаточное количество специальных исследований, к которым мы и отсылаем заинтересованного читателя.

² Нашими источниками, в частности, послужили: *D'Ancona A.* *Origini del teatro italiano.* Torino, 1891; *Toschi P.* *Le Origini del teatro italiano.* Torino, 1955; *Apollonio M.* *Storia del teatro italiano.* Firenze, 1954; *Konigson E.* *L'Espace théâtral médiéval.* Paris, 1975.

³ *Konigson E.* Op. cit. P. 7.

⁴ *Konigson E.* Op. cit. P. 13—53.

⁵ *D'Ancona A.* Op. cit. P. 97.

⁶ *D'Ancona A.* Op. cit. P. 91.

⁷ *Toschi P.* Op. cit. P. 656.

⁸ *Toschi P.* Op. cit. P. 657.

⁹ *Toschi P.* Op. cit. P. 662.

¹⁰ *De Bartolomaeis V.* *Le Origini della poesia drammatica italiana.* Bologna, 1924. P. 207.

¹¹ *Toschi P.* Op. cit. P. 683.

¹² *Chailley J.* *Histoire musicale du Moyen Age.* Paris, 1950; *Pirrota N.* *L'Arte Nova italiana // Histoire de la musique.* Paris, 1960.

¹³ Цитируем по: *Davidsohn.* VII. P. 571.

¹⁴ Цитируем по: *Le Goff J.* La Civilisation... P. 636.

¹⁵ Цитируем по: *Davidsohn.* VII. P. 573.

¹⁶ *Monterosso R.* «Musica» // *Enciclopedia dantesca.* P. 1063.

¹⁷ *Monterosso R.* Op. cit. P. 1061.

¹⁸ *Monterosso R.* Op. cit. P. 1061.

¹⁹ *Pirrota N.* Op. cit. P. 783.

²⁰ *Davidsohn.* VII. P. 574.

²¹ *Apollonio M.* Op. cit. P. 119.

²² *Apollonio M.* Op. cit. P. 119.

²³ *Chailley J.* Op. cit.: La Pléiade.

²⁴ *Chailley J.* Op. cit. P. 742.

²⁵ *Monterosso R.* «Canzone» // *Enciclopedia dantesca.* P. 808.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ *Pirrota N.* Op. cit. P. 783.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ *Monterosso R.* «Arpa» // *Enciclopedia dantesca.* P. 389.

³² *Monterosso R.* «Musica» // *Enciclopedia dantesca.* P. 1062.

ЭПОХА ДАНТЕ: КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

- 1250 — Смерть императора Фридриха II. Во Флоренции принята так называемая Первая народная конституция.
- 1252 — Во Флоренции начали чеканить золотой флорин. В Париже преподавал святой Фома Аквинский.
- 1257 — Робер де Сорбон учредил в Париже коллеж для подготовки теологов.
- 1260 — При Монтаперти армия гвельфов разгромлена Манфредом, сыном императора Фридриха II. Во Флоренции победа гибеллинов.
- 1265 — Во Флоренции родился Данте Алигьери.
- 1266 — Близ Беневенто убит Манфред. К власти во Флоренции приходят гвельфы. Святой Фома Аквинский опубликовал свою «Сумму теологии».
- 1268 — Смерть Конрадина, последнего потомка императора Фридриха II. Карл Анжуйский становится королем Сицилии.
- 1270 — Смерть Людовика Святого в Тунисе.
- 1280 — Во Флоренции кардинал Латино «помирил» гвельфов и гибеллинов.
- 1282 — Во Флоренции учреждена должность приоров. Французы изгнаны с Сицилии («Сицилийская вечерня»). Педро III Арагонский становится королем Сицилии.
- 1284 — Пизанский флот разгромлен флотом Генуи. Начало строительства во Флоренции большой городской стены.
- 1289 — Победа флорентийцев над аретинцами на Кампальдино.
- 1293 — Во Флоренции приняты «Установления справедливости».
- 1294 — Смерть папы римского Целестина V. Папой римским становится Бонифаций VIII. Во Флоренции приступили к строительству собора Санта Кроче.
- 1292 — 1295 — Данте сочиняет «Новую жизнь».
- 1296 — Во Флоренции приступили к строительству собора Санта-Мария дель Фьоре.
- 1300 — Бонифаций VIII объявляет юбилейный год. Во Флоренцию прибывает с миссией кардинал Д'Акваспарта. 1 мая во Флоренции началась борьба между белыми и черными гвельфами.
- 1301 — Карл Валуа вошел во Флоренцию. Изгнание из города белых гвельфов.
- 1302 — Данте приговорен к сожжению на костре.
- 1303 — Покушение в Ананьи на папу Бонифация VIII, его кончина.
- 1305 — Папой избран Климент V, его переселение в Авиньон.
- 1308 — Начало преследования тамплиеров. Граф Люксембургский избран королем Германии под именем Генриха VII.
- 1311 — Генрих VII прибыл в Италию.
- 1313 — Смерть Генриха VII.
- 1314 — Смерть Филиппа Красивого. Смерть папы Климента V. Во Флоренции власть переходит к королю Роберту Неаполитанскому и его наместнику.
- 1315 — Флорентийцы потерпели поражение при Монтекатини от гибеллинов под командованием Уггуччоне делла Фаджола.
- 1316 — Избрание папой Иоанна XXII; Авиньон становится папской резиденцией.
- 1321 — Смерть Данте в Равенне.

ИСТОЧНИКИ

Настоящая хронологическая таблица составлена на основании хронологии жизни Данте из книги Пезара (*Pézar A. Dans le sillage de Dante. Paris, 1975*), хронологических таблиц Ж. Ле Гоффа (*Le Goff J. La civilisation de l'Occident médiéval. Paris, 1964*) и работы Ж. Делорма (*Delorme J. Les grands dates du Moyen Age. Paris, 1982*).

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДАНТЕ

- 1265 — Конец мая или начало июня: во Флоренции родился Данте Алигьери.
- 1274 — Первая встреча с Беатриче.
- 1283 — Вторая встреча с Беатриче; написан первый сонет.
- 1289 — Участие в сражении на Кампальдино.
- 1290 — Смерть Беатриче.
- 1292—1295 — Написание «Новой жизни».
- 1293 (?) — Женильба на Джемме Донати.
- 1295 — Данте входит в состав различных советов Флорентийской республики; предварительно он записался в цех врачей и аптекарей.
- 1300 — В мае Данте отправился послом в Сан-Джиминьяно; с 15 июня по 15 августа исполнял обязанности приора. Паломничество в Рим на юбилей (?).
- 1301 — Деятельность в составе Совета Ста (апрель — сентябрь); посольство к Бонифацию VIII в Рим (июнь?; октябрь?).
- 1302 — 27 января: заочно приговорен к двум годам изгнания; 10 марта: заочно приговорен к сожжению заживо; июнь: участие в съезде изгнанников, гвельфов и гибеллинов, в Сан-Годенцо-ин-Муджелло.
- 1303 — Пребывание в Форли, у Скарпетты Орделаффи; Данте покидает своих товарищей по изгнанию и находит убежище в Вероне, в Бартоломео делла Скала.
- 1304—1306 — Возможно, пребывание в Падуе, Тревизо, Венеции.
- 1304—1307 (?) — Сочинение трактата «Пир» (?); приступил к написанию «Божественной комедии», «Ад» (?); сочинение трактата «О народном красноречии» (?).
- 1308 — Возможно, пребывание в Лукке.
- 1310 — Пребывание в Париже (?) (весьма сомнительно).
- 1308—1312 — Написание «Чистилища» (?).
- 1310—1312 (или 1313) — Написание трактата «Монархия» (?); «Послание князьям, правителям и народу Италии».
- 1311 — «Послание злокозненным флорентийцам»; «Послание императору Генриху VII»; Данте навеки отказано в амнистии.
- 1314 — «Послание кардиналам, собравшимся на конклав».
- 1315 — Вынесение нового приговора о предании смертной казни Данте и его сыновей. Продолжительное пребывание, после с 1315 года, в Вероне, около монастыря Кангранде делла Скала.
- 1316—1321 — Написание «Рая».
- 1319 (?) — Пребывание в Равенне при дворе Гвидо Новелло да Полента.
- 1319—1320 — Сочинение «Эклог» на латинском языке.
- 1320 — В Вероне проводит публичные читки своего трактата *Quaestio de aqua et terra* («Исследование о воде и земле»).
- 1321 — Посольство в Венецию (?).
- 1321 — 13 или 14 сентября: кончина в Равенне.

ИСТОЧНИКИ

Хронология составлена на основании следующих трудов: *Pézar d A. Œuvres complètes de Dante*; *Portier L. Dante. Paris, 1965*; *Goudet J. Dante et la politique. Paris, 1969*; *Renucci P. Dante. 1954*.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОЧНИКИ

- Боккаччо Дж.* Декамерон / Пер. с ит. Н. Любимова; Жизнь Данте / Пер. с ит. Э. М. Линецкой. 1987.
- Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции. М., 1997.
- Данте А.* Новая жизнь; Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. М., 1967.
- Данте А.* Малые произведения: Пир. О народном красноречии. Монархия / Пер. А. Г. Габричевского, И. Н. Голенищева-Кутузова, В. П. Зубова, Ф. А. Петровского. СПб., 1996.
- Макиавелли Н.* История Флоренции. Л., 1973.
- Новеллино. М., 1984.
- Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974.
- Саккетти Ф.* Новеллы. М., 1962.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Абрамсон М. Л.* От Данте к Альберти. М., 1979.
- Алпатов М. В.* Итальянское искусство эпохи Данте и Джотто. М.-Л., 1939.
- Баткин Л. М.* Данте и его время. Поэт и политика. М., 1965.
- Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.
- Голенищев-Кутузов И. Н.* Данте. М., 1967.
- Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
- Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1—4. М., 1999—2000.
- Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.
- Городская культура: Средневековье и начало Нового времени. Л., 1986.
- Гревс И. М.* Кровавая свадьба Буондельмонте: Жизнь итальянского города в XIII в. Л., 1925.
- Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
- Де Санктис Ф.* История итальянской литературы. М., 1963.
- Дживелегов А. К.* Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902.
- Доброхотов А. Л.* Данте Алигьери. М., 1990.
- Дюби Ж.* Европа в Средние века. Смоленск, 1994.
- История Италии. Т. 1. М., 1970.
- Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в VIII—XV вв. М., 1987.
- Краснова И. А.* Деловые люди Флоренции. М., 1995.
- Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Любимов Л. Д.* Искусство Западной Европы. Средние века. Возрождение в Италии. М., 1976.
- Очерки истории Италии. М., 1959.
- Рутенбург В. И.* Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Л., 1987.
- Федорова Е. В.* Знаменитые города Италии: Рим. Флоренция. Венеция. Памятники истории и культуры. М., 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Д. Балакин. Древний, но вечно цветущий город — Флоренция
6

Введение

Италия и Флоренция времен Данте
21

Часть первая ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая. ДОМАШНЕЕ УБРАНСТВО

Дом. — Мебель. — Одежда. — Питание
30

Глава вторая. ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ

День, месяц, год. — Рождение и крещение. — Обручение,
помолвка и брак. — Смерть
52

Глава третья. СЕМЬЯ

Отец и сыновья. — Девушка. — Замужняя женщина. — Вдова. —
Слуги и невольники. — Незаконнорожденные и сожительницы
70

Часть вторая ПУБЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая. ОБЛИК ГОРОДА

Развитие города. — Улицы. — Общественные и частные
здания. — Реска и мосты
86

Глава вторая. УЧРЕЖДЕНИЯ

Правительство. Городские учреждения. — Финансы. —
Правосудие. — Армия и полиция
101

Глава третья. ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ

Население. — Аристократия. — Буржуазия. — Народ. —
Маргиналы: нищие, воры, сводники и проститутки, гомосексуалисты
127

Глава четвертая. ПРАЗДНИКИ И ИГРЫ

Религиозные праздники. День святого Иоанна Крестителя. —
Светские праздники. Майский праздник. — Веселые компании.
Жонглеры и шуты. — Азартные игры
144

Часть третья
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая. ТРУДОВОЙ РИТМ

Насыщенный рабочий день. — Отдых и нерабочие дни. —
Продолжительность активной жизни. «Социальное
обеспечение»

152

Глава вторая. ЦЕХИ

Два старших цеха: Калимала и Лана. — Законодательство о труде

158

Глава третья. ТОРГОВЛЯ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И БАНКИ

Деньги. — Единицы мер и весов. — Новые банковские операции. —
Лавки и мастерские. — Компании

169

Глава четвертая. ЗАРПЛАТА И ЦЕНЫ

Зарплата. — Цены. — Богатые. — Бедность и нужда

177

Часть четвертая
РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая. БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ ДУХОВЕНСТВО

Облаченные в сутану. — Клер в кризисе. — Церкви и
монастыри. — Третьи ордена и братства

184

Глава вторая. КУЛЬТ

Культ и проповедь. — Процесии, паломничества и реликвии. —
Суеверия и магия

201

Глава третья. ИЗГОИ

Евреи. — Еретики

214

Часть пятая
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая. ШКОЛА

Начальное образование. — Среднее образование. —
Высшее образование

223

Глава вторая. НАУКА И ТЕХНИКА

Медицина. — Математические науки. — Астрономия
и астрология. — Химия и алхимия. — Техника

236

Глава третья. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Театр. — Музыка, танцы и пение

254

Заключение

Миф и реальность. Данте и Флоренция

270

Примечания

272

Эпоха Данте: краткая хронология

281

Хронология жизни и творчества Данте

283

Литература на русском языке

284

Антонетти П.

А 72 Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте / Пер. с фр. и предисл. В. Д. Балакина. — М.: Мол. гвардия, 2004. — 287[1] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02626-8

Книга известного французского историка Пьера Антонетти освещает разнообразные стороны жизни Флоренции на рубеже XIII—XIV веков, в один из самых драматических периодов ее развития, когда рушились прежние устои и традиции, а на смену христианскому и рыцарскому Средневековью шло жесткое и рациональное Новое время. Именно в эту эпоху жил и творил величайший флорентийский поэт, автор «Божественной комедии», Данте Алигьери.

**УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4**

Антонетти Пьер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФЛОРЕНЦИИ ВО ВРЕМЕНА ДАНТЕ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. В. Черников**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

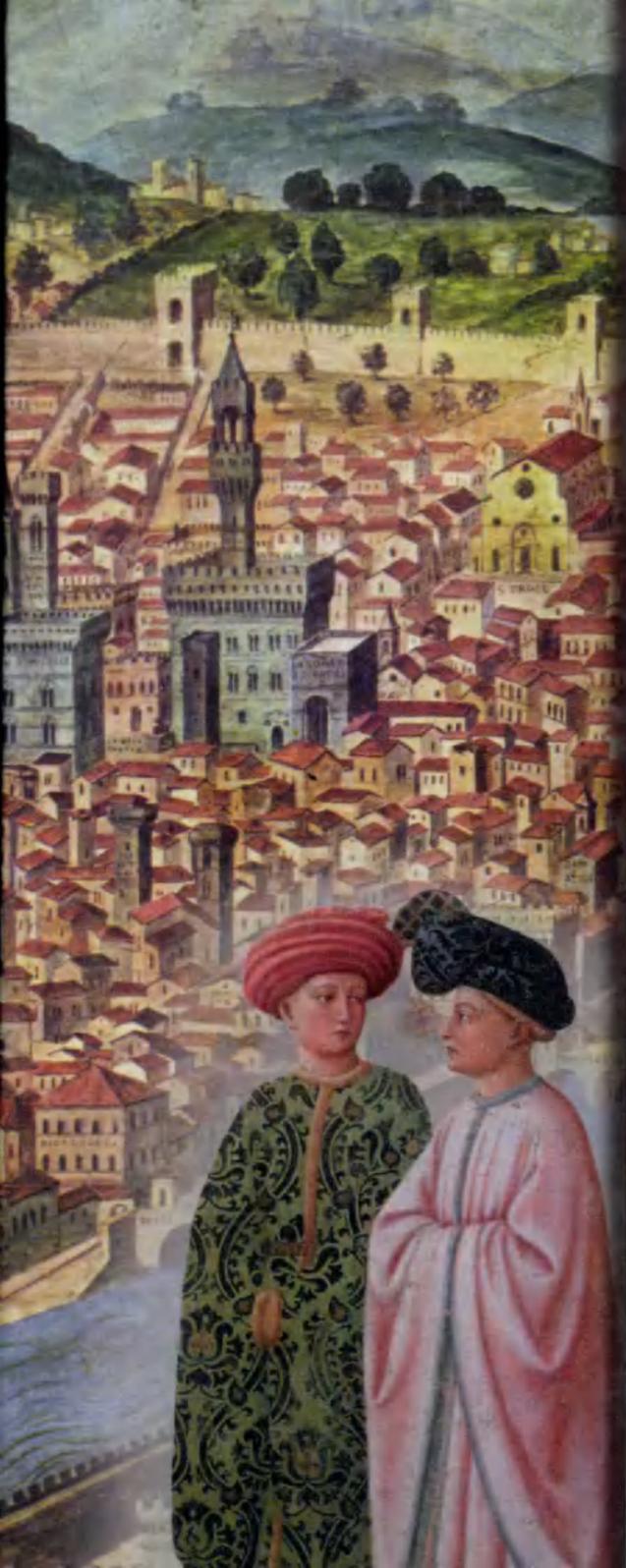
Сдано в набор 11.08.2003. Подписано в печать 10.02.2004. Формат 84х108/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 15,12+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 34102.

Издательство ОАО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru.

Типография ОАО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02626-8

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНА ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Л. Крете

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КАЛИФОРНИИ ВО ВРЕМЕНА
ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ

Ж. Бордонов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАМПЛИЕРОВ В XIII ВЕКЕ

Л. Адлер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ

М. Дефурно

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА

ISBN5-235-02626-8

9 785235 026261 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ